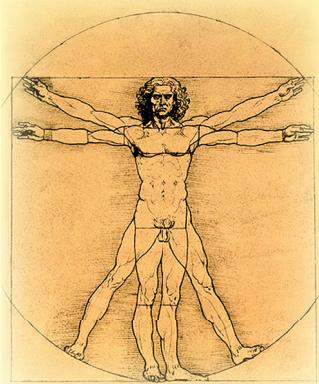

ISSN 2076-4359

№VI (62)
2022

Учёные записки

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.
Редакция не возвращает рукописи авторам.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых периодических изданий ВАК РФ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Ученые записки Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты:
journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГТУ», находящейся на сайте <http://www.knastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя:
681013, г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27

Телефон для справок:
+7 (4217) 24-13-48

Адрес редакции: 681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
ул. Комсомольская, д. 50, ауд.508
Телефон для справок:
+7 (4217) 24-13-48

Индекс журнала
в каталоге Роспечать: 66090.

Цена свободная.

© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КнАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель:
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:

Алексей Иванович Евстигнеев,
д-р техн. наук, проф.

Заместитель главного редактора,
ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»:

Сергей Николаевич Иванов,
д-р техн. наук, доц.

Заместитель главного редактора,
ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:

Галина Алексеевна Шушарина,
канд. филол. наук, доц.

Технический редактор:

Татьяна Николаевна Карпова

Дизайн и верстка:

Оксана Вадимовна Приходченко,
канд. техн. наук

Менеджер информационных ресурсов:

Иван Константинович Андрианов,
канд. техн. наук

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (**Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф.);
2. Энергетика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, д-р техн. наук, проф.);
3. Управление, вычислительная техника и информатика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, д-р техн. наук, проф., **Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф., **Сергей Николаевич Иванов**, д-р техн. наук, доц., **Николай Алексеевич Тарануха**, д-р техн. наук, проф., **Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
4. Математика и механика (**Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
5. Машиностроение (**Михаил Юрьевич Сарилов**, д-р техн. наук, доц., **Борис Николаевич Марьин**, д-р техн. наук, проф., **Борис Яковлевич Мокрицкий**, д-р техн. наук, доц., **Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф., **Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
6. Металлургия и металловедение (**Владимир Алексеевич Ким**, д-р техн. наук, проф., **Олег Викторович Башков**, д-р техн. наук, доц.);
7. Флот и кораблестроение (**Николай Алексеевич Тарануха**, д-р техн. наук, проф., **Виктор Михалович Козин**, д-р техн. наук, проф.);
8. Науки о земле и безопасности жизнедеятельности человека (**Ирина Павловна Степанова**, д-р техн. наук, проф.);
9. Строительство и архитектура (**Николай Петрович Крадин**, д-р архитектуры, проф., член-корреспондент РААСН, **Олег Евгеньевич Сысоев**, д-р техн. наук, доц.).

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:

1. Философия, социология и культурология (**Татьяна Алексеевна Чабанюк**, д-р культурологии, проф., **Виктория Юрьевна Прокофьева**, д-р филол. наук, проф., **Вера Ивановна Юдина**, д-р культурологии, доц., **Надежда Юрьевна Костюрина**, д-р культурологии, доц., **Илья Игоревич Докучаев**, д-р филос. наук, проф., **Александр Георгиевич Никитин**, д-р филос. наук, проф.);
2. Филология и искусствознание (**Олег Александрович Бузуев**, д-р филос. наук, проф.);
3. Психология и педагогика (**Татьяна Евгеньевна Наливайко**, д-р пед. наук, проф.);
4. Политология и право (**Владимир Александрович Смоляков**, д-р полит. наук);
5. История (**Жанна Валерьевна Петрунина**, д-р ист. наук, проф.);
6. Экономика (**Геннадий Иванович Усанов**, д-р экон. наук, проф., **Елена Витальевна Кизиль**, д-р экон. наук, доц.).

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

СЕРИЯ: «НАУКИ О ПРИРОДЕ И ТЕХНИКЕ»

АВИАЦИОННАЯ И РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ШПОРТ, доктор технических наук

ЦҮЙ СЮЙ, профессор Шенъянского аэрокосмического университета (КНР)

ЭНЕРГЕТИКА

АЛЕКСАНДР ЛООС, доктор философии, профессор Академии Грюндига в Нюрнберге (Германия)

ИШТВАН ВАЙДА, доктор технических наук, профессор, директор Института автоматики Будапештского университета технологии и экономики (Венгрия)

ШАНДОР ХАЛАС, доктор технических наук, профессор Будапештского университета технологии и экономики (Венгрия)

УПРАВЛЕНИЕ, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ИНФОРМАТИКА

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, директор Института автоматики и процессов управления ДВО РАН

ТАКАО ИТО, доктор технических наук, профессор факультета бизнес-управления Университета Миякизи (Япония)

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА

НИКИТА ФЁДОРОВИЧ МОРОЗОВ, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теории упругости Санкт-Петербургского государственного университета

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕВИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом математического моделирования, механики и мониторинга природных процессов Института автоматики и процессов управления ДВО РАН

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ АННИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом механики деформируемого твёрдого тела Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН

МАШИНОСТРОЕНИЕ

ЭДУАРД СТЕПАНОВИЧ ГОРКУНОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института машиноведения УрО РАН

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ХОЛЬКИН, академик РАН, доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ, доктор технических наук, профессор, ректор Московского государственного технологического университета «Станкин»

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛОВЕДЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАБЛОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Всероссийского института авиационных материалов

КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ ГРИГОРОВИЧ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией диагностики материалов Института metallurgии и материаловедения им. А. А. Байкова РАН

ФЛОТ И КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

ЛЕОНID АНАТОЛЬЕВИЧ НАУМОВ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем морских технологий ДВО РАН

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНEDЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КИСЕЛЕВ, академик РАСХН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Дальневосточного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельского хозяйства РАСХН

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

ШИ ТИЕМАО, доктор философии, профессор, проректор Шенъянского архитектурно-строительного университета (КНР)

СЕРИЯ: «НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ»

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДАВИД ИЗРАИЛЕВИЧ ДУБРОВСКИЙ, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕРДЮКОВ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

СВЕТЛANA ГРИГОРЬЕВНА ТЕР-МИНАСОВА, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета

ВАН ЦЗИНЬЛИН, доктор философии, профессор, директор Института международного образования Чанчуньского университета (КНР)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ЕКАТЕРИНА ИОСИФОВНА АРТАМОНОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МЕРЕЦКИЙ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения

ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР МАНУЭЛЬЕВИЧ РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДР ЕВСТРАТЬЕВИЧ ЗУБАРЕВ, доктор экономических наук, профессор, первый проректор по стратегическому развитию и международному сотрудничеству Тихоокеанского государственного университета

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES

Буденис О. Г.
O. G. Budenis

**БИЛИНГВИЗМ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВА**

**BILINGUALISM AS A DETERMINANT OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT
OF A SOCIETY**

Буденис Ольга Генриховна – старший преподаватель кафедры английской филологии, соискатель кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно). E-mail: ogbudenis@rambler.ru.

Olga G. Budenis – Senior Lecturer, English Philology Department, Applicant of the Department of Philosophy, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno). E-mail: ogbudenis@rambler.ru.

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку не только рассмотреть билингвизм как индивидуальную особенность личности, но и раскрыть его потенциал как фактора социокультурной динамики общества. Для достижения поставленной цели детально исследованы особенности восприятия этого языкового явления научной общественностью на разных этапах изучения, представлен синтез современных научных штудий по поводу положительного влияния двуязычия на развитие индивидуума, обозначена тенденция становления билингвизма на государственном уровне, продиктованная необходимостью ежедневного межнационального общения в политической, экономической и культурной сферах. Такой вид двуязычия, несмотря на ряд рисков, инспирирует развитие социума, поскольку способствует духовному взаимообогащению и взаимовлиянию народов, их широкому взаимообмену культурным и научным опытом.

Summary. The author makes an attempt to consider bilingualism not only as an individual personality trait, but also to reveal its potential as a factor of the sociocultural dynamics of society. To achieve this goal, the features of the perception of this linguistic phenomenon by the scientific community at different stages of study have been studied in detail, a synthesis of modern scientific research on the positive impact of bilingualism on the development of the individual has been presented, the trend of the formation of bilingualism at the state level, dictated by the need of daily interethnic communication in the political, economic and cultural spheres has been marked. This type of bilingualism, despite a number of risks, inspires the development of society, since it contributes to the spiritual enrichment and mutual influence of peoples, a wide exchange of their cultural and scientific experience.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, детерминанта социокультурного развития.

Key words: bilingualism, determinant of sociocultural development.

УДК 130.2:81'246.2

Сегодня двуязычие фактически является нормой для большинства жителей нашей планеты и воспринимается как «условие интеллектуально-профессионального выживания в современном мире» [10, 87]. Согласно статистическим данным, представленным английскими учёными европейского проекта «BILIUM», в настоящее время около 70 % жителей земли билингвальны. Принимая во внимание скорость и масштаб распространения данного феномена, прогнозируется, что количество двуязычных людей будет увеличиваться на 9 % каждые 5 лет [14, 46]. Отношение научной общественности к этой реалии крайне неоднозначное. В современной научной парадигме выделяются три периода, отражающие эволюцию восприятия обществом этого языкового феномена. В конце XIX века двуязычие маркировалось как крайне негативное явление [3, 40]. Считалось, что владение двумя языками препятствует интеллектуальному и духовному развитию личности [17, 7], приводит к плохой адаптации в социальной среде, способствует появлению апатии и депрессии. Согласно наблюдениям учёных Кембриджского университета, были сделаны предположения, что при одновременном усвоении двух языков у ребёнка ослабляется самоконтроль,

снижается уровень интеллектуальной активности, гораздо чаще, чем у монолингвов, появляется заикание.

Поскольку в то время язык сравнивался с религией, бытовало мнение, что быть билингвом означало исповедовать одновременно две религии, что неизбежно вело к нравственной деградации и раздвоению личности [1, 21].

В 1915 году к исследованию данного вопроса с позиции психологии обратился И. Эпштейн, который полагал, что билингвизм является препятствием для формирования мыслей у говорящего, поскольку «многочисленные словесные ассоциации, существующие у двуязычного индивида, накладываются друг на друга» [19, 32]. В подтверждение данной идеи в 1928 году в Люксембурге состоялась вторая международная конференция воспитателей, посвящённая влиянию двуязычия на интеллектуальное развитие учащихся, в ходе которой были обнародованы результаты тестов на IQ билингвов и их моноязычных сверстников, свидетельствовавшие о том, что двуязычие значительно ограничивает умственное развитие учеников. Однако позже полученные выводы было принято считать необъективными, поскольку в ходе проведения эксперимента было допущены многочисленные погрешности, что явилось следствием несовершенной методики. Сформировавшееся отрицательное отношение к двуязычию доминировало вплоть до середины XX века. Такая позиция особенно активно пропагандировалась в тридцатые годы в нацистской Германии, скорее из политических соображений, т. к. иноязычие воспринималось как социальное зло и угроза чистоте немецкого языка [1, 56-58].

Штудии «нейтрального периода» были немногочисленными и в своём большинстве содержали опровержения постулатам о негативном влиянии билингвизма, прежде всего в сфере образования. Ключевое исследование, в ходе которого был сделан вывод о практической равнозначности состояния интеллектуального и речевого развития двуязычных учащихся, было проведено в 1930 году американскими учёными Р. Пинтнером и С. Арсенианом. Группа испытуемых состояла из 469 еврейских детей-учащихся шестого и седьмого классов государственной школы, рождённых и постоянно проживающих в общине Бруклина в Нью-Йорке. Школьники классифицировались как естественные билингвы, поскольку с раннего детства воспитывались в билингвальном культурном окружении. В рамках исследования дети были разделены на две группы по степени использования двух языков: активные (использовали идиш как основной способ коммуникации дома, изучали его в пасторской школе) и пассивные билингвы (в общении которых доминировал английский язык). Испытуемым был предложен многоуровневый «Тест интеллекта Пинтера» (Pinter Intelligence Test), практически не выявивший разницы в уровне IQ представителей обозначенных групп. На втором этапе исследования школьники проходили тест на выявление сложностей при адаптации к школе (Pupil Portraits test), результаты которого подтвердили гипотезу учёных о том, что двуязычие не имеет негативного влияния на интеллектуальное развитие ребёнка и его последующую адаптацию к школе [16; 20].

Следующий этап – этап положительного отношения к билингвизму – связан с именами канадских исследователей Э. Поля и В. Ламберта, масштабное исследование которых, проведённое в 1967 году в Монреале, позволило учёным сделать вывод, что двуязычные школьники, в сравнении с их монолингвальными ровесниками, имеют более высокий уровень интеллектуального развития. Более того, в ходе исследования было доказано превосходство пластичности их мышления и творческого подхода к работе с понятиями [3, 43].

После публикации данного исследования последовали и другие работы, опровергающие выводы И. Эпштейна о вреде, который может нанести двуязычие духовному развитию ребёнка. В научных изысканиях М. Павловича, В. Леопольда, Ж. Ронжа было доказательно аргументировано, что при одновременном усвоении двух языков в раннем возрасте дети сохраняют адекватное умственное развитие.

Положительное отношение к двуязычию транслировалось и в работах отечественных исследователей. Так, Л. С. Выготский полагал, что многоязычие имеет только положительное влияние на мышление и уровень развития человека. В подтверждение этому он указывает на способность выразить одну мысль на нескольких языках, что также даёт ребёнку возможность увидеть

свой язык как одну определённую систему среди многих других, что приводит к особой сознательности в его лингвистических операциях [5, 34].

Современные исследования речи и мозга детей-билингвов доказывают, что билингвизм не представляет никакой опасности. Двуязычные дети в сравнении со своими сверстниками обладают более высокой концентрацией внимания, нестандартным мышлением и лучшей памятью, легче ориентируются в меняющейся ситуации, что способствует более высоким темпам интеллектуального развития. Человек, с детства владеющий двумя языками, умственно более активен, причём сохраняет это свойство до самой старости. Люди-билингвы более внимательны и одновременно толерантнее к представителям других культур, лучше подготовлены к решению нестандартных задач, успешнее справляются с конфликтами.

Двуязычие стимулирует когнитивное развитие личности, способствуя одновременному восприятию и воспроизведению нескольких сложных концептов, формированию дивергентного мышления, при котором разрабатываются различные подходы к решению проблемы.

Билингвальный ученик характеризуется более быстрым развитием исполнительных функций, что обуславливает в некоторой степени академическую успешность. Мозг двуязычного ребёнка более гибкий, что позволяет с лёгкостью ориентироваться при изменении ситуации, проще переключаться с одного задания на другое.

Существует расхожее мнение, что дети-билингвы начинают говорить позже своих сверстников, имеют меньший словарный запас, проявляют медлительность в подборе необходимого слова и в целом отстают в речевом развитии. Однако после многолетних исследований учёные пришли к выводу, что билингвизм, напротив, способствует развитию той части мозга, которая отвечает за беглость речи. Э. Билисток отмечает, что двуязычные дети имеют меньший словарный запас в каждом языке, но в сумме они знают больше слов, чем монолингвы [18, 22].

Билингвы достигают стадии развития семантики на два-три года раньше одноязычных сверстников, а также обнаруживают возможность выносить большую умственную нагрузку. Использование двух языков может быть рассмотрено как пассивная тренировка мозга, что в дальнейшем позволяет двуязычным детям прилагать меньше усилий при обдумывании и накоплении информации, что влияет на скорость обучения.

Билингвальное образование, популярность которого в последнее время неуклонно растёт, направлено на познание целостной картины мира и характеризуется тенденцией к интеграции предметного знания, что, безусловно, повышает конкурентоспособность будущих специалистов на общеевропейском и мировом рынке. Обучаясь на двуязычной основе, учащиеся имеют доступ к научным изысканиям в интересующих предметных областях с позиции различных научных школ, что повышает уровень их квалификации.

Воспитание детей на двух языках также способствует более глубокому познанию ими окружающей действительности, поскольку идёт одновременно с усвоением двух способов опосредования реальности. Это расширяет границы мышления, учит искусству анализа, развивает культуру речи, стимулирует развитие коммуникативных способностей, а также открывает духовные богатства других народов, отражённые в художественной, научной и технической литературе.

Переключаясь с одного языка на другой, билингвы способны лучше фокусироваться, выполнять несколько задач одновременно. Кроме того, язык как часть культуры несёт в себе представление о системе ценностей и моделях поведения в обществе. Вместе с лексическими единицами носитель языка усваивает информацию, объясняющую нормы и устои общества.

Более того, в ходе длительного медицинского наблюдения за возрастными билингвами было выявлено замедление когнитивного старения, сохранение нормальных познавательных функций у лиц, перенесших инсульт и страдающих синдромом Альцгеймера, за счёт более высоких показателей нейропластичности, плотности серого вещества и целостности белого вещества, обеспечивающего взаимодействие двух полушарий [11, 55], что содействовало повышению уровня их социальной компетентности.

Ещё одним немаловажным достоинством билингвальной языковой среды является предпосылка к формированию у человека бикультуральности, поскольку именно благодаря двуязычию

осуществляются преемственность национальных культурных ценностей и овладение социокультурным кодом нации. По мнению Б. Дадье, «когда два языка вступают в контакт...в одном индивидууме, это означает, что в контакт и в конфликт приходят два видения мира» [6, 246]. На первичную картину мира говорящего накладывается вторичная картина мира, вследствие чего происходит не слияние имеющихся элементов, а формирование особого видения мира. В результате сложных психологических преобразований, осуществляющихся в пять этапов: 1) диффузия, 2) интерференция, 3) кумуляция, 4) синергия и 5) трансформация – формируется особая языковая личность билингва [4], владеющая биполярной национальной картиной мира. Это является несомненным преимуществом, поскольку соответствует принципу дополнительности, предполагающему, что познать окружающую действительность возможно лишь в бiformате.

Значимость двуязычия также подчёркивается в культурологической концепции Ю. М. Лотмана, который утверждал, что «мы не можем понять мир до конца, и эта невозможность понимания компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир» [8].

В современных исследованиях как отечественных, так и зарубежных учёных отмечается положительное влияние двуязычия не только на становление отдельной личности, но и в целом на онтогенез общества. Помимо индивидуального билингвизма, существенный интерес исследователей представляет тенденция распространения «национального двуязычия», когда в пределах одного государства параллельно функционируют два (зачастую конституционно закреплённых) языка. Такая модель не только сводит к минимуму языковые барьеры в общении людей разных национальностей, но и выступает значимой детерминантой социокультурного прогресса их социума, поскольку содействует мирному сосуществованию на территории одного государства, духовному сближению, широкому распространению культурного опыта. Двуязычие благоприятствует выработке навыков уважительного и толерантного отношения к культуре и языку, традициям и обычаям других народов, формированию общих задач и целей в процессе интеграции [13].

Билингвизм также культивирует развитие чувства патриотизма и появление активной гражданской позиции посредством контекста культуры второго языка, которая формирует этнонациональную компетентность и обеспечивает социализацию личности.

Однако, несмотря на общепринятое мнение о положительном влиянии билингвизма, в научной парадигме существуют альтернативные мнения. Так, В. Г. Лядский воспринимает двуязычие как негативный фактор, «вносящий смуту в стройность работы государственных механизмов», который может инспирировать возникновение сепаратистских тенденций, представляющих опасность территориальной целостности страны. Учёный полагает, что именно унилингвизм обеспечивает эффективную работу всех институтов, поскольку сокращает бюджетные расходы и сохраняет национальное единство. В то же время В. Г. Лядский отмечает и положительную функцию билингвизма в масштабе государственного развития, приводя в пример Норвегию, которая длительное время находилась в политической зависимости от Дании, что привело к гибели национального языка и его замене датским [9, 425]. После получения независимости в 1814 году на фоне поиска национальной идентичности в норвежском обществе началось открытое противостояние по языковому вопросу. Официальное принятие билингвизма способствовало ослаблению социальной напряжённости [2]. Опасения по поводу широкого распространения двуязычия также высказываются и А. Н. Чумаковым, который считает, что билингвизм подрывает авторитет национальной культуры, ослабляет её самобытность и внешнюю привлекательность, что угрожает национальным интересам государства [15]. На ещё более серьёзную угрозу для общества указывает И. В. Ивахнюк, предполагая, что двуязычие нарушает «естественную человеческую потребность в национальной идентичности» [7, 39]. Л. Ю. Федорова отмечает способность билингвизма содействовать формированию социального неравенства посредством ограничения доступа к социально значимой информации, научным изысканиям и художественным текстам, что в свою очередь влечёт к значительному ограничению общественного влияния [12, 162].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что позитивные стороны как индивидуального, так и национального билингвизма значительно превосходят негативные аспекты, свойственные данному явлению, которое в условиях возрастающего социального, политического, культурного и

экономического взаимодействия, ставшего нормой существования современного мирового сообщества, рассматривается как важный социолингвистический феномен, закладывающий особые векторы эволюции социокультурной системы и выступающий значимым фактором социокультурной динамики общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернгардт, О. В. Речь ребёнка-билингва на предмет лексикографического описания (ситуация русско-немецкого двуязычия): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бернгардт Оксана Вячеславовна. – Ярославль, 2009. – 218 с.
2. Бестолкова, Г. В. Социолингвистический конфликт в Норвегии: бокмал или нюнорск / Г. В. Бестолкова // Евразийство и мир. – 2020. – № 2. – С. 20-26.
3. Богус, М. Б. Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие личности обучаемых / М. Б. Богус // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2008. – № 7. – С. 40-44.
4. Бойко, С. В. Формирование духовного мира билингва: философский и социокультурный аспекты / С. В. Бойко, А. А. Фомичева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13916> (дата обращения: 03.03.2018). – Текст: электронный.
5. Выготский, Л. С. Мысление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 2001. – 368 с.
6. Дадье, Б. Люди между двумя языками / Б. Дадье // Иностранный литература. – 1968. – № 4. – С. 245-248.
7. Ивахнюк, И. В. Язык как фактор интеграции мигрантов / И. В. Ивахнюк // Проблема языка в глобальном мире. – М.: Проспект, 2015. – С. 36-46.
8. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
9. Лядский, В. Г. Феномен государственного двуязычия: преимущество или помеха развитию / В. Г. Лядский // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999-2019 годы: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 3-4 апреля 2019 г. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Ин-т мировых цивилизаций, 2019. – С. 419-427.
10. Николаев, С. Г. Феномен билингвизма: проблематика и исследовательские перспективы / С. Г. Николаев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 86-96.
11. Таскаева, Е. Б. Многоязычие в современном мире: культурные традиции и направления исследования / Е. Б. Таскаева // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2. – С. 50-57.
12. Федорова, Л. Ю. Билингвизм в условиях глобализации: социолингвистические аспекты / Л. Ю. Федорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-2 (78). – С. 159-163.
13. Филимонова, М. С. Билингвизм как тенденция языкового развития современного общества / М. С. Филимонова, Д. А. Крылов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. – URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=5558 (дата обращения: 29.10.2021). – Текст: электронный.
14. Фомичева, А. А. Философский подход к феномену билингвизма: история и проблематика / А. А. Фомичева // Научная мысль. – 2016. – № 2 (20). – С. 46-50.
15. Чумаков, А. Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2020. – № 12. – С. 5-14.
16. Arsenian, S. Bilingualism in the post-war world / S. Arsenian // Psychological Bulletin. – 1945. – № 42 (2). – P. 65-86.
17. Baker, C. Foundations of bilingual education and bilingualism / C. Baker. – Multilingual Matters Ltd, 1993. – 492 p.
18. Bialystok, E. Bilingualism in development: Language, Literacy and Cognition / E. Bialystok. – Toronto: Cambridge University Press, 2001. – 304 p.
19. Epstein, I. La pensée et la polyglossie: essai psychologique et didactique / I. Epstein. – Paris: Librairie Payot, 1905. – 220 p.
20. Pintner, R. The relation of Bilingualism to Verbal Intelligence and School Adjustment / R. Pintner, S. Arsenian // The Journal of Educational Research. – 1937. – V. 31. – P. 255-263.

Квашенко О. Л.
O. L. Kvashenko

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ КАРИКАТУРЕ

BODY REPRESENTATION IN MODERN CARICATURE

Квашенко Ольга Леонидовна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27. E-mail: lmk@knastu.ru.

Olga L. Kvashenko – Senior Teacher, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Str. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. Данная статья предполагает анализ особенностей репрезентации тела в современной карикатуре. Для достижения поставленной цели автором последовательно рассмотрены вопросы специфики карикатуры как жанра изобразительного искусства, особенности репрезентации тела и телесности в контексте художественной культуры и жанре карикатуры в частности. Карикатуры на сюжеты повседневной культуры рассматриваются не только как средство критики, но и как значимый источник данных об аксиологии современных социальных взаимодействий. Формулируется вывод о разных типах трансформации телесности в образах современной карикатуры.

Summary. This article assumes an analysis of the features of body representation in modern caricature. In order to achieve this goal, the author consistently examines the issues of the specifics of caricature as a genre of fine art; the features of the representation of the body and physicality in the context of artistic culture and the genre of caricature, in particular. Caricature of the subjects of everyday culture is considered not only as a means of criticism, but also as a significant source of data on the axiology of modern social interactions. The conclusion is formulated about different types of transformation of physicality in the images of modern caricature.

Ключевые слова: карикатура, жанр изобразительного искусства, телесность персонажа, восприятия телесности, визуальный образ, сатира, гротеск, современная культура.

Key words: caricature, genre of fine art, physicality of a character, perception of physicality, visual image, satire, grotesque, modern culture.

УДК 390.4

Современная культура предлагает множественные способы репрезентации телесности: средства массовой коммуникации, интернет, телевидение, традиционные и новые виды изобразительного искусства обращаются к изображению человеческого тела характерными для них способами и средствами. Тело активно включено в контекст современной визуальной культуры и демонстрируется, при этом, естественно, трансформируясь, различными способами. Обращаясь к многочисленным определениям телесности, принятым в современной гуманитаристике, остановимся на следующем, которое формулирует И. Быховская: телесность рассматривается как преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и воплощающее определённые социокультурные функции [2].

То есть телесность можно рассматривать как совокупность духовных, эстетических, нравственных и других образов тела, существующих в определённом культурном пространстве и времени.

Феномен телесности в контексте повседневных практик является также неотъемлемым культурным маркером, свидетельствующим об антропологических статусах культуры, тесно связанным с контекстом личностного бытия, мировоззренческими детерминантами. В данной работе мы рассматриваем образы человеческого тела на материале современной карикатуры, посвящённой сюжетам повседневного бытия [11].

Традиционно карикатура считается злободневным видом изобразительного искусства, транслирующим в СМИ остросоциальные проблемы через визуальные образы. Мы же в своей работе остановимся на материале карикатур, избирающих основным сюжетом для изображения не публичные фигуры или ситуации (политика, экономика, социальные, национальные, религиозные конфликты и т. п.), но сюжеты частной, повседневной жизни. В данной работе нас будет интересовать способ презентации человека, его телесности средствами карикатуры [9].

Карикатура является жанром изобразительного вида искусства, в котором тело (телесность) является основным объектом изображения. Будучи сатирическим видом искусства, карикатура визуализирует человеческое тело «от обратного», если иметь в виду нормативные образцы, представления о «должном», красивом, предпочтительном, образцом теле в культуре. В культуре всегда теми или иными средствами формулируется запрос на идеальное тело и стратегии его достижения. И параллельно этому процессу визуализируются те типажи, формы тела, которые не соответствуют этому запросу, являются его искажённым вариантом в соответствии с той задачей, которую решает искажение [12].

Карикатурное изображение человека представляет собой «намеренно преувеличенное, смешное, искажённое изображение персонажа». Этот тип изображения персонажа всегда пользовался популярностью в искусстве, т. к. позволяя сатирически изобразить нравы общества, либо указать на недостатки конкретных его представителей. В качестве заметной особенности карикатуры выступает своеобразная типизация героев карикатур, при том что их прототипами являются реально существующие личности [1].

Типизация некоторых явлений и жизненных персонажей при помощи карикатур стала уже достаточно давно приёмом общественно-политического влияния на окружающую социальную действительность. Другими словами, образы, представленные карикатурами, воспроизводят черты конкретных личностей, но, в общем, являются образцом типизации пародийного толка:

- эта зарисовка добавляет в общую совокупность оригинальных черт явления или персонажей черты абсолютно и ярко выраженные, типизированные и обобщённые;

- данная зарисовка обеспечивает придание карикатурному изображению типичности.

Соответственно, благодаря карикатуре акцентируется внимания зрителя на явно нелепых и даже скорее неприятных телесных чертах, призванных проиллюстрировать черты социальных пороков [5].

Неотъемлемыми элементами карикатуры являются элементы вербализации, которые представлены:

1. подписями под иллюстрациями;

2. выделенными знаками, лозунгами либо даже определёнными фразами, написанными и вынесенными художником-карикатуристом за формат непосредственного рисунка, карикатуры.

Данные вербальные включения часто представляют собой последовательно приведённые фразы-предложения, хотя они (включения) просто могут быть представлены в теле карикатуры. Эти включения оказываются важными в отношении оценки карикатуры как полноценного графического авторского произведения.

На этом основании следует понимать, что характер карикатурного изображения качественно реализуется в формате:

1. практически моментального метода отображения как наружного, так и контекстного (внутреннего) контента;

2. свободного выражения идеи и смысла, которые подразумеваются автором карикатуры [1].

Такая свобода выражения, достигнутая художником-карикатуристом, может подразумевать «жёсткое», критичное отношение к своему персонажу или явлению. Данная жёсткость предполагает желание автора карикатуры получить в ответ насмешку зрителя.

Следовательно, создание карикатуры позволяет её автору особо акцентировать внимание зрителя на важности конкретных общественных кризисов и проблем, которыми в данный момент охвачено общество. Примером таких карикатур могут послужить карикатуры, созданные группой советских карикатуристов Куприянова, Крылова и Соколова, более известных, как Кукрыники.

Восприятие карикатуры зрителем может включать несколько этапов:

1. Изначально в карикатурном рисунке надо находить некоторую несообразность либо определённое несоответствие.

2. Впоследствии, после того как зритель впадает в затруднение, он должен почувствовать озарение. После чего в карикатуре может быть выписан иной смысл, который был скрыт изначально. Особенно ярким примером такого воздействия могут быть названы работы известного мастера-карикатуриста Жана Эффеля.

Следует отметить, что художник-карикатурист в качестве центрального образа использует в своих произведениях изображение человеческого тела. Изображение тела в графических карикатурах исследовалось теоретиками и практиками с позиции внешней сущности рисунков, а также его скрытых закономерностей.

Так, в частности, автором карикатуры осознанно искажаются следующие элементы:

1. Соматические характеристики: трансформируются черты лица и фигуры.

2. Особым образом представляются поведенческие манеры.

Обязательно в итоге должен быть достигнут комический эффект. Активно художниками используются приёмы гиперболизации и сопоставления несопоставимого, что, как правило, зрителем воспринимается как неожиданный эффект [10].

Использование человеческого тела и его телесности может использоваться в карикатурах следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1
Позиции изображения тела человека в современной карикатуре

Позиция	Расшифровка
1. Тело человека	Мужчина / женщина; ребёнок/взрослый/пожилой; не-человек (животное, сказочный фантастический персонаж) с человеческими телесными чертами, частями тела
2. Лицо человека	Отдельные черты лица: глаза, рот, нос; выражение лица, лицевая мимика
3. Отдельные элементы внешности человека, аксессуаров, одежды	Выражение лица, положение конечностей, косоглазие, бельмо на глазу, наличие очков или иных корректирующих устройств, пластика тела, жестикуляция, композиционное взаимодействие персонажей (к примеру, позы друг по отношению друга) и т. д.

Изображение человеческого тела в карикатурах позволяет художникам – авторам карикатур существенно повысить их влияние на своих читателей. Это вытекает из того, что читатели представляют телесность в качестве наиболее наглядного фактора человеческого восприятия, какого-либо явления, представленного в конкретной карикатуре [8].

Также важно и то, что тело человека или его элементы могут овеществлять некоторые метафоры и оксюмороны. К примеру, акцент на глазах может иллюстрировать наблюдательность, человека, внимание к мелочам и деталям или, наоборот, обратные черты, в зависимости от того, как они изображены (рассеянность, несобранность, обезличенность, безумие и т. д.)

Руки могут обращать внимание на некоторые человеческие особенности: трудолюбие или, наоборот, такие отрицательные качества, как стяжательство.

Особенности изображения фигуры и акцент на животе, к примеру, могут метафорически означать стремление человека к сибаритству, склонность человека к обжорству либо, наоборот, снижение потребностей, ограничение (самоограничение).

Красноречивым в карикатуре является и способ изображения общего телосложения человека. Например, изображение худощавого и измождённого человека может олицетворять стремление к монашеской аскезе, обозначать пребывание человека в неизмеримо тяжёлых условиях жизни, необходимость «затянуть пояс» в контексте роста налогового бремени, быть знаком других

ограничений, которые вводятся властями в отношении населения какого-то государства. Наоборот, телосложение раздобрившего человека может символизировать в карикатуре сумму некоторых его отрицательных черт, которые предполагают, что человек не стесняется сохранять высокий уровень потребления; при этом сохранение высокого уровня жизни происходит в стране, большинство населения которой в какое-то время, например в годы войны, испытывает тяжкие трудности и лишения [4].

Также в карикатурах художники могут акцентировать внимание на обособленных соматических элементах. Например, большие уши могут обозначать излишнее желание человека подслушивать: любопытный герой в угоду своей порочной склонности готов вести подслушивание соседей где угодно и при любых самых компрометирующих его обстоятельствах.

В принципе, художнику совершенно не обязательно использовать при создании карикатуры реальную натуру. Скорее, наоборот, художник может создавать некие детали своей карикатуры на основании собственной фантазии и представления о том, что он хочет сообщить публике. При этом автор карикатуры всё время играет с представлением о культурной соматической «норме» и отклонениях от неё, за счёт чего и достигается комический эффект. Трансформируясь, телесность всё равно остаётся анатомически и физически достоверной [5].

Вообще вопрос анатомической достоверности человеческой телесности приобретает дополнительное значение и смысл, ведь художник изначально предполагает отходить от реальных параметров тела своей модели. Художник-карикатурист работает обычно без модели, но с воображаемым персонажем. Одновременно ему следует представлять данного персонажа достаточно хорошо.

Художник, таким образом, создаёт представление не просто о персонаже карикатуры, но о том, что тот персонаж имеет свой, обособленный мир. В этом случае персонаж карикатуры может стать уже героем целой серии изображений, объединённых некоторым единым сюжетом [7].

Вообще в карикатуре использование телесности человека представляется необходимым, однако практическое её исполнение оказывается делом достаточно трудным, требующим от художника не только анатомических познаний, но и истинного художественного вкуса и владения таким качеством, как чувство меры. Отсутствие у художника должного уровня вкуса и чувства меры превратит его произведение из карикатуры в пошлую иллюстрацию на сомнительную тему. Грань человеческой телесности в таком произведении, как карикатура, достаточно тонка, и выход за её пределы становится совершенно недопустимым [11].

Таким образом, человеческая телесность при условии достаточного мастерства художника – автора карикатур может стать наиболее выразительным фактором создания карикатурных изображений некоторых жизненных явлений и конкретных персонажей, которые становятся действующими лицами (героями) карикатур. Гипербола, метафора и каламбур присутствуют в сюжетах и образах героев социально-бытовых карикатур.

Важно отметить, что художник-карикатурист может потерять выбранный сюжет, пытаясь отобразить его при активном использовании в рисунке, человеческого тела:

1. не имея способностей правильно, достоверно и соразмерно изобразить тело человека в своём карикатурном рисунке;
2. теряянюю соразмерность деталей и общего строения тела человека;
3. теряя чувство меры в изображении деталей и элементов человеческого тела;
4. не соблюдая требований проявления и выдерживания в работе художественного вкуса и требований иллюзии достоверности [6].

Современная карикатура использует все классические приёмы изображения человеческого тела, решая при этом те идеальные и художественные задачи, которые свойственны этому жанру. Обращаясь к материалу современных русских художников-карикатуристов, мы можем отметить следующие закономерности:

1. Устоявшиеся в повседневной культуре визуальные женские и мужские образы подвергаются критике в творчестве карикатуристов. К примеру, в сюжетах карикатур обыгрываются правила поведения в обыденных ситуациях (как принимать еду, приемлемые позы, положение тела

сидя, стоя, лежа и т. п.). Комический эффект достигается за счёт неуместности поведения либо за счёт изображения ситуации отсутствия каких бы то ни было правил.

2. Карикатуры на социально-бытовые темы, предметом изображения которых являются разные общественные явления, такие как алкоголизм, проституция, наркотическая зависимость, заостряют внимание и подают социальную проблему через специфичное изображение тела человека. К примеру, в творчестве художника-карикатуриста Алексея Меринова (карикатурист газеты «Московский комсомолец») главными героями карикатур часто выступают обычные люди, сталкивающиеся со многими социальными проблемами. Целые циклы карикатур посвящены, к примеру, алкоголизму («Принуждение к Пиру»). «Обычный человек» – типичный мужик среднего возраста в простой рабочей одежде – изображается преимущественно чёрным цветом, в отличие от многих других персонажей. Чертвы лица грубые и наивные, акцентирован нос и губы, при этом лоб часто спрятан под головной убор или волосы: простодушие, некритичность, подверженность манипуляциям со стороны разных обманщиков явлены в таком изображении. В цикле «Принуждение к Пиру» главный герой в основном изображается с преувеличенным ртом и носом (см. рис. 1).

Рис. 1. Алексей Меринов, карикатуры из цикла «Принуждение к Пиру»

Цикл карикатур Алексея Меринова «ЛюбOFF» уже в самом названии подчёркивает, что любовь «OFF», т. е. вместо традиционных отношений в этом цикле представлены её перверсии: продажная любовь, сексуализация отношений, гомосексуализм и т. д. (см. рис. 2). Соответственно, телесность в её изобразительных формах подчёркивает данные перверсии: гиперболизируется сексуальность персонажей либо высмеивается её отсутствие в гиперболизированной форме.

Рис. 2. Алексей Меринов, карикатуры из цикла «ЛюбOFF»

Оппозиция мужское/женское в творчестве современных карикатуристов приобретает новую семантику. В дополнение к традиционным типажам мужчины и женщины появляются образы, порождённые современной культурой: меняется ролевое поведение и их традиционно-оппозиционное закрепление за мужским-женским (слабый-сильный, женственный-мужественный, изящный-грубый). Эти оппозиции снимаются, высмеиваются, меняются местами. Трансформация

гендерного (социально-ролевого) поведения в современном обществе отражается и в произведениях карикатуристов [3].

3. Оппозиция старость/молодость также в карикатуре трансформировалась в связи с современной тенденцией в принципе рассматривать старость как карикатуру на молодость, как возраст, не имеющий самостоятельной социальной ценности. Привнесённые западные образы моделей с идеальными телами (мужскими и женскими) в карикатурах зачастую представлены с двойником – подчёркнуты несовершенным, старым, «проблемным» телом, не укладывающимся ни в какие стандарты красоты [10].

Исследуя карикатуры на тему повседневной культуры, отметим, что необходимо обязательно обращать внимание на «предметные и поведенческие коды», существующие в социокультурном пространстве, чтобы максимально приблизиться к полной интерпретации визуального изображения и заложенного в нём смысла. Яркий визуальный и комический акцент современной карикатуры позволяет достигать различных целей, в том числе социальных, идеологических, воспитательных, развлекательных. При этом необходимо, чтобы и автор, и зритель карикатуры принадлежали единому социокультурному контексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айнутдинов, А. С. Типология и функции карикатуры в прессе / А. С. Айнутдинов // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-funktsii-karikatury-v-presse> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
2. Быховская, И. М. Телесность как социокультурный феномен / И. М. Быховская // Культурология. XX век: словарь / гл. ред. С. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 464-467.
3. Иванова, Т. А. От целостности андрогина к деконструкции гендера: историко-философский контекст и критическое осмысление проблемы / Т. А. Иванова // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-tselostnosti-androgina-k-dekonstruktssi-gendera-istoriko-filosofskiy-kontekst-i-kriticheskoe-osmyslenie-problemy> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
4. Историческая динамика представлений о человеческом теле, внешности и физической привлекательности // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-dinamika-predstavleniy-o-chelovecheskom-tele-vneshnosti-i-fizicheskoy-privlekatelnosti> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
5. Костина, А. В. Телесность в качестве ведущей категории дискурса современных философов о массовой культуре (к проблеме самоотношения) / А. В. Костина // Мир психологии. – 2019. – № 3 (43). – С. 103-114.
6. Кузьмин, А. А. Тело как феномен культуры в современных гуманитарных исследованиях / А. А. Кузьмин // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telo-kak-fenomen-kultury-v-sovremennyh-gumanitarnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
7. Морозова, А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса / А. М. Морозова // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-yumoristicheskogo-diskursa> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
8. Лебедева, А. В. Телесность как основание и феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Лебедева Алла Васильевна. – СПб., 2006. – 28 с.
9. Середина, Е. В. Визуальная метафора в политической карикатуре / Е. В. Середина // КиберЛенинка. – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-metafora-v-politicheskoy-karikture](https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-metafora-v-politicheskoy-karikature) (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
10. Середина, Е. В. Элементы трагизма и комизма в политической карикатуре / Е. В. Середина // КиберЛенинка. – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-tragizma-i-komizma-v-politicheskoy-karikture](https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-tragizma-i-komizma-v-politicheskoy-karikature) (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
11. Цветус-Сальхова, Т. Э. «Тело» и «Телесность» в культурологических исследованиях / Т. Э. Цветус-Сальхова // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telo-i-telesnost-v-kulturologicheskikh-issledovaniya> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
12. Шунейко, А. А. Адаптация коммуникативного пространства под свои задачи как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, общество и культуре. – 2012. – № I-2 (9). – С. 48-56.

Лай Фэй, Чжай Хайбинь

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Лай Фэй, Чжай Хайбинь

Lai Fei, Zhai Haibin

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

REFLECTION OF NATURAL ENVIRONMENT AND ETHNIC MINORITIES TRADITIONS IN THE PAINTING OF YUNNAN PROVINCE ARTISTS (END XX – BEGINNING XXI CENTURIES)

Лай Фэй – аспирант Департамента искусств и дизайна ШИГН Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; тел. 8(924)724-17-61. E-mail: Lai.fe@dvfu.ru.

Lai Fei – Postgraduate Student, Art and Design Department, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); Vladivostok, Russia, 690922, isl. Russkii, setl. Ayaks, 10; tel. 8(924)724-17-61. E-mail: Lai.fe@dvfu.ru.

Чжай Хайбинь – аспирант Департамента искусств и дизайна ШИГН Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; тел. 8(924)724-17-61. E-mail: Lai.fe@dvfu.ru.

Zhai Haibin – Postgraduate Student, Art and Design Department, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); Vladivostok, Russia, 690922, isl. Russkii, setl. Ayaks, 10; tel. 8(924)724-17-61. E-mail: Lai.fe@dvfu.ru.

Аннотация. Рассмотрено, как уникальные природные и культурные особенности провинции Юньнань отражаются в «народной картине» современных этнических меньшинств и живописи знаменитого профессионального художника. Доказано, что специфические зооморфные персонажи являются локальным юньнаньским вариантом традиционной культурной формы «народной картины». В живописи Чжана Сяогана именно детские впечатления от горного ландшафта и семейный опыт стали основой его идентичности и творческой оригинальности.

Summary. The problem of how the unique natural and cultural features of Yunnan Province are reflected in the «folk picture» of modern ethnic minorities and the painting of a famous professional artist is considered. It is proved that specific zoomorphic characters are a local Yunnan variant of the traditional cultural form of the «folk picture». In Zhang Xiaogang's painting, it was childhood impressions of the mountain landscape and family experience that became the basis of his identity and creative originality.

Ключевые слова: провинция Юньнань, природные условия, этнические меньшинства, китайская народная картина, чжима, цзяма, Чжан Сяоган.

Key words: Yunnan province, Natural environment, ethnic minorities, chinese folk painting, zhima, jiama, Zhang Xiaogang.

УДК 913.1/913.8

Изучение процессов «глобализации», т. е. реализации уникального местного (локального) опыта в современном глобальном контексте, является актуальным научным направлением в культурологии и искусствоведении. В данной статье мы поставили задачу изучить частный вопрос этой проблематики, а именно: как уникальные природные и культурные особенности провинции Юньнань отражаются в живописи современных народных и профессиональных художников (на примере народной картины «чжима» и художника Чжана Сяогана, уроженца Юньнани).

Источниковой базой послужили фотографии «народной картины» чжима и цзяма, а также картины художника Чжана Сяогана (всего более 50 образцов), имеющиеся в открытом доступе. Использовалась методология сюжетного и семиотического анализа, историко-генетический, сравнительный и типологический методы.

Культурные и хозяйствственные традиции национальных меньшинств в связи с экологией Юньнани отражены в работах китайских учёных Фанг Те и др. [1–14]. «Народная картина» была предметом изучения китайских и российских исследователей [15–18], как и творчество Чжана Сяогана [19; 20]. Однако специфика отражения природных и бытовых условий в образах живописи (как традиционной, так и современной) изучена недостаточно.

В китайской живописи природа имела исключительное значение, это отразилось даже в названии основных жанров этого искусства: «горы и воды», «цветы и птицы». При этом если реальная хозяйственная деятельность китайцев была сосредоточена преимущественно на равнине и в руслах великих рек, где зародилась и развивалась «рисовая» цивилизация и была наивысшая плотность населения, то в культуре и искусстве был выше символический статус гор. В горах размещались сакральные объекты (храмы и монастыри), горы виделись местом обитания небожителей и духов, в горы отправлялся конфуцианский мудрец, изгнанный из столицы, горы были предметом изображения в живописи, на ксилографических гравюрах, на народных картинах и бытовых предметах. Жизнь в горных отрезанных от мира поселениях способствовала формированию оригинальной народной культуры и её длительному сохранению и развитию в условиях относительной изоляции.

Китайская провинция Юньнань, расположенная на юго-западе КНР, знаменита сложным горным рельефом и этнической пестротой населения. Здесь проживают двадцать пять этносов (хань, бай, и, наси, лаху, дай, булан, аchan, кава и др.; наиболее многочисленные народности: бай, и), имеющих разный уклад жизни, несхожие обычая, искусство и вероисповедание [1]. Миграционные процессы и культурные контакты национальных меньшинств, проживающих в провинции, происходили и расширялись сравнительно медленными темпами. Тем не менее культурный обмен как между собой, так и с жителями равнин, прежде всего с доминирующим этносом хань, можно проследить с глубокой древности [2].

Хозяйственная деятельность жителей провинции до сих пор сохраняет многие традиционные черты, что обусловлено природными условиями: горы и высокогорные плато составляют 94 % от общей площади, и только 6 % – это равнины в горах, пригодные для земледелия и промышленности. Горное плато Юньнань высотой 1000 – 2000 метров над уровнем моря прорезают горные реки Цзиньша, Юаньцзян, Наньпан и Бейпан [3]. В Юньнани более 30 озёр, среди которых наибольшую площадь занимает озеро Дяньчи и озеро Эрхай [4]. В целом, природа отличается суровостью и возвышенной красотой.

Население Юньнани в древности в основном занималось собирательством, охотой и рыболовством [5; 6]. Но уже при династиях Сун и Юань равнина Даджун в Юньнане была освоена земледельцами, а при династии Цин – густо заселена. Позднее, когда начали заниматься выращиванием кукурузы, картофеля и других экстенсивных сельскохозяйственных культур, постепенно появился приток населения в горные и отдалённые районы, что привело к укреплению связи между жителями равнин и горной местности и к скоординированному развитию [7; 8].

С другой стороны, рост хозяйственной нагрузки на хрупкую горную природу порождает экологические риски, неконтролируемые миграции в поисках более благоприятных условий жизни могут порождать социально-экономические и культурные конфликты, деформировать народные традиции. В то время как поселенцы, населявшие горные равнины, в основном заняты сельским хозяйством, такой исконный юньнаньский народ, как бай, сохраняет традиции горного скотоводства и нуждается в правовой защите своих мест традиционного землепользования [9]. Миграции в Юньнани происходят медленными волнами, например, народность и пришла в Юньнань с северо-запада во времена династий Цинь и Хань и постепенно переселяется на юг и восток, к южной границе Китая, потратив на это почти тысячелетие [10; 11].

На протяжении многих поколений большинство административных центров в уездах и округах, расположенных в провинции Юньнань, находились на равнине, где они постепенно превратились в центры местного управления, экономических обменов и культурных коммуникаций. Административные центры были источниками влияния имперской ханьской культуры на местные коренные народы [12]. Неханьские этносы, в том числе бай и и, отличаются большой привержен-

Лай Фэй, Чжай Хайбинь

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

ностью собственным языческим верованиям и обрядам первобытной магии (тотемизм, шаманизм), которые соединяют с заимствованными религиозными культурами. Верующие байцы практикуют религиозный синкретизм, однако поклонение местным духам-покровителям бэнъчжу более востребовано, чем буддийским и даосским святым [13; 14]. Алтари байских храмов, независимо от того, каким небожителям они посвящены, часто украшены скульптурами божеств, имеющих зооморфные черты.

Ландшафт, предметы повседневной жизни и религиозных культов, межкультурные связи национальных меньшинств Юньнани прямо или опосредованно отражаются в местной живописи. Было бы большим упрощением утверждать, что природа и хозяйственная деятельность отражаются в живописи непосредственно, по принципу «вижу гору – рисую гору, вижу коров и пастуха – рисую коров и пастуха». Подобный натуралистический подход не имеет ничего общего с принципами китайской живописи, где уже в глубокой древности сложились строгие каноны, согласно которым рисование с натуры не практиковалось, а изображаемые предметы были систематизированы, иерархически распределены и использовались не как «вещи», а как символы. Китайская живопись отражала не материальную, а символическую реальность, она была тесно связана с религиозными культурами, государственными и общиными церемониями.

Рассмотрим конкретные механизмыreprезентации природных объектов и хозяйственных занятий населения Юньнани на примере традиционной «народной картины» и живописи самого известного профессионального художника, уроженца этой провинции.

«Народная картина» чжима (в переводе – «бумажная лошадь») образовалась под влиянием лубка «няньхуа», перенятого у ханьцев представителями народностей бай и в период династии Мин. Она изготавливается в технике ксилографии – гравюры с деревянной доски. Для неподготовленного наблюдателя чжима часто содержит изображения животных, что и отражено в её названии (см. рис. 1) [15; 16].

Однако первое впечатление является поверхностным. Исследователи выяснили, что зооморфные образы – это не только и не столько животные, сколько божества и духи природы, происхождение которых связывают с культурами первобытного общества. Это подтверждается тем, что статуи таких богов с атрибутами животных до сих пор стоят в действующих храмах Юньнани, например божества-покровители скотоводства изображаются с атрибутами соответствующих животных (коровы, свиньи и др., см. рис. 2).

Рис. 1. Народная картина чжима «Царь шести домашних животных», 1985 г. Провинция Юньнань, уезд Эрьюань Дали-Байского автономного округа

Рис. 2. Скульптурные изображения бога коров Ню-вана и бога свиней Чжу-вана из сельского храма народности бай. Провинция Юньнань, Дали-Байский автономный округ

Атрибуты животных или их имитация (шкуры, рога, маски и костюмы) используются в религиозных ритуалах, обычно их используют шаманы и другие служители культа. Так, в уезде Шуанбай Чусун-Ийского автономного округа пятнадцатого числа первого месяца по лунному календарю представители народности и справляют «Праздник Тигра», или «Праздник прыгающего тигра». Во время жертвоприношения шаман исполняет «Пляску Тигра», облачившись в костюм, который состоит из маски в виде головы хищника, шкуры этого животного, накинутой на плечи, и хвоста, заткнутого за пояс. В танце также участвуют актёры, играющие тигрят, в количестве от шести до двенадцати человек. Кроме показа ритуального представления, ряженые изгоняют в день праздника демонов болезней, совершая обход всех домов деревни под предводительством переодетого тигром шамана [16, 220].

Маски и костюмы с атрибутами животных используются не только во время религиозных церемоний, но и в представлениях народного театра (и его разновидностях дуаньгун, цзытун, сянутун, гуанько). Функция представления в этом театре заключается в изгнании злых демонов и умиротворении добрых божеств, дающих долголетие, плодородие и достаток. Существует разновидность «народной картины» чжима, на которой изображён такой праздник или представление театра (см. рис. 3).

Зооморфный персонаж на чжима может обозначать также божество природного объекта, например духа горы или озера. Так, жители деревни Фэньюй уезда Эрьюань верят, что женщины, умершие при родах, после смерти попадают в кровяной пруд, который связан в сознании простолюдинов с озером перед храмом местного бэнъчжу Правителя кровяного озера. Когда погибает роженица, родственники должны принести жертвы этому божеству, чтобы спасти её душу от вечных мук. При успешных родах люди возносят духу благодарственные молитвы.

Для лучшей «доставки» до божества молитв и пожеланий используют специальную разновидность «народной картины» – «цзяма» (переводится обычно как «конь в доспехах») с изображением лошади с крыльями. Цзяма сжигают вместе с другими народными гравюрами в качестве добавочной картинки при любых видах жертвоприношений. Считается, что они передают дары и сообщения молящихся на небеса, а также обеспечивают «общение» с потусторонними силами (см. рис. 4). Цзяма с изображением коня сохранилась только в Юньнани, за её пределами этот сюжет не известен [17, 44].

Рис. 3. Народная картина чжима «Катафалк».

2012 г. Провинция Юньнань, уезд Миду
Дали-Байского автономного округа

Рис. 4. Народная картина «Цзяма».
Провинция Юньнань, уезд Тэнчун, 2012 г.

Лай Фэй, Чжай Хайбинь

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Несмотря на свою традиционность, форма «народной картины» не является застылой, и в ней проникают приметы современности в виде изображений бытовых предметов, в том числе техники. Например, изображение бога телеги Чэ-шэня, под покровительство которого с течением времени попали все виды современного колёсного транспорта, на чжима может сопровождаться изображениями трактора, велосипеда, автомобиля и т. п. Это вызвано практическими нуждами: чтобы донести до бога свои желания, сжигают точные изображения необходимых предметов. При этом само божество иногда может изображаться не в одежде древности, а в современном деловом костюме. Так в народную картину проникают реалии XX – XXI вв. [18, 438]. Исследователи отмечают, что в целом в юньнанских чжима больше зооморфных образов, чем в традиционных няньхуа других регионов [16; 17; 18].

Репрезентацию образов природного и бытового окружения в творчестве профессионального художника рассмотрим на примере работ Чжана Сяогана – самого известного выходца из провинции Юньнань, где он родился в 1958 году в городе Куньмин. Чжан Сяоган является одним из самых продаваемых современных китайских художников и любимцем иностранных коллекционеров [19].

Чжан Сяоган родился в семье государственных служащих и был третьим из четырёх братьев. Юность художника пришлась на период культурной революции в Китае, когда вся его семья была отправлена в горную деревню «на перевоспитание». В 1978 году Чжан Сяоган был принят в Академию изящных искусств города Чунцин (провинция Сычуань), где обучался рисованию в стиле «социалистического» реализма, однако уже в своей дипломной работе «В ожидании бури» (1981) он обратился к стилю «деревенского реализма». На картине изображены тибетские женщины на пастбищах в момент приближения сильного дождя. Как он отметил в дневнике в 1981 г., «так называемая реалистическая жанровая живопись для меня не имеет никакого смысла», но «это есть выражение особого душевного отклика на природу» [19, 138]. Художник стремился уйти от штампов официального стиля, используя образы природы, с одной стороны, и приёмы западной школы (импрессионизма), с другой. Характерно, что художник никогда не был в Тибете и мог рисовать тибетские пейзажи только на основе воображения, картин других художников и своего юньнаньского опыта.

Рис. 5. Чжан Сяоган на фоне картины с горным пейзажем и храмом

В 1986 г. Чжан Сяоган основал Юго-Западную художественную группу, в которую вошли более 80 других известных китайских художников. Группа стремилась к «антигородскому регионализму», а также опоре на субъективный опыт. Самоокупаемые выставки этих художников стали основой развития китайского авангарда. В работе «Холмы и люди под лунным светом» (1987) Чжан Сяоган изображает свою возлюбленную в образе синкретического божества, используя как элементы буддизма (героиня изображена сидящей с вазой и ветвью ивы в руках, напоминая Бодхисаттву Гуаньинь), так и христианства (на заднем плане изображены сюжеты о рождении и смерти Христа). Критик Хуан Чжуань обращает внимание на ряд образных и стилистических переплетений китайской и западной живописи в этой картине: пейзаж в стиле картин художника Гу Кайчжи (348–409), лотосный трон Бодхисаттвы Гуаньинь; страдающий Христос, несущий агнца на плечах и т. п. [20, 4].

Чжан Сяоган придерживался экспрессивного и сюрреалистического стиля до начала 1990-х гг. Но после его поездки в Европу в 1992 г. его стиль сильно изменился. Именно за рубежом, где он 3 месяца прожил в Германии, ему удалось удивительным образом осознать свою национальную идентичность и культурную самобытность.

Результатом обращения к своим корням стала серия «Родословная» (другой перевод – «Кровные узы большой семьи»). В 1994 г. эта серия картин завоевала бронзовую медаль на 22-й биennale в Сан-Паулу в Бразилии, затем была представлена на выставке «Другое лицо: три китайских художника» в рамках крупной международной выставки Identità e Alterità, организованной в итальянском павильоне во время 46-й Венецианской выставки Биеннале в 1995 г. В 1997 г. Британский международный художественный фонд Coutts присвоил ему звание современного художника Азии. Картины из этой серии навеяны чёрно-белой семейной фотографией, найденной в 1993 г., когда он посещал дом своих родителей [20]. В них переосмыслен трагический опыт культурной революции через переживания семьи художника, его личные отношения с матерью и т. п. Используя вполне узнаваемые приметы времени (костюм, причёска, композиция семейной фотографии) и западный стиль гиперреализма автор выходит на высочайший уровень абстрагирования и обобщения, отразив проблему нивелирования личности при тоталитаризме и опыт личного и семейного противостояния расчеловечиванию. Именно локальный и семейный опыт, обретённый художником во время детства в Юньнани и нашедший отражение в его творчестве, позволил ему обрести подлинную оригинальность и прославиться на весь мир.

Таким образом, уникальный горный ландшафт Юньнани повлиял на этническую пестроту региона, хозяйствственные занятия, скорость и направление миграционных и культурно-ассимиляционных процессов.

Исследуя природные и зооморфные образы в «народной картине» чжима, мы видим, что рисунок животного в чжима (и её разновидности цзяма) может означать как само животное, так и бога-покровителя этого животного, или шамана, совершающего ритуал поклонения такому божеству, и, наконец, актёра народного театра но, изображающего такую религиозную церемонию. То есть существует несколько слоёв семиотизации, всё дальше удаляющихся от первоначального природного источника. Причём вероятность того, что на чжима изображено «просто» животное является самой малой. Традиционная народная картина в провинции Юньнань продолжает свою эволюцию, и под воздействием потребностей реальной жизни в ней проникают изображения современных бытовых предметов (техники, костюма и др.). Преобладание зооморфных персонажей в чжима и цзяма является спецификой этого локального варианта традиционной культурной формы (народной картины или лубка няньхуа).

В картинах профессионального художника Чжана Сяогана образы природы и семейный опыт, связанные с детством в Юньнани, стали основой обретения идентичности. Для художника, использующего преимущественно западные стили и техники живописи, именно этот опыт стал ядром его оригинальности. Горный ландшафт Юньнани стал прообразом идеального «Тибета» в его ранних картинах. Широкая популярность Чжана Сяогана на западном рынке началась с серии «Кровные узы большой семьи», основанной на творческом переосмыслении семейных фотографий, найденных им в родительском доме.

Лай Фэй, Чжай Хайбинь

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Плато Юньнань // Институт географических наук и исследования природных ресурсов Китайской академии наук. – URL: http://www.igsnrr.ac.cn/kxcb/dlyzykpyd/zgdl/zgdm/200704/t20070424_2154860.html (дата обращения: 10.08.2021). – Текст: электронный.
2. Фанг Те. Формирование ханьских этнических групп на юго-западной границе и пограничное управление при разных династиях / Фанг Те // Исследования по истории и географии китайского приграничья. – 2017. – № 4. – С. 77-88.
3. География Юньнани / Под ред. историко-географического факультета Куньминского педагогического университета. – Куньмин: Народное издательство Юньнани, 1978. – 8 с.
4. Рейтинг девяти озёр Юньнани // 360 личных библиотек. – URL: http://www.360doc.com/content/20/0217/14/410608_892690747.shtml (дата обращения: 26.02.2021). – Текст: электронный.
5. Фанг Те. Особенности и причины древних этнических отношений в Юньнане / Фанг Те // Фронт социальных наук. – 2013. – № 07. – С. 130-136.
6. Пан Юнпин. Анализ временных и пространственных моделей меньшинств в провинции Юньнань / Пан Юнпин // Журнал Университета Хунхэ. – 2016. – № 3. – С. 51-53.
7. Ламу Гатуса. Исследование этнического культурного обмена и взаимодействия Юньнани / Ламу Гатуса. – Куньмин: Народное издательство Юньнани, 2016. – 156 с.
8. Тонг Шаоюй. Исследование Юньнань Бази / Тонг Шаоюй, Чен Юнсэн. – Куньмин: Издательство Юньнаньского университета, 2007. – С. 1-6.
9. Чанг Цюй. Заметки Хуаян Гочжи / Чанг Цюй. – Чэнду: Издательство «Башу», 1984. – 1004 с.
10. Фанг Те. О социальных и исторических факторах, влияющих на развитие плато Юньнань-Гуйчжоу / Фанг Те // Вестник Южно-Центрального национального университета. – 2009. – № 3. – С. 49-56.
11. Дуань Юйминь. История культуры Наньчжао-Дали / Дуань Юйминь. – Гуйлинь: Guangxi Normal University Press, 2018. – 470 с.
12. Чжу Фейди. Механизм наследования юньнаньских эпосов / Чжу Фейди. – Куньмин: Издательство художественного исследования, 2011. – 142 с.
13. Волна Лунли. Экологические культурные особенности этнических меньшинств Юньнаня и их ценности основаны на идее зелёного развития / Волна Лунли, У Жофэй. – Лицзян: Издательство Юньнаньского университета, 2017. – 153 с.
14. Ляо Цзяньнань. Экологическая культура в подсечно-огневом земледелии этнических меньшинств в провинции Юньнань / Ляо Цзяньнань. – Куньмин: Издательство краеведческой литературы юго-западных провинций Китая, 2001. – 78 с.
15. Дун Сютао. Исследование творческого контекста «маргинальных» картин маслом этнических меньшинств Юньнани в 1980-х годах / Дун Сютао. – Далян: Издательство меньшинств провинции Юньнань, 2020. – 247 с.
16. Яценко, К. В. Костюм китайского ритуального театра на народной картине чжима провинции Юньнань / К. В. Яценко // Театр и театральность в народной культуре: сборник статей памяти Ларисы Павловны Солнцевой (1924–2016) / сост. и отв. ред. Н. Ю. Данченкова. – М.: ГИИ, 2017. – С. 217-226.
17. Яценко, К. В. Образ коня на китайской народной картине цзяма провинции Юньнань: функции, иконография, происхождение / К. В. Яценко // Обсерватория культуры. – 2015. – № 6. – С. 42-47.
18. Яценко, К. В. Образы XX-XXI вв. на народной картине чжима провинции Юньнань / К. В. Яценко // Обсерватория культуры. – 2016. – № 13 (4). – С. 436-441.
19. Ли Сяньтин. Современный китайский художник Чжан Сяоган и его портреты китайцев / Ли Сяньтин // Восточное искусство. – 2016. – № 23. – С. 137-144.
20. Ван Цзитай. Творчество художника Чжана Сяогана в диалоге традиций западноевропейской и китайской живописи / Ван Цзитай // Человек и культура. – 2020. – № 2. – С. 1-13.

Мусалитина Е. А., Пустовит Н. Е.

E. A. Musalitina, N. E. Pustovit

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF CHINESE GASTRONOMIC REALITIES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-CHINESE INTERCULTURAL DIALOGUE

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Пустовит Никита Евгеньевич – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: nik.pustovit@gmail.com.

Nikita E. Pustovit – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: nik.pustovit@gmail.com.

Аннотация. Помимо языкового и культурного барьера, европейцы в Китае испытывают значительные трудности с питанием. Понимание китайской гастрономической культуры необходимо иностранцам как в быту, так и для повышения эффективности делового сотрудничества, поскольку деловой этикет тесно связан с культурой питания. Этот факт обуславливает необходимость изучения национальных гастрономических реалий в контексте культурологического подхода. В статье проводится анализ лингвокультурных особенностей китайских гастрономических реалий, освещаются причины особого интереса европейцев к китайской кухне, рассматривается влияние российско-китайского межкультурного диалога на трансформацию традиционности китайских национальных блюд.

Summary. In addition to the language and cultural barrier, Europeans in China experience significant nutritional difficulties. Understanding Chinese gastronomic culture is necessary for foreigners both in everyday life and for improving efficiency of business cooperation since business etiquette is closely related to food culture. This fact determines necessity to study national gastronomic realities in the context of cultural approach. The article analyzes linguistic and cultural features of Chinese gastronomic realities, highlights the reasons for the special interest of Europeans in Chinese cuisine, examines the influence of Russian-Chinese intercultural dialogue on the transformation of national traditional Chinese dishes.

Ключевые слова: гастрономическая реалия, Китай, китайская традиционная культура, межкультурный диалог, российско-китайское сотрудничество.

Key words: gastronomic reality, China, Chinese traditional culture, intercultural dialogue, Russian-Chinese cooperation.

УДК 008(39)

Питание и связанные с ним ритуалы занимают особое место в той или иной национальной культуре. Китайская традиционная кухня имеет долгую историю и формируется под влиянием многих факторов: философско-религиозных представлений, климатических, географических, геополитических особенностей, национально-культурных обычаев. При этом современное китайское общество поддерживает и передаёт из поколения в поколение культурное наследие, связанное со сферой питания.

Несомненно, понимание китайской гастрономической культуры необходимо иностранцам не только в быту, но и при становлении эффективного делового сотрудничества. В Китае проведение деловых переговоров, заключение контрактов всегда сопровождается банкетом. В связи с этим переводчики, обеспечивающие языковое сопровождение деловых встреч, испытывают особые трудности с переводом названий гастрономических реалий и представлением содержания блюд китайской национальной кухни.

Безусловно, любой иностранец сталкивается с особенностями национальной кухни, которые вызывают определённые трудности. Часто, помимо языкового и культурного барьера, европейцы в азиатском государстве испытывают значительные трудности с питанием. Это происходит по причине повсеместного употребления китайцами непривычных ингредиентов, специфических приправ, экзотичных вкусовых сочетаний [2].

Попытки понять вкус блюда по его внешнему виду в большинстве случаев заканчиваются неудачей, поскольку оригинальные способы приготовления не позволяют различить состав. В таком случае единственным способом понять состав блюда можно по описанию его в меню. Однако языковой барьер затрудняет этот процесс.

Большинство научных трудов, посвящённых китайским гастрономическим реалиям, рассматривают сугубо лингвистический аспект, а именно проблему их перевода на русский язык. Такие лингвисты, как Е. Е. Петрова, Ю. В. Березина, О. В. Долгих, Ц. Ван, не приходят к единому мнению о том, какой способ перевода является наиболее эффективным в случае с передачей реалий иностранной культуры. Наряду с этим исследователи отмечают, что для осуществления адекватного перевода необходимо учитывать экстралингвистические факторы: особенности национальной культуры, географическую распространённость того или иного блюда, историю его возникновения и др. [1].

Несмотря на признание высокой значимости культурного компонента в понимании иностранцами особенностей китайских гастрономических реалий, в настоящий момент наблюдается недостаточное освещение этой проблемы в контексте культурологического подхода [3, 78].

Данное исследование ставит целью изучение национально-культурного своеобразия китайских гастрономических реалий и их роль в развитии современного российско-китайского взаимодействия. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- анализ основных характеристик китайской национальной кухни;
- установление причин интереса европейцев к китайской кухне;
- выявление влияния российско-китайского межкультурного взаимодействия на формирование особенностей китайских гастрономических реалий.

В качестве объекта исследования выступает понятие «гастрономическая реалия». Этот термин относится к лингвистическим и означает национально окрашенную лексику, связанную со сферой питания, названиями национальных блюд, функционирующими в глоттоническом (гастрономическом) дискурсе [4]. Поскольку такой лексический материал позволяет выявить особенности разнообразных аспектов национальной культуры, представляется целесообразным оперирование этим понятием в контексте культурологического исследования. Названия многих китайских блюд имеют высокую культурную коннотацию и являются важной частью китайской культуры. Многие из этих блюд недоступны в зарубежных странах, поскольку существует большая разница между китайским и западным национальным менталитетом, культурой питания [6].

Китайские блюда являются уникальными в своём роде и, являясь гастрономическими реалиями, рассматриваются в данном исследовании в контексте межкультурного диалога. Межкультурный диалог представляет собой открытый и уважительный обмен мнениями между людьми и группами, принадлежащими к разным культурам, который ведёт к лучшему пониманию восприятия мира каждым человеком [3, 29].

Обращаясь к рассмотрению китайских гастрономических реалий, прежде всего необходимо выделить основные черты национальной кухни Китая. Во-первых, у европейцев существует устойчивый стереотип об экзотичности не только ресторанной, но и повседневной китайской пи-

щи. Необычными представляются подача блюд и организация места приёма пищи. В отличие от западной традиции, китайцы используют круглый крутящийся стол, имеющий несколько ярусов. Блюда не подаются порционно, а выставляются на стол в больших подносах. Это связано с традиционными представлениями китайцев о первостепенной роли семьи [5]. Семейные обеды и ужины символизируют крепкие семейные узы, поэтому еды должно быть много, на столе не должно быть пустого места. Несомненно, необычным представляется выбор столовых приборов: плоские керамические ложки для первых блюд, бамбуковые палочки для вторых блюд.

Во-вторых, экзотичность китайской кухни европейцы связывают с используемыми в процессе приготовления блюд ингредиентами и специями. Обусловленная многовековой традицией китайского общества забота о пропитании всех поколений семьи, привычка китайцев употреблять в пищу насекомых, водоросли, червей прочно вошла в их повседневное питание [12]. В-третьих, необычны вкусовые комбинации, которые для европейцев несочетаемы: сладко-соленое, кисло-сладкое, медово-острое, мясное блюдо в рыбном соусе и т. д.

Для китайцев важно искать гармонию во всех аспектах жизни, в том числе и в еде. Это требует сбалансированного выбора продуктов, дающего интересное разнообразие цветов, форм, ароматов, вкусов и текстур [9]. Подбор ингредиентов и способ приготовления диктуются этим принципом. Поэтому еда должна не только гармонично сочетать вкусы, но и находить баланс между холодным и горячим, цветом и консистенцией. Таким образом, методы приготовления пищи в китайской кухне разнообразны.

Рассмотренные особенности сделали китайскую кухню особо привлекательной для россиян и привели к появлению большого количества её сторонников среди российского населения. Наряду с этим в начале 2000-х гг., в период активного развития туристического взаимодействия между Россией и Китаем, в российскую гастрономическую культуру прочно вошёл феномен китайской кухни [8]. Появилось большое количество китайских ресторанов, в продажу поступил широкий ассортимент китайских приправ и продуктов быстрого питания из Китая. В этот период тысячи российских туристов ежегодно совершали поездки в торговые города северной провинции Хэйлунцзян. Также появились туры выходного дня, целью которых был отдых и посещение китайских ресторанов.

В связи с этим китайские владельцы пунктов общественного питания столкнулись с проблемой языкового сопровождения деятельности предприятий в условиях быстро растущего интереса россиян к китайской кухне.

Пользуясь доступными источниками информации (словари, справочники), а также непосредственно в общении с русскими туристами китайцы, не владеющие русским языком, начали активно русифицировать меню ресторанов и кафе. В результате большинство названий блюд на китайском языке было снабжено переводом низкого качества. Так, в меню можно было встретить следующие варианты перевода:

- «бэй-као-суань-цецзы» (курица в гриле) – перевод на русский язык «жестковатые ноги цыпленка»;
- «чуань-као-еу-юй» (морепродукты с овощным гарниром) – перевод на русский язык «мирная северная лихорадка заквашивает баклажан»;
- «као шао еу юй» (кольцах кальмара в кляре) – перевод на русский язык «шнур горит кальмар чтобы иметь»;
- «ню-бао-цай-фань» (говядина в крахмальном соусе) – перевод на русский язык «корова карьера тучная выдерживает рис» и др. [10].

Ошибки перевода, искажающие смысл гастрономической реалии, вызвали неожиданный эффект – в российском юморе начала 2000-х гг. появилась новая тема «китайское меню». Фотографии меню с искажённым переводом распространялись среди россиян, а известные юмористы представили несколько сюжетов на эту тему в стендап-шоу российского телевидения.

Рост российско-китайского торгового и культурного взаимодействия, особенно в северной провинции Хэйлунцзян, привёл к тому, что китайская индустрия общественного питания максимально адаптировалась к русскоязычной клиентуре. Несмотря на сохранение китайской специфи-

ки, рестораны граничащих с Россией районов приобрели русский колорит. В результате изменилась рецептура приготовления некоторых блюд, в меню появилась привычная европейцам кухня, трансформировались китайские названия, образованные путём транслитерации с русского языка [7]. Например, в китайском меню приграничных городов было зафиксировано новое блюдо «си-эр-ни-дзи» (сырники), которое не свойственно китайской кухне из-за наличия молочного продукта в его составе. Китайцы не переносят лактозу, содержащуюся в молоке, поэтому соевое молоко заменяет животное.

Популярным блюдом стал суп «хун-тан» (борщ), который в дословном переводе означает «красный суп». Таким образом, блюдо пришло в китайскую кухню приграничных районов из русской гастрономической традиции. Со временем оно претерпело некоторые изменения в составе, технологии приготовления, названии, и в результате в китайской кухне появилось новая гастрономическая реалия «су-бо-тан» (борщ по китайской рецептуре).

Максимальная доступность информации о китайских блюдах для российских клиентов была задачей не только китайских рестораторов, но и самих туристов. По этой причине появились русские варианты названий китайских гастрономических реалий, которые туристы передавали в устной форме между собой. Таким образом, эти названия прочно вошли в обиход и были приняты китайцами, например, популярное среди российских туристов блюдо «го-бао-жоу» широко известно на Дальнем Востоке России как «свинина в кисло-сладком соусе».

Помимо русификации китайских гастрономических реалий, в начале 2000х гг. в китайских ресторанах появляется нетипичное для формата меню явление – использование для обозначения блюд номеров, а не названий. Сначала каждый ресторан нумеровал блюда в меню в произвольном порядке, но через несколько лет произошла унификация этой системы и большинство китайских ресторанов обозначали блюда одинаковыми номерами. Позднее эта система была принята китайскими ресторанами в России и используется в настоящий момент.

Ориентация на российского клиента и учёт языковых трудностей при обозначении названий обусловили ориентацию на визуальное восприятие китайских гастрономических реалий. По этой причине в ресторанах появились отдельные залы со стеклянными витринами, демонстрирующие муляжи блюд из меню заведения. Все муляжи сопровождались соответствующим номером меню [11].

Анализ национально-культурных особенностей китайских гастрономических реалий позволяет сделать следующие выводы. Развитие российско-китайского межкультурного диалога оказалось значительное влияние на трансформацию традиционных гастрономических реалий в Китае. Коренным образом изменилась система наименования названий блюд в меню ресторанов, произошёл переход на их слововое обозначение. В китайских ресторанах граничащих с Россией районов появились новые блюда. Они были заимствованы из русской национальной кухни по причине увеличения потока туристов из России в начале 2000-х гг. Преобладание в меню визуальных образов китайских блюд повысило их популярность среди россиян. Таким образом, можно говорить о том, что, сохраняя многовековые традиционные черты, китайские гастрономические реалии в процессе межкультурного взаимодействия с Россией приобрели новые характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина, Ю. В. Особенности перевода гастрономических реалий в художественной литературе / Ю. В. Березина, Ю. А. Константинова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2022): сборник статей XXII Всерос. науч.-практ. конф., 11-29 апреля 2022 года, г. Киров. В 2 т. Т. 1. Социальные и гуманитарные науки. – Киров: Вятский государственный университет, 2022. – С. 75-81.
2. Ван Цзы. Обновление смыслов культуры питания современной китайской семьи / Ван Цзы // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 2 (94). – С. 123-126.
3. Губанов, С. А. Межкультурный диалог: аспекты взаимодействия / С. А. Губанов. – Самара: Университет «МИР», 2022. – 71 с.
4. Загребельная, М. С. Гастрономическая картина «仙剑奇侠传七» («Chinese Paladin 7») как отражение культуры питания Поднебесной / М. С. Загребельная // Modern Science. – 2022. – № 5-3. – С. 323-330.

5. Лаенко, Л. В. Гастрономические реалии в условиях межкультурного взаимодействия / Л. В. Лаенко // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 16-19 декабря 2020 г. / под ред. Л. Г. Кузьминой, Н. А. Фененко. – Воронеж: Изд-во Истоки, 2021. – С. 313-320.
6. Лу Лэй. Взаимодействие национальных культур России и Китая в ХХ веке: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Лу Лэй. – Москва, 2004. – 22 с.
7. Петрунина, Ж. В. Приграничное сотрудничество России и Китая в условиях вызовов начала 2020-х годов / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 197-203.
8. Петрова, Е. Е. Гастрономические реалии как проблема перевода / Е. Е. Петрова, Ю. Н. Тулимонас // Язык и межкультурная коммуникация: материалы Междунар. науч. конф., Псков, 21-23 мая 2019 г. – Псков: Псковский государственный университет, 2019. – С. 118-124.
9. Турбанов, И. Проблема перевода имён собственных как фактор успешного развития российско-китайского сотрудничества / И. Турбанов, Е. А. Мусалитина // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы V Всерос. нац. науч. конф. молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 11-15 апреля 2022 г. В 4 ч. Ч. 4 / редкол.: А. В. Космынин (отв. ред.) [и др.]. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2022. – С. 97-99.
10. Чэнь, Ш. Отражение нравственных принципов конфуцианства в китайском языке / Ш. Чэнь, Г. А. Шушарина // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всерос. науч. конф., Комсомольск-на-Амуре, 28-29 января 2021 года. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 205-209.
11. Шан, Б. Влияние западной праздничной культуры на традиционную культуру Китая: история и современность / Б. Шан // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 2. – С. 114-119.
12. Яхно, О. Н. Кулинарные книги как источник реконструкции гастрономической культуры / О. Н. Яхно // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 1 (62). – С. 113-120.

Мяо Цзяньчжун
Miao Jianzhong

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИИ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

EDUCATIONAL AND ENLIGHTENING FUNCTIONS OF BOOK ILLUSTRATION OF FAIRY TALES FOR CHILDREN IN MODERN CHINA

Мяо Цзяньчжун – аспирант Департамента искусств и дизайна ШИГН Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; тел. 8(924)724-17-61. E-mail: myao.tc@dvfu.ru.

Miao Jianzhong – Postgraduate Student, Art and Design Department, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); Russia, Vladivostok, 690922, isl. Russkii, sel. Ayaks, 10; tel. 8(924)724-17-61. E-mail: myao.tc@dvfu.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены образовательная и воспитательная функции детской книжной иллюстрации на примере оформления разных типов сказок современными китайскими художниками. На основе анализа приблизительно 200 книг (учебной литературы, народных, иностранных и авторских сказок) показано, каким именно образом иллюстрация выполняет образовательную и воспитательную функции в современном Китае.

Summary. The article examines the educational and upbringing functions of children's book illustration by the example of the design of different types of fairy tales by modern Chinese artists. Based on the analysis of about 200 books (educational literature, folk, foreign and author's fairy tales) it is shown how exactly the illustration fulfills the educational and upbringing function in the modern China.

Ключевые слова: Китай, сказки, книжная иллюстрация, образовательная и воспитательная функции.

Key words: China, fairy tales, book drawing, illustration, educational and upbringing functions.

УДК 76.01/75.05

Актуальность темы. Современная книжная иллюстрация сказок в КНР развивается в сложном социальном и культурном контексте. Китай в период «реформ и открытости», а особенно в последние двадцать лет, пережил быстрый экономический рост, урбанизацию и глобализацию. Трансформируются базовые основы общества: сельский социум сменился городским, большая патриархальная семья – малой, изменился социальный статус ребёнка. Возник определённый разрыв между традиционными ценностями коллективизма, почтения к старшим, скромности и новыми реалиями, где процветают индивидуализм, амбициозность, гедонизм и т. п. Ситуация сдвига культурных и социальных норм нелегка для любого человека, но особенно трудно в таких условиях проходят воспитание и социализация детей. Именно поэтому растёт значение детской книги, в том числе сказки с иллюстрациями, которая способна выполнять функции артикуляции и компенсации проблем ребёнка и его социального окружения в условиях меняющейся нормы [1, 25].

Одним из важнейших и древнейших предназначений сказки является функция воспитания и социализации ребёнка, а детская книжная иллюстрация является неотъемлемым спутником этого процесса. Теоретические аспекты воспитательной функции детской книжной иллюстрации раскрывают М. Солисбери и М. Стайлз [18]. Исследованию обучающей и воспитательной функций детской книжной иллюстрации уделялось внимание такими авторами, как М. А. Быковская [2], Ж. Х. Рашидов [10], И. А. Лыкова [6] и др. Их работы сосредоточены не на искусствоведческих, а на педагогических аспектах. Фундаментальные труды по китайской книжной иллюстрации, в том числе о её значении для детей, создали К. К. Флуг [13], Т. И. Виноградова [3] и др. Этой научной проблеме посвящены также работы ряда китайских авторов: Гао Чженюй [20], Сюй Ся [21]; Цю

Манли [14], Тун Даньдань [12] и др. Их внимание преимущественно сосредоточено на сравнении иллюстраций сказки в российской и китайской учебной литературе, на том, как в иллюстрациях проявляется разница национальных менталитетов и культурных кодов. Однако воспитательные возможности иллюстраций к сказкам последнего поколения китайских художников, в том числе работающих в западных странах, изучены недостаточно.

Объект – книжные иллюстрации к детским сказкам в Китае за последние двадцать лет.

Цель статьи – выявить генезис, формы и конкретную реализацию образовательной и воспитательной функций книжных иллюстраций к детской литературе и сказкам в традиционном и современном Китае.

Материалом для исследования послужил комплекс сказок с иллюстрациями китайских художников, которые размещены и наиболее успешно продаются на электронных платформах AliExpress, Ozon и др. Использованы около 200 сказок, изданных за последние 20 лет, включая учебную литературу (50), адаптации китайских народных сказок (50), сказки народов мира (более 50), авторские сказки (менее 50) с иллюстрациями китайских художников. При возможности, для удобства русскоязычных читателей использован вариант книги в русском переводе или изданный в России.

Методы исследования: в статье использованы функциональный и семиотико-герменевтический подходы, а также жанрово-стилевой метод анализа. Описываются различные элементы и специфические признаки отдельных иллюстраций и художественных стилей, сюжеты и художественные приёмы художников. Семиотико-герменевтический подход позволил интерпретировать смысл иллюстраций и скрытые в них образы и символы с помощью анализа истории и социального контекста данной культуры.

Результаты исследования. Наиболее традиционным для Китая является использование иллюстраций как способа адаптации для учащихся древних и сложных текстов. Уже в Древнем Китае существовали многочисленные издания классических текстов с комментариями и иллюстрациями, адаптированные для детей, студентов и чиновников, которые получали конфуцианское образование и готовились к государственным экзаменам. Так что художники-иллюстраторы как государственных, так и частных издательств работали на эту экзаменационную систему, которая начала складываться ещё в III в. до н. э. Уже в классическом Китае также сформировалось представление о том, что подлинное развитие человека включает не только «учёность» (вэнь), но и воспитанность, или гуманность (жэнь) [7, 24]. В нашей статье эти функции просвещения обозначены как образовательная и воспитательная.

Главным китайским автором, которого начали адаптировать и иллюстрировать для учащихся, был Конфуций. Конфуцианство использовалось в системе образования для подготовки лояльных власти подданных и государственных служащих, а также для воспитания подрастающего поколения в духе почтительности к старшим и культурным традициям. В 1165 г. было издано одно из первых иллюстрированных пособий по изучению конфуцианского канона «Люцзин ту» – «Шестикнижие с рисунками». Иллюстрации располагались полосой над текстом. Этот справочник, или учебник по конфуцианским классикам, был составлен сунским писателем Ян Цзя [13, 288]. В 1242 г. при династии Юань была издана историческая книга «Пространные записи о роде Кун в 12 цзюанях», составленная Кун Юань-цо, потомком Конфуция в 51-м поколении (ныне находится в Государственной библиотеке в Пекине). Издание сопровождалось иллюстрациями в стиле односторонних юаньских гравюр. Впоследствии эта книга неоднократно переиздавалась как целиком, так и отдельными иллюстрациями. Наиболее известна гравюра, изображающая Конфуция, едущего в тележке, запряжённой парой лошадей. Позднее на её основе изготавливались народная картина няньхуа (лубок) «Конфуций обезжает царства» (см. рис. 1).

В дальнейшем иллюстрациями сопровождались тексты идеологического, исторического, морально-дидактического содержания. Особенно широко они распространялись в эпоху Цин и использовались как дидактический материал во время чтения «Наказа» перед чиновниками, взрослыми из народа и школьниками. Характерно, что иллюстрация в учебнике обозначалась как рису-

нок (ту), в то время как в художественном тексте иллюстрация имела как бы более высокий художественный ранг и могла обозначаться другим термином – «живопись» (хуа) [3, 99].

Рис. 1. Народная картина няньхуа «Конфуций объезжает царства».
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), Санкт-Петербург

В современных китайских учебниках довольно широко используется потенциал иллюстрации для закрепления желательных идей, образцов поведения и культурных ценностей. Для этого используются как современные авторские сказки, так и адаптация для детей многочисленных притчей, мифов и другие форм народного творчества. По подсчётам Цю Манли, в китайских учебниках родного языка для 1-3-го классов находится 117 рисунков, иллюстрирующих сказки, басни, а также крылатые выражения, пословицы и поговорки [14, 84].

Иллюстрации в школьных учебниках крылатых выражений, пословиц и поговорок с помощью визуальных художественных образов не только раскрывают смысл и способствуют их запоминанию, но и дополнительно знакомят детей с историческими образцами народного костюма, приметами быта, типовыми приёмами классической китайской живописи и т. п.

Рассмотрим в качестве примера иллюстрации к поговоркам: «тянуть всходы руками, чтобы они скорее росли» (см. рис. 2, а), «сторожить пень в ожидании зайца» (русский аналог – «ждать у моря погоды») (см. рис. 2, б), «чинить хлев, когда несколько овец уже пропали» (русский аналог – «лучше поздно, чем никогда») (см. рис. 2, в) и «поворнуть оглобли на юг, чтобы ехать на север» (см. рис. 2, г).

По приведённым рисункам современный школьник (особенно городской) может составить представление о том, как выглядело поле риса и овечий хлев, разные животные и древняя повозка, костюмы и типичные позы разных сословий. Эта эмпирическая информация передаётся с помощью определённых художественных приёмов, стилизованных под традиционную китайскую графику (рисунок тушью, отсутствие перспективы, особый тип пейзажа). Сравнение рис. 1 и рис. 2, г показывает, что в рисунке современного художника (см. рис. 2, г) используется композиция древнего народного лубка няньхуа (в перевёрнутом виде). В то же время на рис. 2, б используется современный приём, свойственный комиксам (изображать мысли персонажа с помощью облака, выходящего из его головы), а персонажи на рис. 2, в по пропорциям тел и мимике похожи на героев современного мультфильма.

а)

б)

в)

г)

Рис. 2. Рисунки из учебника «Китайский язык». 1-й класс, часть 1.
Пекин: Изд-во Народного образования, 2015, 148 с. (на китайском языке)

Можно проследить связь принципов современной книжной иллюстрации сказки в китайском учебнике как с древней традицией «полностью иллюстрированной книги» цюаньсян или принципом «сверху картина, внизу – текст» (шан ту сяэнь), известной с 20 годов XIV в. [3, 68], так и с современным комиксом, где много картинок и мало текста, и даже с хорошо знакомым детям мультфильмом, где кадр следует за кадром.

Для изучения китайских идиом и крылатых выражений используются не только учебники, но и дополнительная учебная литература. Она отличается ещё большей красочностью и выразительностью иллюстраций (см. рис. 3), особенно в изданиях для дошкольников, а также может содержать аудиофайл [22].

Сказки с иллюстрациями широко используются в КНР для обучения детей иностранным языкам. Книга с большим количеством иллюстраций и текстом на двух языках (чаще китайском и английском) облегчает усвоение ребёнком иностранной грамматики и запоминание новых слов за счёт позитивной идентификации ребёнка и героя сказки, которого он видит на картинке. Такие двуязычные книги с иллюстрациями китайских художников распространяются по всему миру, в том числе популярны и в России (см. рис. 4). В качестве примеров можно привести серию из 20 двуязычных книг с иллюстрациями Юй Тинь [19].

Сказки с иллюстрациями используются для ознакомления детей с историей китайской культуры, в том числе с историей происхождения главных календарных праздников. В этом отношении интересны иллюстрации художника Хэ Чжихуна к 8 сказкам: «Нянь страшный» (о празднике весны) и др. [8]. В русском переводе эта книга снабжена рецептами праздничной каши лабачоу и китайских пельменей, схемами изготовления китайского фонарика, воздушного змея и других предметов [9, 135].

《杞人忧天》

有一天晚上，
杞国人吃过晚饭
后，拿着扇子坐
在门前乘凉。

Рис. 3. Обложка книги «Хань Цзыпин Инь. Китайские идиомы». Художник Ли Цзиньлуан

Рис. 4. Разворот из двуязычной книги «История мандарина». Художник Юй Тинь

В целом, можно сказать, что иллюстрации сказок и фольклора часто используются в учебной литературе в прикладных образовательных целях. Анализ художественных приёмов художников-иллюстраторов на этом прикладном уровне показывает, что они хотя и используют элементы традиционного наследия, но иногда эклектически соединяют их с современным «мультиплексионным» стилем. Художественная точность и сложность визуальных образов тут уступают педагогическим и дидактическим целям воспитания лояльности и социально-желательного поведения детей. Относительная простота иллюстраций в учебниках и учебных пособиях обусловлены также необходимостью удешевления издания и роста тиражей.

Гораздо более широкую воспитательную задачу выполняет иллюстрация сказок в формировании у детей индивидуального нравственного чувства и эстетического вкуса. Современные исследователи отмечают важную роль детской книги, в том числе её визуального ряда, в формировании нравственности и «эмоционального интеллекта», под которым понимается замена природных аффектов (страх, гнев, скука) более культурными эмоциями и сложными чувствами (выдержанка, эмпатия, любознательность). Именно этот психоэмоциональный комплекс ближе всего совпадает с китайским понятием «жэнь» – воспитанность, гуманность, добродетельность.

В качестве примера приведём иллюстрации Эвы Ван – одного из самых востребованных современных детских иллюстраторов не только у себя на родине, но и во всём мире, её книга издана и в России [11]. Работы художницы не раз выставлялись на крупнейших международных выставках детской иллюстрации и завоёвывали разные призы и награды, в том числе за лучшие иллюстрированные книги стран Азии.

Сюжет сказки «Тетушка Тигрица» повествует о злой и коварной тигрице, которая ела людей, в том числе и детей. Однако маленькой девочке удалось ей противостоять. Благодаря своей отзывчивости и доброте она получила в награду три волшебных кошелька и спасла не только свою жизнь, но и на долгие годы отбила у тигрицы охоту спускаться с гор к людям.

Образ тигра-людоеда может вызвать неконтролируемый ужас, однако художница умело вводит этот аффект в культурные рамки: тигрица имеет некоторые антропоморфные черты: её называют «тетушка» (что в традиционном Китае указывало на авторитетную фигуру), она одета в роскошную одежду, ходит на двух лапах, укрывается одеялом, к тому же она изображена с известным юмором (см. рис. 5). Всё это позволяет прорабатывать страхи, известные всем детям, учиться их контролировать и преодолевать с помощью социально одобряемых эмоций: отзывчивости, чувства собственного достоинства, стремления защитить слабого.

счёт иллюстрации. Именно графике отводится главная роль в повествовании, ведь рисунки не дополняют написанное, не иллюстрируют сюжет, они рассказывают, ведут за собой читателя и предоставляют тому возможность самостоятельно думать о истории.

Приведём в качестве примера «тихой книги» работу художницы Гуоджин (Guo Jing) «За стеной метели» (см. рис. 7) [5]. Художница Гуоджин родилась в КНР и после окончания Академии искусств в Таньцзине (факультет скульптуры) несколько лет работала концепт-художником в компании, разрабатывающей видеоигры. В 2009 г. Гуоджин переехала в Сингапур, увлеклась мультипликацией и до 2012 г. вовсе не занималась книжной графикой. В настоящее время живёт и работает в Канаде. В 2021 г. в России была издана её вторая книга «Гроза» [4].

Рис. 6. Обложка книги
«Чжун Куй – хранитель ворот».
Художник Линь Синь

Рис. 7. Страница из книги «За стеной метели».
Художница Гуоджин (Guo Jing)

«За стеной метели» вышла в США в 2015 г. и сразу попала в престижный ежегодный список лучших иллюстрированных книг по версии издания The New York Times. Это история маленькой девочки, которая, не усидев в одиночестве дома, отправилась в гости к бабушке и заблудилась по дороге. В этой истории совсем нет слов, повествование целиком построено на выразительных, очень эмоциональных рисунках.

Рисуя книгу, Гуоджин обращалась к детским воспоминаниям и переживаниям, часто приезжала в дом своего деда, где выросла, бродила по старым улочкам, много фотографировала, а потом воссоздавала мир своего детства в эскизах. И хотя «The Only Child» («Единственный ребёнок» – так называется книга в оригинале) во многом опирается на личный опыт художницы, она неоднократно подчёркивала, что книга не автобиографична [16].

Воспитательное воздействие истории Гуоджин опирается на вполне понятную всему новому поколению китайцев социальную реальность, связанную с последствиями политики Китая «Одна семья – один ребёнок». В то же время эта история универсальна, узнаваема для людей по всему миру. Одиночество, потребность в любви, обретение самостоятельности, ответственность за постаревших родителей – это классическая канва «романа воспитания», но в своеобразном преломлении сказочного сюжета с китайской спецификой. Использование художницей чёрно-белой гаммы с элементами классической китайской техники размытой туши содержит отсылку к тради-

счёт иллюстрации. Именно графике отводится главная роль в повествовании, ведь рисунки не дополняют написанное, не иллюстрируют сюжет, они рассказывают, ведут за собой читателя и предоставляют тому возможность самостоятельно домысливать историю.

Приведём в качестве примера «тихой книги» работу художницы Гуоджин (Guo Jing) «За стеной метели» (см. рис. 7) [5]. Художница Гуоджин родилась в КНР и после окончания Академии искусств в Таньцзине (факультет скульптуры) несколько лет работала концепт-художником в компании, разрабатывающей видеоигры. В 2009 г. Гуоджин переехала в Сингапур, увлеклась мультипликацией и до 2012 г. вовсе не занималась книжной графикой. В настоящее время живёт и работает в Канаде. В 2021 г. в России была издана её вторая книга «Гроза» [4].

Рис. 6. Обложка книги
«Чжун Куй – хранитель ворот».
Художник Линь Синь

Рис. 7. Страница из книги «За стеной метели».
Художница Гуоджин (Guo Jing)

«За стеной метели» вышла в США в 2015 г. и сразу попала в престижный ежегодный список лучших иллюстрированных книг по версии издания The New York Times. Это история маленькой девочки, которая, не усидев в одиночестве дома, отправилась в гости к бабушке и заблудилась по дороге. В этой истории совсем нет слов, повествование целиком построено на выразительных, очень эмоциональных рисунках.

Рисуя книгу, Гуоджин обращалась к детским воспоминаниям и переживаниям, часто приезжала в дом своего деда, где выросла, бродила по старым улочкам, много фотографировала, а потом воссоздавала мир своего детства в эскизах. И хотя «The Only Child» («Единственный ребёнок» – так называется книга в оригинале) во многом опирается на личный опыт художницы, она неоднократно подчёркивала, что книга не автобиографична [16].

Воспитательное воздействие истории Гуоджин опирается на вполне понятную всему новому поколению китайцев социальную реальность, связанную с последствиями политики Китая «Одна семья – один ребёнок». В то же время эта история универсальна, узнаваема для людей по всему миру. Одиночество, потребность в любви, обретение самостоятельности, ответственность за постаревших родителей – это классическая канва «романа воспитания», но в своеобразном преломлении сказочного сюжета с китайской спецификой. Использование художницей чёрно-белой гаммы с элементами классической китайской техники размытой туши содержит отсылку к тради-

ционному наследию (см. рис. 7). Книга выполняет функцию артикуляции и компенсации детских травм через их эстетическое оформление и воплощение, это своего рода арт-терапия.

Выводы. Иллюстрация сказок выполняет образовательную и воспитательную функции на разных уровнях художественного восприятия этого визуального искусства. Иллюстрация учебной литературы сохраняет культурную преемственность с древнекитайской традицией как по своим целям, так и по технике и стилю исполнения. Приоритет отдан не художественной целостности, а выполнению прикладных задач – концентрации внимания, запоминанию учебного материала, усвоению китайских идиом и крылатых выражений, иностранного языка.

В адаптированных для детей *народных сказках* иллюстрации способствуют преимущественно передаче национального культурного опыта, традиционных ценностей, нравственных норм и эстетических ценностей. Такие художники, как Хэ Чжихун, Линь Синь, Эва Ван, в оформлении сказок имеют оригинальный авторский стиль и достигают целостного эстетического впечатления.

Иллюстрации *сказок народов мира*, выполненные китайскими художниками (Тони Цзен и др.), очень популярны в КНР, они учат детей принимать новое и незнакомое, способствуют увеличению культурного капитала ребёнка (а заодно и родителей). При этом китайские художники осваивают интернациональные художественные стили, а иногда привносят в иллюстрации мировых сюжетов национальную специфику и оригинальную интерпретацию.

В *авторских сказках* воспитательная функция реализуется на особенно глубоком и тонком уровне. Как показано на примере Гуоджин, художник в образно-символической форме транслирует личный опыт, что способствует артикуляции и компенсации проблем ребёнка и его социального окружения в условиях меняющейся нормы. Восприятие такой графики является вариантом арт-терапии, направлено на осознание и проработку напряжений, фruстраций и травм, связанных с социализацией ребёнка в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козьмин, А. В. Сказка и социальный контекст / А. В. Козьмин // Сюжетный фонд сказок: структура и система / А. В. Козьмин. – М.: РГГУ, 2009. – С. 23-38.
2. Быковская, М. А. Современный взгляд на историю развития книжной иллюстрации и актуальность её использования в педагогическом процессе / М. А. Быковская // Инновационная наука в глобализующемся мире. – 2017. – № 1 (4). – С. 8-13.
3. Виноградова, Т. И. Мир как «представление»: Китайская литературная иллюстрация / Т. И. Виноградова. – СПб.: БАН, Альфарет, 2012. – 332 с.
4. Гуоджин (Guo Jing). Гроза / Гуоджин. – СПб.: Поляндрия, 2021. – 101 с.
5. Гуоджин (Guo Jing). За стеной метели / Гуоджин. – М.: Манин, Иванов и Фербер, 2019. – 123 с.
6. Особенности восприятия и понимания иллюстрированной книги детьми трёх-пяти лет (результаты междисциплинарного исследования) / И. А. Лыкова, Е. В. Боякова, О. В. Стукалова, О. В. Гайсина // КПЖ. – 2016. – № 6 (119). – С. 115-121.
7. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М.: Изд-во Аст, 2001. – 632 с.
8. Гийом, О. Китайские сказки. Происхождение главных праздников / О. Гийом. – М.: Пешком в историю, 2019. – 64 с.
9. Острикова, Т. А. Критерии лингводидактического отбора книжных изданий переводных китайских народных сказок на русском языке / Т. А. Острикова, А. В. Упоров // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2020. – № 2 (32). – С. 131-147.
10. Рашидов, Ж. Х. Книжные иллюстрации как средство эстетического формирования дошкольников / Ж. Х. Рашидов // Проблемы науки. – 2020. – № 1 (146). – С. 71-75.
11. Тетушка тигрица и другие сказки / Пер. Д. Коваленин, ил. Эва Ван. – М.: Росмэн, 2014. – 48 с.
12. Тун Даньдань. Китайские народные сказки: анализ культурного кода в народном творчестве / Тун Даньдань // Культура и искусство. – 2020. – № 7. – С. 38-46.
13. Флуг, К. К. История китайской печатной книги сунской эпохи: X – XIII вв. / К. К. Флуг. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959. – 400 с.

14. Цю Манли. Иллюстрации сказочных сюжетов в российских и китайских учебниках по родному языку / Цю Манли // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2018. – № 4 (79). – С. 83-87.
15. Чжун Куй – хранитель ворот / Пер. А. А. Монастырский, ил. Линь Синь. – М.: Шанс, 2020. – 56 с.
16. Гуоджин (Guo Jing). «За стеной метели». Обзор / Гуоджин // Картинки и разговоры, 2022. – URL: <http://www.fairyroom.ru/?p=73917> (дата обращения: 07.05.2022). – Текст: электронный.
17. Художник-иллюстратор Tony Zheng (106 работ) // Мир картинок. – URL: <https://nevsepic.com.ua/art-irisovanaya-grafika/9729-hudozhnik-illyustrator-tony-zheng-106-rabot.html> (дата обращения: 07.05.2022). – Текст: электронный.
18. Salisbury M., Styles M. Children's Picturebooks: The Art of Visual Storytelling // Картинки и разговоры, 2022. – URL: <http://www.fairyroom.ru/?p=21517> (дата обращения: 25.06.2022). – Текст: электронный.
19. 20 книг на китайском и английском языках, двуязычная книга «История мандарина», Классическая сказочная книга для детей от 0 до 9 лет. Художник Юй Тинь (кит.) // AliExpress. – URL: https://aliexpress.ru/item/32909957453.html?sku_id=65926437779 (дата обращения: 02.07.2022). – Текст: электронный.
20. Гао Чженюй. Детский философский диалог по книжкам с картинками: ретроспектива и перспектива (кит.) / Гао Чженюй // 2022 CNKI. – URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-JYYC201409027.htm> (дата обращения: 25.06.2022). – Текст: электронный.
21. Сюй Ся. Использование книжек с картинками, чтобы открыть дверь детской эстетике. Предварительное исследование стратегий проникновения эстетического воспитания в чтение детских книжек с картинками (кит.) / Сюй Ся // 2022 Baidu. – URL: <https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1a1j0a807j1a0x50bq4y0cm0y0322697> (дата обращения: 25.06.2022). – Текст: электронный.
22. Хань Цзыпин Инь. Китайские идиомы. Книги для чтения на ночь для детей от 2 до 6 лет. Художник Ли Цзиньлун (кит.) / Хань Цзыпин Инь // AliExpress. – URL: https://aliexpress.ru/item/1005003341116529.html?sku_id=12000025305676584 (дата обращения: 02.07.2022). – Текст: электронный.

Непочатова В. М.

V. M. Nepochatova

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ

THE ROLE OF THE MEDIA IN THE PROCESS OF CONSTRUCTING THE COUNTRY'S IMAGE

Непочатова Валерия Михайловна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(909)889-21-96. E-mail: devalera9@gmail.com.

Valeria M. Nepochatova – Senior Lecturer, Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(909)889-21-96. E-mail: devalera9@gmail.com.

Аннотация. В настоящей статье исследуются такие понятия, как «образ», «имидж», «образ страны», «имидж территории». Рассматривается взаимосвязь этих понятий, характеризуются их индивидуальные черты, свойства и качества, исследуются внутренний и внешний имиджи страны, а также факторы, влияющие на формирование этих имиджей. Кроме того, отмечается важность и значимость средств массовой информации (СМИ), рекламы, связей с общественностью в конструировании имиджа/образа страны как для внутренней аудитории, так и для внешней. Исследуется проблема образов и имиджей в целом. Акцентируются различные составляющие имиджа/образа. Упоминается связь понятия «образ» по отношению к различным объектам: личностям (политикам), организациям, продуктам, а также к территориальным образованиям. Выявляется роль стереотипов и их воздействие на процесс конструирования имиджа/образа страны. Подвергаются теоретическому анализу «положительный» и «негативный» образы. Представлены выводы автора по поводу употребления терминов «имидж» и «образ» как синонимичных, так и в более узком контексте.

Summary. This article explores such concepts as «form», «image», «image of the country», «image of the territory». The relationship of these concepts is considered, their individual features, properties and qualities are characterized, the internal and external image of the country, as well as the factors influencing the formation of these images, are studied. In addition, the importance and significance of the media, advertising, public relations in constructing the country's image/form, both for the internal audience and for the external one, is noted. The problem of forms and images as a whole is investigated. Various components of the image/form are emphasized. The connection of the concept of «image» in relation to various objects – individuals (politicians), organizations, products, as well as territorial entities is mentioned. The role of stereotypes and their impact on the process of constructing the image/form of the country is revealed. «Positive» and «negative» images are subjected to theoretical analysis. The author's conclusions about the use of the terms «image» and «form» both synonymous and in a narrower context are presented.

Ключевые слова: имидж, СМИ, положительный имидж, формирование имиджа, внутренний имидж.

Key words: image, mass media, positive image, image formation, internal image.

УДК 81

В настоящее время, в век активно развивающихся дипломатических отношений между различными государствами, тема образа страны становится особенно актуальной. Так как мировое сообщество, так же как и граждане конкретного государства, находится под влиянием образов, конструируемых СМИ, важным является постепенное создание именно позитивного имиджа государства.

Отсюда следует, что всё больше стран стремится к созданию своего образа (имиджа), поскольку именно через такой образ государство может занимать доминирующую позицию на мировой арене и быть привлекательным местом для потенциальных туристов. Немаловажным является тот фактор, что есть зависимость между образом страны и экономикой: позитивный образ страны будет напрямую влиять на привлечение потенциальных инвесторов в эту страну, а следовательно, и на её экономику.

Большую роль в формировании образа (имиджа) страны играют средства массовой информации, поскольку они представляют собой своеобразный конструктор формирования имиджа страны. Вопрос о воздействии языка на общество, его способ мышления и его поведение непосредственно связан со СМИ. Предоставляя информацию обществу о состоянии мира и заполняя его досуг, средства массовой информации оказывают влияние на весь строй его мышления в частности и особенности мировосприятия в целом.

Массовая коммуникация несёт в себе распространение информации, что является своеобразным форматом общения и реализовывается при помощи широкого спектра технических средств массовой информации, и этот процесс представляет социальный характер, но устремлён не на отдельную личность, а на аудиторию в масштабном плане. Под СМИ будем понимать ряд речевых произведений (коммуникативных актов), адресантом которых выступает профессиональный журналист, адресатом – большая аудитория, предметом речи – социально актуальное событие.

Однако прежде всего следует разграничить понятия «образ» и «имидж». В некоторых случаях они являются синонимами, тогда как в других ситуациях могут различаться. Наша задача – определить, по каким параметрам можно разграничивать эти понятия, кроме того, с какими другими понятиями сочетается «имидж», как соотносятся понятия «имидж» и «медиа» [9].

Очевидно, что конкретных ответов на эти вопросы мы предоставить не можем, поскольку, помимо путаницы в понятиях, существенное влияние на имидж страны оказывают и реальные процессы конструирования имиджа, что создаёт барьеры для исследователей взять под полный контроль процесс создания имиджа страны.

В процесс создания имиджа страны вовлечено большое количество субъектов: министерства, ведомства, средства массмедиа, выдающиеся представители самых разнообразных сфер: культуры, науки, спорта и др. Таким образом, границы образа и имиджа страны довольно размыты.

Образ страны конструируется, прежде всего, стихийно, без применения каких-либо специальных усилий. Отсюда следует, что сам по себе образ довольно противоречив. Противоположным образом имидж страны является целенаправленным конструктором, однако за счёт того, что имидж конструируется на основании конкретных целей, в соответствии с определёнными программами, в реальности понимание имиджа может отличаться. Таким образом, во многих случаях всё-таки существует чёткое разграничение между имиджем и образом страны [9].

Однако «образ» и «имидж» в отдельных случаях используются как синонимы, когда речь идёт о формировании позитивного имиджа/образа страны как внутри государства, так и на международной арене.

Понятие имиджа используется не только по отношению к стране, государству, но и к разным субъектам: политикам, деятелям культуры и спорта, организациям, корпорациям, целостным территориальным образованиям. Перейдём к отличительным особенностям имиджа:

1. имидж акцентирует самобытность и уникальность объекта, в отличие, например, от стереотипа, последний обобщает явления, исключая индивидуальность;
2. имидж обладает определённостью, но, тем не менее, может адаптироваться к конкретной ситуации, ожиданиям аудитории;
3. имидж сочетает в себе ожидания аудитории и свойства, характерные самому объекту, культивируя в аудитории те характеристики, которые уже были там представлены.

Применяя имидж по отношению к территории, мы должны отметить, что такое использование возможно, только если данные области находятся под правительственный управлением. Рассмотрим понятие территориальный имидж.

Имидж территории – комплексное понятие. Структура этого понятия включает в себя следующие составляющие: географию, климат, историю, культуру, население и его выдающихся представителей, политический и общественный строй и др.

Кроме того, необходимо провести разграничительную черту между понятиями «государство» и «страна». Под «государством» подразумевается именно структура управления, тогда как «страна» охватывает именно культурно-историческое пространство и содержит в себе такие составляющие, как язык, обычаи и традиции, национальное сознание. Таким образом, в нашем исследовании мы будем использовать словосочетание имидж страны, а не государства, поскольку последнее означает политическое содержание, не культурное [9].

На формирование имиджа страны влияет не только внешняя оценка, но и внутренняя оценка собственными гражданами. Так, например, внешний и внутренний имидж страны могут не совпадать.

Итак, имидж страны является фиксированной, структурированной системой стереотипов по отношению к определённой стране. Прежде чем сформировать представления об имидже определённой страны, необходимо оценить её составляющие: экономические, политические, культурные, социальные, географические и т. д. Рассмотрим структуру имиджа страны более детально.

Имиджи можно классифицировать по принципу объективности/субъективности.

Объективные качества имиджа:

- непрерывность и эффективность;
- национальное культурное наследие;
- geopolитические характеристики в виде географических характеристик территории;
- исторические события, представленные в культуре;
- политическое устройство государства и структура управления.

Субъективные качества имиджа:

- общественное настроение;
- общественно-политические объединения и их принципы, характер;
- экономика;
- правовая сфера;
- регулирование различных сфер деятельности, их функции и механизмы;
- эффективность властной конструкции.

Так, российский учёный Д. Н. Замятин декларирует о том, что «самым главным показателем при формировании имиджа страны является именно географическая составляющая, определённое географическое пространство территории, например, Индия, её географическое положение, культурно-историческая обоснованность, достопримечательности и индийская философия» [7].

Кроме того, понятие «имидж страны» имеет разное значение как для внутренней аудитории, так и для внешней. Например, резиденты своей собственной страны будут рассматривать имидж страны как некий «внутренний имидж», тогда как для иностранных резидентов имидж данной страны будет восприниматься как «внешний имидж», или «международный» по отношению к другим странам.

Существуют определённые стратегии формирования международного имиджа. Для достижения положительного международного имиджа необходим прежде всего некий единый имидж, который бы транслировался посредством всех СМИ определённого государства.

Имидж, транслируемый посредством СМИ, должен быть целостным, тем не менее для различных групп общественности характеристики такого имиджа могут различаться.

Процесс конструирования имиджа страны можно сравнить с процессом создания корпоративного имиджа, где на кону стоят «лицо» компании, её стабильность, развитие, надёжность, конкурентность. Всё это коррелирует с различными государственными структурами и странами.

Государственные имиджи составляют, с одной стороны, механизм познания действительности, с другой стороны, имидж государства не только служит инструментом, но и является результатом процесса познания. Важность конструирования имиджа государства заключается в том, что он оперирует далее во всей системе отношений государств. Следует также отметить, что ино-

гда созданный имидж государства оказывается важнее для формирования отношений, чем объективные характеристики конкретного государства.

Нередки случаи, когда имидж одного государства может оказаться в различные эпохи чаще негативным, чем позитивным. С таким государством может ассоциироваться агрессия, военно-полицейский режим, культурная и образовательная отсталость, социальное неравенство, высокий уровень коррумпированности и многое другое. Впоследствии такое государство предстаёт как некая внешняя угроза, как посторонняя сила, подорвавшая нормальное развитие цивилизованных стран.

Для формирования положительного или нейтрального имиджа следует учитывать определённые настроения аудитории. Так, например, странам, имеющим негативный имидж и желающим сделать некий «ребрендинг» своего имиджа, следует выждать времени, для того чтобы можно было конструировать свой имидж «с чистого листа».

Как уже упоминалось ранее, процесс конструирования имиджа страны можно сравнить с созданием корпоративного имиджа. Ключевым является то, что при оценке такого имиджа, помимо базовых характеристик, следует также учитывать и стереотипы относительно компаний, её сферы деятельности.

Элементами оценки имиджа являются следующие:

- продолжительность существования имиджа;
- прозрачность и устойчивость имиджа;
- уровень позитивности/негативности;
- поиск проблемных моментов имиджа.

В последнее время СМИ всё больше освещают вопросы прав человека, свободы слова, государственных личностей, тенденции в экономическом развитии государств, энергетическое оружие, выборы, смену власти, вопросы, связанные с ксенофобией и расизмом.

Следующее, что необходимо отметить, это роль СМИ в процессе конструирования образа/имиджа страны. Безусловно, такая роль является главенствующей. В данном случае СМИ выполняют две основные функции: информативную и воздействующую.

Каждый конструируемый имидж, очевидно, должен быть содержательным, тем не менее структура характеристик должна быть в какой-то степени отличной для каждой группы общественности. Это является важным для имиджа страны. Потенциальных инвесторов интересует доходность, вероятные результаты вложения средств в страну, возможные риски; мировое сообщество интересует репутация страны, её влияние на мировой рынок и его развитие, прогресс технологий, стратегии ведения бизнеса в стране, социально-психологические настроения общественности; для стран-партнёров важны высокая конкурентность, устойчивость, стабильность. Инвесторы оценивают стабильность и перспективы развития страны, соответствие внутреннего и внешнего имиджа страны, соотносят индивидуальные ценности с общественными.

Средства массовой информации должны давать реальную информацию, т. е. достоверную и максимально объективную. Массмедиийный образ не всегда поддаётся программированию, однако важно отметить, что при конструировании имиджа/образа страны важно донести до своей аудитории правдивую, непредвзятую информацию [9].

Массмедиийный дискурс является сферой и средством формирования мировоззрения человека. Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления и особенности мировосприятия.

Массовая коммуникация представляет собой распространение информации, что является разновидностью общения и осуществляется при помощи разнообразных технических средств массовой информации, и этот процесс носит социальный характер, но направлен не на конкретную личность, а на массовую аудиторию. Однако конструированием имиджа как такового занимаются PR-специалисты (пиарщики), дипломаты, пресс-секретари.

Поскольку одна из функций СМИ информативная, то социально значимый факт будет основой такого информирования. Последнее будет оказывать влияние на общественность только в

том случае, если будет представлять важность для жизни этого общества. Таким образом, средства массовой информации бессознательно конструируют имиджи, оказывая большое влияние на перцепцию страны как глазами её жителей, так и глазами жителей других стран.

Однако возникает острый вопрос: конструируя образы, СМИ может бессознательно или намеренно искажать образ страны, тем самым нанося вред репутации этой страны.

Следует отметить важность СМИ и тем самым подчеркнуть необходимость выстраивания коммуникативной связи со средствами массовой информации. Например, для зарубежной аудитории крайне важным является конструирование постоянного информационного потока, поэтому необходим непрерывный поиск информационных поводов, позволяющих конструировать информационный поток на постоянной основе. Необходимо информировать зарубежные аудитории о преимуществах своей страны, поскольку граждане воспринимают блага родины как нечто «само собой разумеющееся» [2].

Итак, при создании коммуникативной связи с массмедиа необходимо предоставлять конкурентную информацию, достоверные сведения, поскольку журналисты – это требовательная аудитория, не принимающая «навязанных» выводов и учитывая мнения о СМИ и степень открытости источников информации.

Тем не менее средства массовой информации не единственная среда, где формируется имидж. На него оказывает влияние целый ряд факторов. Например, журналист не только фиксирует какие-то события, он влияет на освещение этого события через призму своих установок, чувств, эмоций. То есть различные события, процессы, которые происходят в реальности, преломляются через призму собственного «я» журналиста и отражаются в медиатексте по-другому.

Выводы. СМИ оказывает влияние на конструирование как образа, так и имиджа страны. Понятия «образ» и «имидж» имеют различия по основным признакам: разные составляющие процесса создания имиджа, роль оценки в восприятии, сознательность формирования. Существуют классификации территориальных имиджей и имиджей страны. Понятия «имидж страны» и «имидж государства» не синонимичные, поскольку передают различные особенности: географические, экономические, духовные, социально-культурные и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викентьев, И. Л. Приёмы рекламы и public relations. Ч. 1. / И. Л. Викентьев. – СПб.: Изд-во ТОО «ТРИЗ-ШАНС», 1995. – 268 с.
2. Гринберг, Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – URL: <http://mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 09.01.2022). – Текст: электронный.
3. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003. – 286 с.
4. Кольцова, Е. Враги объективности / Е. Кольцова // Отечественные записки. – 2003. – № 4. – URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_28.html (дата обращения: 09.01.2022). – Текст: электронный.
5. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 375 с.
6. Назаров, М. М. Массовая коммуникация в современном мире / М. М. Назаров. – М.: УРСС, 2000. – 239 с.
7. Наумова, С. А. Имиджелогия: учеб. пособие / С. А. Наумова. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004. – 116 с.
8. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2004. – 698 с.
9. Сидорская, И. В. Образ или имидж страны: что репрезентируют СМИ / И. В. Сидорская // Псковский государственный университет. – 2015. – № 2. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/123210> (дата обращения: 09.01.2022). – Текст: электронный.
10. Шишкина, М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления / М. А. Шишкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 308 с.

Николаева Е. Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ОСОБЕННОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬХОНСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Николаева Е. Н.

E. N. Nikolaeva

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬХОНСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF A LOCAL TERRITORY: FEATURES AND PROSPECTS (BY THE EXAMPLE OF OLKHON DISTRICT IRKUTSK REGION)

Николаева Елена Николаевна – заведующая Сахюртским сельским клубом МКУК «Шара-Тоготский Дом культуры», аспирант Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ); тел. 8(952)619-85-39. E-mail: elena-nikolaeva-2603@mail.ru.

Elena N. Nikolaeva – Head of the Sakhyurt Village Club of the Shara-Togotsky House of Culture, Postgraduate Student, East-Siberian State Institute of Culture (Russia, Ulan-Ude); tel. 8(952)619-85-39. E-mail: elena-nikolaeva-2603@mail.ru.

Аннотация. Социокультурная жизнь современного российского общества характеризуется целым рядом проблем, обусловленных как внутренними, так и общемировыми тенденциями и процессами. Одним из приоритетных направлений государственной культурной политики является социально-экономическое развитие села, что будет возможным лишь при сохранении молодёжи, проживающей в сельской местности. Здесь важной задачей становится создание условий для трудовой деятельности, получения доходов. В данной статье на примере реализуемого в Ольхонском районе Иркутской области проекта по созданию центра социокультурной активности населения показаны перспективы долгосрочного развития локальной территории. Новизна определяется тем, что культурные практики достаточно быстро реагируют на изменения в общественном развитии, поэтому насущной необходимостью становятся вовлечение молодёжи, разработка и внедрение инновационных, а также реновация традиционных форм занятости. При этом учитываются интересы и возможности разных групп населения, в первую очередь молодёжи. Основными методами стали аксиологический и историко-культурный, позволившие показать ценностную составляющую форм трудовой деятельности, а также перспективы развития сельской местности. В результате автор приходит к выводу, что через актуализацию особенностей места, традиций можно не только сохранить историческую память, но и дать возможность самореализоваться сельской молодёжи и тем самым решать острые социальные проблемы села.

Summary. The socio-cultural life of modern Russian society is characterized by a number of problems caused by both internal and global trends and processes. One of the priority directions of the state cultural policy is the socio-economic development of the village, which will be possible only if the youth living in rural areas are preserved. Here, an important task is to create conditions for labor activity, income generation. This article shows the prospects for the long-term development of the local territory on the example of a project to create a center for socio-cultural activity of the population, which was implemented in the Olkhonsky district of the Irkutsk region. The novelty lies in the fact that cultural practices quickly respond to changes in society, so it is important to involve young people in the development and implementation of innovative and traditional forms of employment. At the same time, interests and opportunities of different groups of the population, primarily young people, are taken into account. The main methods were axiological, historical and cultural, which made it possible to show the value component of the forms of labor activity, as well as the prospects for the development of rural areas. As a result, the author comes to the conclusion that through the actualization of the features of the place, traditions, one can not only preserve historical memory, but at the same time give rural youth the opportunity to fulfill themselves, thereby solving the acute social problems of the village.

Ключевые слова: село, сельская молодёжь, культурные практики, социокультурное проектирование, культурное наследие.

Key words: village, rural youth, cultural practices, socio-cultural design, cultural heritage.

УДК 316.723-053.6(571.53)

Современная социально-экономическая реальность сельской жизни характеризуется значительными и значимыми изменениями. Важным условием её качественного развития продолжает оставаться задача сохранения молодёжи на селе, чему будут способствовать, на наш взгляд, улучшение и разнообразие культурных форм занятости, а также активное вовлечение молодого населения разных возрастных групп в процесс их создания. В этом согласимся с мнением Ю. А. Сибирцевой и Т. А. Кильдешовой, отмечающих, что «культура выступает не только как ресурс социального развития и сферы образования, но и как ресурс по созданию новых рабочих мест, привлечению инвестиций, упрочению политических и экономических связей между регионами внутри страны, так и между отдельными государствами» [7, 124].

Круг социокультурных задач очень широк, большую часть из них возможно решить только с помощью государства. Однако, понимая всю многоаспектность и сложность проблем, сегодня сельское население стремится самостоятельно решать их и достигает значительных успехов в сфере организации разных форм деятельности, позволяющих преодолеть социально-экономические трудности. Разнящиеся в этом плане возможности сельских жителей и городских обуславливают специфику их организации, где важным становится формирование собственной событийности, связанной с традиционными устоями жизни на селе, общности интересов, объединение усилий в проведении досуга, сильных межпоколенных связей и др. Поэтому полагаем, что развитие локальных территорий становится одним из важных факторов, влияющих на качество жизни людей в первую очередь в небольших населённых пунктах.

Значимым направлением, способным обеспечить интеграцию ресурсов жителей и возможностей сельской местности, по мнению Е. А. Попковой, является социокультурное проектирование [5]. А. В. Бабаян, оценивая возможности социокультурного проектирования, отмечает, что их реализация во многих регионах «повысила качество организации социокультурной деятельности населения, разнообразила ассортимент социально-культурных услуг, сделала доступным участие коллективов и отдельных граждан в конкурсах социально-культурных проектов и тем самым дало возможность получения денежных средств для реализации творческих планов» [3].

Об активном развитии данного направления в последние десятилетия свидетельствует реализация достаточного количества различных проектов. Исследователи обращают внимание на то, что важной составляющей «становятся ресурсы местного сообщества, ресурсы людей, проживающих в сельских территориях, идентифицирующих себя с местом собственного проживания, стремящихся разрушить “концепцию потребления” собственной территории и её ресурсов на “концепцию совместного созидания” общего пространства жизни» [5]. Разделяя эту точку зрения, отметим, что значимым ресурсом становится культурное наследие, с одной стороны отражающее самобытность этноса, с другой – предоставляющее безграничные возможности его использования в культурной жизни села. Актуализация культурного наследия, включающего всё многообразие «предметов, явлений, социокультурных практик, созданных человеком в процессе его жизнедеятельности и имеющих для общества значение» [2, 368], в современной социокультурной ситуации определяется его осмыслиением в качестве ресурса развития, направленного на формирование идентичности, поддержки мира, стабильности и сохранение культурного многообразия. Следует отметить, что культурное наследие выступает специфическим фильтром, через который усваиваются глобальные изменения.

Основной целью проекта «Чудеса земли Ольхонской» (2020 г.) стало создание творческого кластера и центра социокультурной активности жителей сёл Шара-Тоготского, Бугульдейского, Куретского и Еланцынского муниципальных образований Ольхонского района Иркутской области. В целом проект направлен на долгосрочное и устойчивое развитие этих территорий через организацию занятости населения.

Ольхонский район входит в Центральную экологическую зону Байкальской природной территории. Именно этим обусловлен особый режим, определяющий хозяйственно-экономическую деятельность, сопряжённую с многочисленными запретами, направленными на охрану

уникального озера и его акватории. В силу этих запретов местные жители лишились возможности получения дохода от привычных традиционных видов деятельности, в частности рыбаловства. Поэтому сегодня одной из острых социальных проблем стала занятость населения, главным образом молодёжи. Выходом из данной ситуации может быть развитие туризма, являющегося сегодня главным источником дохода в районе.

Активное развитие туризма напрямую связано с культурным ландшафтом, привлекающим российских и иностранных туристов в наш регион. Культурный ландшафт «выступает не только как природный комплекс, подвергшийся в той или иной мере антропогенному воздействию, или пространство, которое освоил народ во время своего проживания. Корень культурного ландшафта следует искать в коллективном сознании и ментальности этноса. Он аккумулирует общественный опыт, деятельность людей и устрой жизни» [1, 63]. Именно поэтому не только уникальность и разнообразие потрясающих видов природы Байкала становятся факторами увеличения потока приезжающих, но и специфика местной культуры, традиций, обычаяев, необыкновенная энергетика и колоритность достопримечательностей.

Туристов много, но основной поток направлен на популярный маршрут – остров Ольхон, поэтому жители деревень материевой части практически не задействованы в деятельности по оказанию туристических услуг, хотя у них имеется много возможностей для создания конкурентоспособного туристического продукта. В каждом селе найдутся свои традиции и обычаи, а большинство селян заинтересованы в сохранении историко-культурной памяти и передаче будущему поколению знаний о своей культуре, умениях и навыках предков. Именно поэтому весьма актуальной становится деятельность по реновации и ревитализации культурного наследия, ремёсел и образа жизни предков.

В реализации проекта в первую очередь был определён круг насущных основополагающих проблем, которые мы можем обозначить следующим образом. Во-первых, необходимо было сформировать партнёрскую сеть из инициативных групп жителей и учреждений Еланцынского, Бугульдейского, Куретского и Шара-Тоготского муниципальных образований Ольхонского района, которые были бы в состоянии развивать социокультурные инициативы и проекты на местах. Во-вторых, требовалось оказать помощь в получении знаний и компетенций, необходимых в освоении новых для жителей района видов деятельности туристической направленности, которые смогут обеспечить людям возможность самозанятости и, как следствие, принесут им реальный доход. В-третьих, нужно было разработать и запустить туристические маршруты с партнёрами проекта.

Следует отметить, что население оклобайкальских территорий имеет давний опыт оказания туристических услуг: питание, перевозка, проживание, продажа сувенирной продукции, услуги развлекательного характера, такие как катание на лодках, катерах, сдача в аренду велосипедов и катамаранов. Задачей социокультурного проектирования стало привлечение (вовлечение) жителей тех районов, куда основной поток туристов не доезжал. Значимость проекта для взрослого населения и молодёжи заключается в возможности монетизации навыков (изготовление и продажа сувенирной продукции, показ мастер-классов, сдача жилья туристам, повышение туристической привлекательности села, работа в качестве экскурсоводов), для пожилых людей – социальная востребованность (передача знаний, навыков и умений молодёжи). В целом, для территории этот проект направлен не только на улучшение качества жизни, возможность заработать, но и на решение важных социокультурных задач: разнообразить досуг, создать точки притяжения и места, которым гордится всё село, оформить поселковое пространство, привить знания и навыки экологической культуры детям и молодёжи.

В ходе запланированных мероприятий по созданию партнёрской сети осуществлялись выезды организаторов проекта в населённые пункты для индивидуальных встреч в целях оказания помощи в освоении новых видов деятельности и консультаций участникам проекта, для обсуждения возникших проблем и способов их решения. В результате в Ольхонском районе появился творческий кластер, в котором все вошедшие в него участники, опираясь на локальные ресурсы, функционируют в рамках единой стратегии развития района.

Нами были проведены индивидуальные консультации, обучающие семинары «Сельский туризм в Ольхонском районе», «Интерпретация культурного наследия локальной территории», «Успешные примеры вовлечение местного сообщества в сельский туризм», а также встречи с представителями районной администрации и бизнеса, отделов культуры, образования, социальной сферы, сотрудниками музеев на тему содействия административного ресурса в развитии общественных инициатив. Тем самым идёт работа над созданием нового продукта культурного туризма – туристических маршрутов, способных привлекать различные категории туристов.

Через актуализацию особенностей локальной территории организаторы стремятся сохранить историческую память и при этом дать возможность самореализоваться сельскому населению, прежде всего молодёжи, в обыденной среде, тем самым решить социальные проблемы средствами культуры. В каждом поселении есть своя специфика, отличающая быт и традиции деревень друг от друга, что даёт им возможность быть «брендом», привлекательным для туристов по отдельности, а не только в восприятии общей картины острова Ольхон, находящегося на территории района с большим туристическим потенциалом. Например, это касается возрождения старинной бурятской игры «Шагай Наадан» в бараньи косточки (в Ольхонской версии – камешки), игры, которая стремительно набирает популярность, и в данный момент имеется необходимость наладить производство игровых наборов.

Особое внимание уделяется направлению по разработке и созданию новых сувенирных продуктов, в которых бы не только отображалась специфика традиционных промыслов каждого поселения Ольхонского района, но и была возможность их изготовления жителями из местных материалов. Так, многие сувениры могут быть полезны и в быту, например, бурятская пуговица, пряжки, кошельки – кожаные у кочевых, деревянные у оседлых бурят. Согласимся с мнением О. О. Коробовой, что «традиционная народная культура, решая задачу сохранения, создания и развития духовных, нравственных и культурных ценностей, влияет на экономику» [4, 3]. Формирование такого творческого кластера по созданию нового туристического продукта способно повлиять на развитие Ольхонского района и повысить качество жизни населения путём самозанятости.

Проект востребован, важен и актуален не только с социально-экономической точки зрения, он мотивирует к изучению истории и культуры родного края, приобретению знаний и навыков ремёсел предков, сохранению традиций локальных территорий. Обращение к многовековой специфике рыболовства русских, бурят, эвенков натолкнуло на мысль о создании музыкальной экспозиции в селе Сахюрта Шара-Тоготского муниципального образования. Идея организации музея была поддержана фондом Елены и Геннадия Тимченко, проект стал победителем всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сёл» в 2017 г. Сегодня экспозиция включает более пятисот экспонатов, открылся филиал музея «Рыбацкое подворье», идёт работа над созданием дома рыбака.

Подводя промежуточный итог реализации социокультурного проекта «Чудеса земли Ольхонской», мы можем сделать вывод, что использование культурного наследия и социокультурное проектирование становятся эффективными инструментами, позволяющими локальным территориям активно развиваться. Мы продолжаем делиться опытом реализации нашего проекта, приглашать специалистов в области интерпретации культурного наследия, туристического бизнеса, музеиных работников для проведения обучающих семинаров с целью повышения уровня компетенции заинтересованных жителей. Сейчас остро стоит вопрос сохранения природного наследия Ольхонского района, а наш проект решает некоторые проблемы и этого направления, поскольку испокон традиционная культура бурят, эвенков, русских, живших на этой территории, отличалась экологичностью, гармоничным и бережным отношением к природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблаева, Э. С. Влияние культурного ландшафта на развитие туризма (на примере Республики Крым) / Э. С. Аблаева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 63-68.

Николаева Е. Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬХОНСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

2. Амгаланова, М. В. Социокультурные практики по сохранению и трансляции мемориального наследия / М. В. Амгаланова // Культурное пространство России и Монголии: опыт и перспективы сотрудничества в трансграничных регионах. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2019. – С. 368-375.
3. Бабаян, А. В. К вопросу о методологических подходах к социально-культурному проектированию / А. В. Бабаян // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologicheskikh-podhodah-k-sotsialno-kulturnomu-proektirovaniyu> (дата обращения: 22.01.2022). – Текст: электронный.
4. Коробова, О. О. Совершенствование экономических отношений в сфере производства продуктов традиционной народной культуры: автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.01 / Коробова Ольга Олеговна. – Тамбов, 2010. – 24 с.
5. Кузьмин, А. Влияние инициатив в сфере культуры на развитие местных сообществ: обзор зарубежных публикаций / А. Кузьмин, Е. Коновалова. – URL: http://cultmosaic.ru/content-load-Culture_and_local_communities_article_2018.pdf (дата обращения: 19.01.2022). – Текст: электронный.
6. Попкова, А. А. Социокультурное развитие сельских территорий: ресурсы и инструменты / А. А. Попкова // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 36-39.
7. Сибирцева, Ю. А. Культурные ресурсы территории: стратегии развития / Ю. А. Сибирцева, Т. А. Кильдяшова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 120-124.

Петрунина Ж. В., Шушарина Г. А., Чебанюк Т. А.
Z. V. Petrunina, G. A. Shusharina, T. A. Chebanuk

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ

TO THE PROBLEM OF THE NATIONAL RUSSIAN IDENTITY TRANSFORMATION IN NORTH-EAST CHINA

Петрунина Жанна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zhanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор-консультант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Tatyana A. Chebanyuk – Doctor of Culture Studies, Professor, Professor-Consultant, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. В работе на примере истории деревни Сяодинцы рассмотрены исторические основы формирования российской диаспоры в Китае, повлекшие за собой трансформацию русской национальной идентичности. Авторы отмечают, что перемещение подданных России и Китая через Амур во второй половине XIX в. было обусловлено преимущественно социально-экономическими и военными факторами, а в начале XX в. происходило и под влиянием революционных потрясений в каждой из стран. В результате на приграничных территориях Китая стали появляться населённые пункты компактного проживания русских. В статье подчёркивается, что сохранить собственную национальную идентичность не удалось, поскольку эмигрировавшие русские постепенно восприняли китайскую культуру и стали «китайскими русскими».

Summary. Using the example of the history of Xiaodingzi village, the authors examine historical foundations for the formation of the Russian diaspora in China, which led to the transformation of Russian national identity. The authors note that the movement of subjects of Russia and China across the Amur in the 2nd half of the 19th century was mainly due to socio-economic and military factors, and at the beginning of the 20th century the transformation occurred under the influence of revolutionary upheavals in each of the countries. As a result, settlements with compact Russian population began to appear in the border areas of China. The article emphasizes that it was not possible to preserve their own national identity, since the Russians who emigrated gradually adopted Chinese culture and became «Chinese Russians».

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восток Китая, Маньчжурия, идентичность, российско-китайское приграничье.

Key words: Russian Far East, Northeast China, Manchuria, identity, Russian-Chinese border area.

УДК 008.001

В начале XXI в. возрос интерес к идентичности как культурной проблеме и обнаружилась необходимость её изучения в контексте межкультурных отношений. В настоящее время в концептуализации идентичности, на наш взгляд, представлено несколько подходов, среди которых основным является конструктивистский. Несмотря на критику, в отмеченном направлении развития теории идентичности есть рациональное зерно, которое может осовременить взгляды на идентичность и придать новый импульс исследованиям указанной категории. Так, важными для настоящего исследования в концепции конструктивизма являются положения о конструировании идентичности, её сознательном оформлении. По мнению представителей конструктивистской теории идентичности, человек формирует чувство собственной идентичности в постоянном взаимодействии со средой, в том числе через межкультурные контакты, в результате чего можно фиксировать определённую трансформацию идентичности, трансформацию чувства самого себя. Рассуждая о влиянии межкультурного общения на трансформацию идентичности, канадский психолог Дж. Берри считает, что общение разных народов происходит на основе психологической аккультурации, позволяющей сохранить собственную культурную уникальность. При этом в результате аккультурации у контактирующих групп и индивидов появляются новые культурные черты, происходит взаимное культурное обогащение [10]. В модели межкультурного восприятия, предложенной американским социологом М. Беннетом, установлены определённые этапы формирования психологической аккультурации, или в терминах М. Беннета «межкультурной чуткости», через которые проходит человек при осознании культурных различий. Первый этап заключается в том, что человек не осознаёт само существование межкультурных различий. На следующем этапе происходит осознание того, что своя культура – это один из возможных взглядов на мир, человек понимает, что он может стать частью другой, ещё одной культуры, на этом этапе начинает формироваться межкультурная чуткость. На заключительном этапе происходит «формирование нового типа личности, сознательно отбирающей и интегрирующей элементы разных культур» [9]. Проиллюстрируем сказанное на примере российско-китайских контактов, которые складывались под влиянием разных факторов в течение почти четырёх веков и оказывали влияние на взаимодействие обоих государств на разных уровнях.

Активизация контактов между подданными России и Китая началась после заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров.

В середине XIX в. социальный и национальный состав жителей Приамурья был разнообразным: наряду с местными народностями (даурами, эвенками, гиляками) здесь проживали казаки, старообрядцы, украинские переселенцы, китайские торговцы, корейцы, а также беглые каторжники и авантюристы всех национальностей. После заключения отмеченных российско-китайских соглашений в регионе увеличилось число русских. Жителей Приамурья объединяло стремление выжить в сложных природно-климатических условиях. При этом совместная хозяйственная деятельность способствовала постепенному знакомству соседствующих народов друг с другом. Река Амур, с одной стороны, стала пограничным рубежом, разделившим земли России и Китая, а с другой – территорией, на которой народы, представлявшие разные культуры, объединились.

Перемещение подданных России и Китая через Амур во второй половине XIX в. было обусловлено преимущественно социально-экономическими обстоятельствами [7], военными фактами, а в начале XX в. происходило и под влиянием революционных потрясений в каждой из стран [6]. Увеличение числа русских на территории Китая стало заметным с конца XIX в., когда Россия приступила к строительству Китайско-Восточной железной дороги. На годы после Великой русской революции 1917 г. пришёлся пик эмиграции, что позволило специалистам говорить о диаспорах Харбина и Пекина. Постепенно на территориях Приамурья и Маньчжурии стали закрепляться народы, иммигрировавшие из России и Китая, которые, являясь носителями своей национальной культуры, усвоили элементы бытовой, обрядной и хозяйственной жизни местных жителей. В 1934 г. в Синьцзяне состоялся первый народный съезд, на котором присутствовали

руssкие, присоединившиеся к китайской национальности в качестве «натурализированных людей», переименованных в русских после основания Нового Китая в 1949 г.

Эмиграция из России в Китай имеет вековую историю. В настоящее время российскую «диаспору» в Китае условно принято делить на две группы. Первая группа (историческая) представлена китаянами – китайскими русскими, которые сформировались под влиянием смешения трёх этнических групп – российских эмигрантов (чистокровные русские), китайцев и потомков их смешанных браков [8]. Они воспринимают Китай как новую родину. Вторая группа (современная) – «яппи» (young professionals), качественно иная прослойка людей, включающая полезных Китаю мигрантов, значительную часть которой составляют молодые профессионалы в возрасте до 35 лет, владеющие китайским, английским и другими языками, и русскоязычные студенты китайских вузов, специализирующиеся в IT-сфере, авиации, строительстве, медицине [3, 32]. Указанные группы имеют возрастные различия, отличаются по численности и месту проживания. В условиях глобализирующегося мира представители второй группы рассматривают Китай в качестве места возможного получения дохода, стремятся найти работу и жить в крупных городах КНР (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу). Испытывая влияние разных культур, они не ставят перед собой задачу сохранения и трансляции русских традиций в Китае, в то время как представителям первой группы на протяжении века удается сохранить традиции, полученные ими в России.

В настоящее время русское население рассредоточено проживает в районах Или, Тачэн и Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района, в районе Ээргуна Автономного района Внутренняя Монголия и на севере провинции Хэйлунцзян. Общая численность русских в Китае на 2021 г. составила 16 136 человек, в том числе 7615 мужчин и 8521 женщин. Им удалось сохранить традиционную культуру, русские национальные обычаи, язык и письменность. При этом в повседневном общении эти русские говорят и пишут по-китайски [5].

Одним из центров российско-китайского взаимодействия была и остаётся территория реки Амур. В настоящее время крупным центром, в котором из 900 жителей почти половина русские, является деревня Сюдинцы, расположенная на севере провинции Хэйлунцзян, на левом берегу Амура напротив посёлка Поярково Амурской области, в 12,5 км к востоку от городской зоны уезда Сюнькэ. В XIX в. русские и китайцы в этом районе вели активную торговлю.

К началу XX в. в приграничных населённых пунктах обеих государств стали появляться смешанные семьи. Одной из причин, оказавших влияние на этот процесс, стали военные действия, развернувшиеся на Дальнем Востоке в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Массовая гибель мужчин на фронте приводила к тому, что во многих посёлках и деревнях российского региона в то время оставались только женщины и инвалиды. В деревне Сюдинцы, отдалённой от военных очагов, было больше мужчин. Некоторые русские девушки в надежде скрыться от военного хаоса и найти женское счастье переезжали в деревню Сюдинцы, где выходили замуж за китайцев – выходцев из северо-восточных провинций страны [2]. Частыми были и ситуации, когда родители продавали своих дочерей китайским купцам, торговавшим в Благовещенске, и китайцы с русскими жёнами возвращались из России в Сюдинцы продолжать там свой бизнес [1, 16-17].

Переехавшие из России в 1920 – 1930-х гг. получали китайское гражданство. Ситуация претерпела изменения, когда в связи с ухудшением отношений между СССР и КНР в 1960-х гг. многим бывшим советским подданным было отказано в получении китайского гражданства. С того времени большинство русских в деревне Сюдинцы не смогло стать китайскими гражданами, оставаясь чужаками в юридическом плане, и своими – в культурном.

Первое время жители отмечали русские и китайские праздники, готовили национальные блюда, поддерживали религиозные правила. Со сменой поколений традиции сохранились, однако масштабных мероприятий становилось меньше. Молодые жители деревни предпочитали праздновать русские праздники в кругу семьи. Сохраняя бытовые привычки, заложенные русскими родителями, они стали выезжать в крупные деревни, чтобы отметить китайские праздники. Это свидетельствует о постепенном формировании принадлежности к китайской культуре, которая в процессе реализации политики «реформ и открытости» интегрируется с другими национальными культурами и переживает процесс модернизации традиций [4, 50].

Таким образом, на рассматриваемых территориях невозможно фиксировать процессы культурной инкаркации, означающей функционирование локальных национальных сообществ внутри общества с целью сохранения и консервации культурных традиций. Происходит постепенное интегрирование русских в социокультурное пространство Китая.

В конце 2003 г. приграничная деревня (бывшая деревня Сюодинцзы) была переименована в пограничную деревню этнических русских и стала первой в Китае русской деревней [2], в которой в XXI в. под влиянием туризма стали восстанавливаться исторические начала.

К началу 2020-х гг. этнические русские почти выродились в Китае. После ста лет ассимиляции у «китайских русских» сформировались свои национальные особенности. Основываясь на русских традициях и обычаях (например, использование продуктов и рецептов, характерных для русской кухни, строительство домов, построенных в русском стиле), которые передались от старших поколений, они следуют национальной специфике Китая. Их внешний вид, обычаи и стиль поведения стали заметно отличаться от «русских русских», поскольку на протяжении полутора веков они принимали участие в жизни Китая и смогли стать неотъемлемой частью китайской нации. Таким образом, интенсивные межкультурные контакты русских и китайцев не только способствовали культурному сближению между народами через диалог, но и привели к пересмотру и отказу от некоторых традиционных ценностей собственной культуры, в конечном счёте – к трансформации собственной национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. КнАГА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 5. Анкета. Димитрюк Владен Калинович.
2. Китайская родина русских – деревня Сюодинцзы в уезде Сюньцзян // Жэньминь жибао он-лайн, 09.01.2013. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8084587.html> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
3. Макаревская, Н. Ю. Русская «диаспора» в Китае и её национальная идентичность как значимый фактор в развитии отношений между странами на современном этапе / Н. Ю. Макаревская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 31-36.
4. Мусалитина, Е. А. Влияние глобализации на трансформацию китайской национальной культуры / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VIII-2 (48). – С. 47-51.
5. Национальные меньшинства Китая: русские // Жэньминь жибао он-лайн, 10.04.2008. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
6. Петрунина, Ж. В. Экономическое измерение социокультурного наследия Русского Харбина начала XX в.: опыт, который следует изучать / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 27-31.
7. Петрунина, Ж. В. Желтугинский вопрос как отражение российско-китайского взаимодействия в конце XIX в. / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина, Р. А. Громов // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 296-306.
8. Тарасов, А. П. Русская национальная волость Энхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае / А. П. Тарасов // Синология.Ру. – URL: <https://www.synologia.ru/> (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
9. Bennett, J. M. Developing Intercultural Sensitivity. An integrative Approach to Global and Domestic Diversity / J. M. Bennett. Handbook of Intercultural Training. Sage Publications. 2004. P. 147-165.
10. Berry, J. W., Kalin, R. (1995). Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey / J. W. Berry, R. Kalin // Canadian Journal of Behavioural Science. 1995. № 27. P. 301-320. doi.org/10.1037/0008-400X.27.3.301.

Петрунина Ж. В., Чэнь Ци, Абабков Д. Р.
Z. V. Petrunina, Chen Qi, D. R. Ababkov

ЖИЗНЬ КИТАЙЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИАМУРЬЯ В 1860-Х ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

THE LIFE OF THE CHINESE ON THE TERRITORY OF THE AMUR REGION IN THE 1860s (BY THE MATERIALS OF THE REGIONAL PERIODICAL PRESS)

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Cultural Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Чэнь Ци – кандидат культурологии, пост-доктор, Институт гуманитарных наук, факультет мировой истории, Университет Цинхуа (КНР), преподаватель русского языка, Шандунский университет путей сообщения. E-mail: 475746110@qq.com.

Chen Qi – PhD in Culture Studies, Post Doctor, Institute for the Humanities, Faculty of World History, Tsinghua University (China), Teacher of Russian Language, Shandong Transport University. E-mail: 475746110@qq.com.

Абабков Данил Романович – студент четвёртого курса направления подготовки «Документоведение и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: ababkov01@mail.ru.

Danil R. Ababkov – Forth-year Student Major in Document and Archival Science, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: ababkov01@mail.ru.

Аннотация. В работе рассмотрены особенности жизни представителей Цинского Китая на территории Приамурья в 1860-х гг. Охарактеризованы обстоятельства появления и закрепления китайцев на территориях Приамурья в указанный период, отмечены особенности и направления их хозяйственной деятельности. В статье указано, что китайцы рассматривались русскими властями в качестве значимого и перспективного трудового ресурса. Вовлечение китайцев в хозяйственную жизнь российского Дальнего Востока представляло взаимную выгоду, что получило развитие в последней трети XIX в. Выявлено, что российско-китайскому экономическому взаимодействию способствовал межкультурный диалог. Источниковой основой работы выступила отечественная региональная периодическая печать, на страницах которой нашли отражение наиболее важные факты и интересные стороны жизни региона.

Summary. The paper considers the features of the life of the representatives of Qing China in the territory of the Amur region in the 1860s. Circumstances of the appearance and consolidation of the Chinese in the territories of the Amur region in the specified period are characterized, features and directions of their economic activity are noted. The article states that the Russian authorities considered the Chinese as a significant and promising labor resource. The involvement of the Chinese in the economic life of the Russian Far East was of mutual benefit, which was developed in the last third of the 19th century. It was revealed that intercultural dialogue contributed to the Russian-Chinese economic interaction. The source basis of the work was the domestic regional periodical press, where the most important facts and interesting aspects of the life of the region were reflected.

Ключевые слова: Приамурье, Российская империя, Цинская империя, российско-китайское взаимодействие, периодическая печать.

Key words: Amur Region, Russian Empire, Qing Empire, Russian-Chinese interaction, periodicals.

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного управления по делам иностранных экспертов Министерства науки и технологий КНР в рамках китайского национального проекта для иностранных специалистов первой категории «Идеологические исследования в русской культуре» № DL2021023003L.

УДК 327

В условиях современной международной турбулентности Россия и Китай стремятся поддерживать отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия на высоком уровне. Страны связывает длительный период взаимодействия. Большую роль в установлении межгосударственных связей играют неофициальные контакты между народами, активизация которых произошла ещё в середине XIX в.

Основа исследования процесса освоения Амура была заложена членами научных экспедиций, путешественниками, этнографами, географами. Изучение культуры и традиций народов, проживавших в приграничных районах России и Китая, соответствовало социальному-экономическим и военно-политическим задачам, которые решали обе империи на территории Маньчжурии. При этом среди широких слоёв российского общества ощущался недостаток знаний о Китае и его жителях. Это объяснялось в первую очередь незначительными контактами между странами до середины XIX столетия. Важным историческим источником, в котором нашли отражение наиболее важные факты и интересные стороны жизни местного населения, выступила региональная периодическая печать [8; 10-11]. Деятельность газет позволяла не только накапливать, но и популяризировать знания о приамурских территориях, удалённых от центральных частей Российской империи. Российские переселенцы проявили интерес к укладу приамурских народов: гольдов, бурятов, гиляков, тунгусов, – рассчитывая, в том числе и с их помощью, освоить присоединённые дальневосточные территории в короткие сроки.

Во второй половине XIX в. на территориях российского Дальнего Востока проживали и представители Поднебесной, многие из которых оказались на этих землях в условиях, когда граница не была определена международными соглашениями. В соответствии с Айгунским (1858 г.) и Пекинским (1860 г.) договорами, в состав России вошли земли, где уже проживало небольшое число китайских подданных, которым российские власти обязались «оказывать покровительство» [1; 5].

В рассматриваемый период сложилось несколько групп китайцев – выходцев из Цинской империи, постоянно и временно проживавших на территории Азиатской России. На левом берегу Амура проживала община «казейских маньчжур» (включившая дауров, маньчжуров и китайцев), численность которой и экономическая деятельность почти не контролировались российскими властями [3].

К 1860 г. в Уссурийском крае появилась другая китайская община – «уссурийские манзы» – китайцы, которые перебирались из Поднебесной в Приморье и Приамурье. Многие на родине испытывали нужду, голод или были безработными, при этом отличались авантюризмом и жаждой наживы. Некоторых китайские власти отправляли в удалённые земли Манчжурии за различные преступления. В 1863 г. на российских приграничных территориях насчитывалось около 2 тысяч «бродяг», прибывших из Китая [4, 81]. Более точные данные (1797 мужчин и 210 женщин [3]) появились у русских властей после проведения в конце 1860-х гг. первой переписи китайского населения, проживавшего в Уссурийском крае, присоединённом к России по условиям Айгунского трактата.

Сильные не имели права создавать семьи и обрекались на одинокую жизнь. Проживая в условиях сурового климата, вдоль рек и в густых лесах, они жили сообща «артелями или шайками» [4, 81], занимались рыбной ловлей, скотоводством, земледелием и постепенно смогли организовать свой быт. Китайцы отличались сдержанностью в еде, предпочитая грубую здоровую пищу (овощи, рыбу), изредка употребляли мясо и вино «своего изделия» [11, 25]. Хлебопашства у них почти не было, только в немногих местах обрабатывались небольшие огороды или маленькие поля, засеянные ячменём [4, 81]. Подобный уклад положительно сказывался на здоровье и влиял на

продолжительность жизни переселенцев: нередкими были случаи, когда китайцы доживали до 70 лет, что для XIX в. представляло большую редкость.

По свидетельству очевидцев, китайцев отличало трудолюбие и старательность. Основным занятием был сбор корня дикого женьшеня и лесных грибов. Для поддержания и развития этого промысла манзы вырубали целые дубовые рощи и ожидали, пока обрубки покроются грибными наростами, которые затем срезали, хорошо сушили и продавали китайским купцам [4, 81], которые занимались приграничной торговлей.

Влиятельные и отчаянные манзы занимались промывкой золота в верховьях реки Сунгари, впадающей в Амур. Эта деятельность приносила огромные доходы, при этом являясь очень опасной для подданных Поднебесной, поскольку добыча золота в Китае была запрещена [9, 303]. Поскольку Айгунский договор 1858 г. определял часть территории в общем владении России и Китая [13, 250-251], то находившиеся на таких землях золотодобытчики считали их российскими и отказывались платить налоги, налагаемые на них цинскими чиновниками. Против таких работников направлялись китайские войска, жителей принуждали покидать прииски, а сами поселения сжигались [4, 81].

При этом проживавшие на российских территориях Приамурья китайцы не озлобились под гнётом жизненных обстоятельств, они оставались весёлыми, отличаясь радушием и гостеприимством [11, 25].

В Приамурье встречались и представители полукочевого народа, именуемого гольдами (историческое название нанайцев), представлявшие коренное население ещё одного притока Амура – реки Уссури. Зимой гольды вместе с семьями проживали в юртах, а летом перемещались на лодках по рекам. Главными видами занятий гольдов были охота и рыболовство. Их основные жизненные потребности ограничивались добычей дикого зверя, ловлей и переработкой рыбы. В середине XIX в. русские именовали гольдов китайскими речными цыганами, поскольку они постоянно перемещались «вместе со своими нехитрыми пожитками в поисках зверя или рыбы» [11, 25]. Имея значительные запасы меха, особенно соболей и лисицы, гольды вынуждены были продавать его по низким ценам. Например, качественную шкурку чёрного соболя можно было купить за 2 или 3 рубля серебряной монетой [11, 25]. Причина такой ситуации крылась в отсутствии чёткой организации торгово-экономической деятельности в Приамурье в середине XIX столетия.

Дома местного населения представляли собой юрты, состоявшие из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной. Это понижало пожароопасность таких зданий. В случае переселения было принято не переносить свои юрты, а на другом месте строить новые [2, 65].

Большой проблемой для российских властей становилось недопущение эпидемий на присоединённых территориях. Представители Поднебесной сохраняли привычки жить в небольших жилищах, не соблюдали санитарные нормы и равнодушно относились к окружающей их обстановке [1, 117]. Даже спустя полвека проблему решить не удалось. Среди китайского населения был высокий процент заболевших тифом, чумой, холерой. К концу XIX в. в Приамурье уже действовали больницы и лечебницы, однако собрать статистические данные о больных или умерших было сложно. Чтобы не возбуждать подозрений, владельцы китайских лечебниц старались никому не сообщать о случаях смерти, а выбрасывали трупы прямо на улицы. В 1909 г. во время холеры во Владивостоке было подобрено 27 трупов людей, умерших от холеры, из общего количества 55 смертных случаев среди китайцев [1, 117-118].

Борьба с систематическим несоблюдением правил санитарии и гигиены осложнялась необходимостью бороться с открытием и деятельностью сильно распространявшихся в Приамурье китайских опиокурилен и продажей ханшина (китайской водки). Традиционно маньчжуры готовили ханшин из проса и, вероятно, для придания ему дурманящих свойств примешивали наркотические вещества. Значительная дешевизна ханшина относительно российской водки, с одной стороны, способствовала выгодной торговле и получению китайцами прибыли, а с другой – являлась причиной роста пьянства среди членов экипажей судов и рассматривалась как существенный фактор сдерживания развития судоходства на Амуре [6, 46]. Радикальным решением проблемы мог стать полный запрет на торговлю этим напитком или разрешение продавать российскую водку по

той же цене, как продаётся ханшин, в питейных домах с соответствующим надзором со стороны российских властей [2, 65].

Главной задачей для России оставалось укрепление её экономического влияния на Дальнем Востоке. В 1860-е гг. на протяжении всей пограничной линии, включая 50-вёрстную полосу вглубь территории Приамурского края, была разрешена беспошлинная торговля, что отрицательно повлияло на развитие экономики Приамурского края. Русская промышленность только начала развиваться и пока не могла выдержать конкуренции с более дешёвыми иностранными товарами [8, 14], наводнившими край.

Прибывавшие в начале 1860-х гг. на Дальний Восток русские не ставили целью изучать этнические различия коренного населения и в первое время не уделяли внимания взаимоотношениям между китайцами и представителями малых народностей Амура. Установливавшийся межкультурный диалог с местным населением способствовал постепенному экономическому освоению Россией присоединённых земель Приамурья. Проживавшие вдоль рек Амур и Уссури разные народы активно вовлекались в хозяйственную жизнь и рассматривались как трудовой ресурс, который «принесёт громадную пользу» [4, 81] российскому Дальнему Востоку. Подобные рассуждения имели под собой основания, поскольку население Приамурья было приспособлено к жизни в регионе, обладало знаниями об особенностях ведения хозяйства. Местные или вновь прибывшие китайцы либо оставались арендаторами на землях, переданных русским переселенцам, либо осваивали новые земли.

Во второй половине XIX в. одной из новых отраслей в регионе, получивших развитие, стала лесная. Природные богатства Приамурского края позволяли предположить, что лесное хозяйство сможет принести России большие прибыли. В 1863 г. генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант М. С. Корсаков утвердил свод правил о вырубке леса в Приморской области – области на Дальнем Востоке Российской Империи, включавшей Камчатку, Чукотку, Гижигинский и Охотский округа вдоль побережья, часть Амурского края от впадения реки Уссури до устья реки Амур и Уссурийский край. Правила давали возможность русским подданным и иностранным предпринимателям вывозить лес всех сортов за границу. Этот документ положил начало экспорту русского леса за границу. Для вырубки отводились специальные места. В Приамурье экспорт леса в Китай осуществлялся по морю из Императорской гавани (историческое название г. Советская Гавань, основана в 1853 г.) и Николаевска (основан в 1856 г.). В 1863 г. выручка России от продажи леса через указанные порты составила 346 р., в 1864 г. – 3892 р. 97 коп., в 1865 г. – 364 р. 77 коп., в 1871 г. – 345 р. 33 коп., в 1875 г. – 14 р. Таким образом, с 1863 по 1876 гг. доход русской казны от экспорта леса составил приблизительно 5000 р. [7, 9]. Ничтожный доход России от экспорта леса Приамурья был связан, во-первых, с отсутствием в регионе соответствующего оборудования для переработки и сушки сырья и, как следствие, низкой конкурентоспособностью российского леса на китайских рынках, где он не мог соперничать, к примеру, с американским лесом, поставляемым на экспорт; во-вторых, с нехваткой специалистов среди коренного населения Приамурья, хорошо разбирающихся в особенностях заготовки леса и умевших доставить его к местам торговли «по неимению сухопутных путей сообщения» [7, 10].

Укрепление экономики страны и проводимая государственная политика делали российский Дальний Восток привлекательным для иностранных инвесторов [8]. Существенный вклад в развитие предпринимательства на российском Дальнем Востоке внесли подданные Китая. В середине XIX в. одним из влиятельных купцов в Приамурье был Юхасин, под контролем которого находилась торговля китайцев с русскими по Амуру от Благовещенска до Николаевска [5, 82].

Расцвет китайского предпринимательства в Приамурье пришёлся на последнюю треть XIX в., чему способствовала привлекательная для представителей Поднебесной экономическая политика императора Александра III. Однако нельзя забывать и о той основе, которая была заложена народами Китая, проживавшими в Приамурье в 1860-х гг. В Приамурском крае стала широко известна деятельность китайских купцов Тун Шэнчэна, Хэнь Шэнлу, Да Фулу, Та Фахао [10, 143]. В 1901 г. был открыт торговый дом «Тифонтай и К°». К концу XIX в. многим жителям приграничных территорий стало понятно, что расширение коммуникации невозможно без изучения языка.

По инициативе китайских купцов и при их финансовом участии в крупных российских дальневосточных городах стали организовываться языковые курсы и устраиваться народные чтения [12, 7].

Таким образом, освоение Россией территорий Дальнего Востока в середине XIX в. проходило в тесном взаимодействии с представителями Поднебесной. Проживавшие на присоединённых к России территориях, они оставались подданными Цинской империи, однако хозяйственная деятельность китайских промысловиков и торговцев оказала положительное влияние на экономическое развитие российского Дальнего Востока, что проявилось в развитии городов, привлечении капитала в регион, увеличении и закреплении населения в этой части страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / В. В. Граве. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 489 с.
- Замечание на статью г. Нелединского «Несколько слов о плавании по Амуру» // Восточное Поморье. – 1865. – 14 августа. – № 11.
- История китайцев в XIX в. // ИркспедияRu. – URL: http://irkspedia.ru/content/kitaycy_v_sibiri_i_na_dalnem_vostoke_istoricheskaya_enциклопедия_sibiri_2009 (дата обращения: 15.07.2022). – Текст: электронный.
- Население южных гаваней // Восточное Поморье. – 1865. – 4 сентября. – № 14.
- Наши домашние интересы // Восточное Поморье. – 1866. – 15 сентября. – № 18.
- Несколько слов о плавании по Амуру // Восточное Поморье. – 1865. – № 8. – 24 июля.
- О лесах и лесопромышленности Приамурского края // Приамурские ведомости. – 1895. – 2 июля. – № 79.
- Петрунина, Ж. В. Деятельность иностранных предпринимателей в Приамурье на страницах региональной прессы 1860-х гг. / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 8-18.
- Петрунина, Ж. В. Желтугинский вопрос как отражение российско-китайского взаимодействия в конце XIX в. / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина, Р. А. Громов // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 296-306.
- Романова, Г. Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) / Г. Н. Романова // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 142-151.
- Хабаровка на Амуре // Амур. – 1860. – 12 января. – № 2.
- Хроника // Приамурские ведомости. – 1894. – 27 ноября. – № 48.
- Юзефович, Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. – 292 с.
- Шушарина, Г. А. Репрезентация ценностей в дискурсивном пространстве разового политического дискурса / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 20-26.

Плохотнюк М. А.
M. A. Plokhotnyuk

НЕОШАМАНИЗМ: ЕЩЁ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ

NEOSHAMANISM: BACK TO THE PROBLEM OF DEFINITION

Плохотнюк Маргарита Алексеевна – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(984)174-18-26. E-mail: reine.margoth@gmail.com.

Margarita A. Plokhotnyuk – Postgraduate Student, Cultural Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. +7(984)174-18-26. E-mail: reine.margoth@gmail.com.

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме дефиниции такого неоднозначного явления в современной культуре, как неошаманизм. Несмотря на значительный интерес антропологов, религиоведов, психологов и других исследователей к данному феномену, до сих пор не сложилось его единого определения, более того, в настоящее время вся совокупность дефиниций более походит на слабо согласованное смысловое полотно, что в значительной степени ослабляет возможности корректного исследования данного явления. В статье приведён анализ различных дефиниций неошаманизма, сделана попытка выявить его сущностные черты. Опираясь на наиболее конгруэнтные определения, автор представляет свою рабочую классификацию современного шаманизма и определяет в этой классификации то место, которое занимает неошаманизм, обособляя его от иных «шаманских» направлений (базовый шаманизм, кросстрадиционный шаманизм и т. д.).

Summary. The paper deals with the problem of definition for neoshamanism as a controversial modern culture phenomenon. Despite the significant interest taken by anthropologists, religious scholars and psychologists in neoshamanism, the common definition has not been formed yet. Furthermore, nowadays the whole complex of definitions looks like weak-coordinated semantic canvas and this fact is able to slow accurate studies for this phenomenon. The article demonstrates the analysis of different definitions for neoshamanism and reveals its essential points. Being based on the most congruent terms, the author offers a working classification for modern forms of shamanism and finds place for neoshamanism segregating it from other “shamanic” streams (as core shamanism, crosstraditional shamanism etc.).

Ключевые слова: шаманизм, кросстрадиционный шаманизм, базовый шаманизм, неошаманизм, нью-эйдж.

Key words: shamanism, crosstraditional shamanism, core shamanism, neoshamanism, New Age.

УДК 304.2

Тема шаманизма как в его традиционной, так и в современной формах давно и небезосновательно привлекает внимание исследователей по всему миру. Традиционные формы, связанные с этническими культурами народов Америки, Австралии, Азии, исследованы достаточно детально благодаря работам этнографов и антропологов. Однако современный шаманизм, будучи явлением неоднозначным и во многом диффузным, обладает большим количеством неизведенных и неструктурированных областей, хотя в научной литературе широко представлены публикации по этой теме. Исследования эти, строго говоря, во многом носят сугубо дескриптивный характер, неся, с одной стороны, много сведений о том, кто, где, как и зачем реализует шаманские практики, при этом не давая целостной картины – лишь разрозненное мозаичное полотно.

Одним из важнейших в любом исследовании является вопрос терминологии. В научной литературе с современным шаманизмом теснейшим образом связано понятие «неошаманизм», которому посвящено огромное количество публикаций учёных разных стран. При этом до сих пор не сформировано единого определения данного термина, и, как следствие, не выявлено точное место

неошаманизма в системе шаманских верований и практик. Некоторые авторы, берясь за столь не-простую тему, даже не утружают себя выведением рабочего определения, ссылаясь на то, что научное сообщество до конца не определилось с термином «неошаманизм». С другой стороны, терминологическая путаница и неясность приводят к тому, что рабочие определения, используемые исследователями, даже в рамках одной научной публикации могут быть взаимоисключающими.

В данной статье мы попробуем проанализировать различные дефиниции, относящиеся к неошаманизму, а также создать классификацию современных направлений шаманизма.

Большинство исследователей сходятся в том, что феномен неошаманизма возник под влиянием трудов антрополога М. Харнера и его концепции базового шаманизма (см. прим. 1) [2; 4; 7]. Эту мысль мы считаем вполне справедливой. Деятельность Харнера по популяризации шаманских практик, очищенных им от этнокультурного контекста, совпала по времени с ростом интереса к практикам нью-эйдж, объединяющим «западных искателей», противостоящих, дополняющих и идущих дальше иудео-христианской традиции. Последователи нью-эйдж делают акцент на универсальные мировые духовные традиции, эклектически заимствованные с Востока и Запада, и используют их в качестве духовной терапии. По мнению А. Знаменского, в качестве эквивалента термину нью-эйдж корректно также использование близкого понятия – системы «ум, тело и дух» [32].

Шаманские техники и практики, предлагаемые М. Харнером в известной работе «Путь шамана», отражают его авторскую интерпретацию ряда традиционных шаманских методов, дополненных сведениями, почерпнутыми из этнографических источников [24]. Впоследствии на основе этих техник американский антрополог разработал несколько сертификационных тренингов (онлайн- и офлайн-формата), посвящённых целительству, практикам сновидения, шаманским инициациям и т. п. За последние десятилетия эти программы снискали большую известность как среди психологов, так и среди приверженцев нью-эйдж. Сам М. Харнер говорит о том, что базовый шаманизм является чем-то вроде шаманского ренессанса в современном контексте и однозначно противопоставляет его и течению нью-эйдж, и неошаманизму, считая, что шаманизм – это не нью-эйдж (англ. «новая эпоха, век»), напротив, это каменный век, который до сих пор продолжает существовать [25]. С другой стороны, он отмечает, что любой, кто прочитал его книгу «Путь шамана» или прошёл сертификационную программу по базовому шаманизму, может называть себя шаманом.

Таким образом, базовый шаманизм Харнера хоть и позиционирует себя как тяготеющий к мировым духовным универсалиям, тем не менее включает в себя ряд достаточно узких и конкретно очерченных практик и форм деятельности, которые практикуются его последователями после прочтения книги или прохождения тренинговой программы. Однако многие современные исследователи ставят между неошаманизмом и базовым шаманизмом знак равенства – например, В. И. Харитонова в своих многочисленных работах употребляет эти термины в качестве синонимов [22; 23]. Аналогично и М. В. Монгуш, разрабатывая тему современного шаманизма в Туве, пишет о том, что «базовый шаманизм олицетворяет шаманские техники в “чистом виде”. Обучение этим техникам и их использование составляет основу современного шаманизма, который, в силу своей необусловленности жёсткими предписаниями, становится источником духовного развития и познания мира. При таком подходе различия между традиционным шаманизмом и базовым, т. е. неошаманизмом, становятся весьма отчётливыми и конкретными» [10, 11].

При этом упускается из вида тот очевидный факт, что и «традиционный шаманизм» (т. е. некие шаманские практики, которые длительное время существовали у тех или иных этносов и передавались непосредственно) тоже не остаётся неизменным в новых социокультурных условиях.

Я. С. Иващенко и Я. А. Елинская в своих работах также ставят знак равенства между базовым и неошаманизмом (либо не обращают внимания на различия между этими явлениями). Так, например, говоря о современном шамане из г. Комсомольска-на-Амуре, авторы называют его, скорее, приверженцем неошаманизма, аргументируя свою позицию тем, что он является носителем многих типичных характеристик современного шамана [7, 90]. Однако критерии, на которые ссылаются авторы, говорят о различии между «базовым» и традиционным шаманом, а не традиционным и неошаманом [8]. Здесь мы хотим отметить, что этот перечень критериев, по которым

Я. С. Иващенко и Я. А. Елинская идентифицируют своего информанта, разработан Р. Кальдерой – практикующим шаманом, автором многочисленных книг, но не учёным [28]. Мы выражаем осторожные сомнения в том, что подобная информация может быть объективной с научной точки зрения, но отмечаем, что она может содержать значительный опыт саморефлексии человека, глубоко погружённого в шаманские практики.

Приведём другой не вполне ясный момент в работе Я. С. Иващенко и Я. А. Елинской. В качестве одного из ключевых пунктов, определивших становление шамана Владимира (г. Комсомольск-на-Амуре), отмечается его «обучение, – сначала у шаманов на Алтае, затем самостоятельно, используя специальную литературу и современные формы коммуникации» [7, 86]. Далее авторы ссылаются на мысль М. Харнера, согласно которой базовый шаманизм доступен для всех, кто прошёл курс обучения. Исходя из обращения антрополога, размещенного на сайте «The Foundation for Shamanic Studies», можно сделать вывод, что он говорил о своём собственном курсе обучения, упомянутом ранее в этой работе, а не обучении вообще [30]. Нам становится очевидной терминологическая путаница и неправомерность построения авторами связи между базовым шаманизмом Харнера и теми практиками, которые осуществляют их информант.

Таким образом, у целого ряда исследователей происходит крайнее сближение (вплоть до синонимизации) понятий «неошаманизм» и «базовый шаманизм».

Обратимся теперь к тем определениям неошаманизма и его сущностным чертам, которые рассматриваются в современных исследованиях. Стоит отметить, что терминологический хаос более характерен для наших соотечественников, чем для зарубежных исследователей.

А. И. Дарханова определяет неошаманизм весьма конкретно – как приверженность «шаманским учениям» К. Кастанеды, М. Харнера, К. Медоуза и других представителей западной культуры, усвоивших шаманские техники благодаря обучению у индейских и австралийских шаманов и создавших на этой основе собственные системы обучения [3, 297]. В. И. Харитонова разделяет (нео)шаманизм, под которым понимает практики, транслируемые напрямую, через посвящение или обучение, но допускающие трансформации с учётом социокультурной ситуации, и неошаманизм. Во втором случае мыслится «осовремененный вариант традиционного шаманизма», транслируемый опосредованно [22, 239].

Я. С. Иващенко и Я. А. Елинская определяют неошаманизм как «адаптированный, цивилизованный и комфортный способ духовной реализации оккультно ориентированного человека» [7, 94], а также как «различные формы возрождения (или имитации) традиционных шаманских практик в условиях современной культуры» [5, 52]. По справедливому замечанию авторов, он «отличается от предыдущих форм отсутствием обязательной этнокультурной и территориальной обусловленности, а также значительной эклектичностью: образует микс различных религиозных традиций, в том числе культуры шаманистов Сибири и Дальнего Востока» [7, 91]. При этом в другой статье авторы отмечают, что «статус неошамана определяется наличием шаманской наследственности (это распространяется на шаманов большинства народов Сибири и Дальнего Востока, которые различаются на «традиционных» и «нетрадиционных»), называемой, например, утха (бурятск. букв. «шаманский корень»), выявляемой в том числе на основе присутствия «лишней кости» как признака причастности к шаманской «сеок чулазы» (с хакасского букв. «родовой душе»))» [6, 135]. Этот тезис противоречит предыдущей мысли авторов, ведь наличие так называемого «шаманского корня» (или «шаманской души»), как это подразумевается в шаманской традиции, строго говоря, не оставляет человеку особой свободы выбора в вопросе: становиться шаманом или нет? И уж тем более, раскрытие шаманского «дара» (или «проклятия») не может быть комфортным для современного человека, у которого вдруг обнаруживается связь с живой традицией.

Отдельного упоминания стоит расхождение авторов в пункте о том, является ли неошаманизм возрождением традиции или новым конструктом, т. к. многие исследователи делают этот вопрос основным в своих попытках вывести сколько-нибудь рабочее определение. В. Г. Сараев, П. Л. Попов и А. А. Черенев под неошаманизмом понимают «шаманизм возрождённый», в том числе характеризуемый институализацией, т. е. созданием определённых шаманских организаций [19, 138]. С. В. Поспелова, А. И. Поспелова и О. П. Федирко также называют неошаманизм «воз-

рождённым шаманизмом», рассматривая его как одно из проявлений New Age с отечественной спецификой: «берёт своё начало в самой древней форме религии и обходится почти без заимствований и трансформаций христианских и восточных религий» [16, 70]. П. Б. Берснев не даёт определения неошаманизму, но предлагает рассматривать его как часть «общего потока глобального шаманизма» [1, 20-21]. М. В. Монгуш называет неошаманизмом современный шаманизм, активно возрождающийся в наши дни [10, 10]. Таким образом, здесь мы видим попытки увязать неошаманизм с возрождением древних традиций.

Существует и прямо противоположная позиция. Н. П. Романова и А. А. Жукова полагают, что неошаманизм – это не «возрождённый шаманизм», а некая религиозная традиция, конструируемая заново [18, 119]. По мнению Л. А. Смоляковой, неошаманизм – это реконструкция шаманских практик, которая не имеет под собой базы в виде аутентичной традиции. Анализируя возрождение шаманизма на территории Бурятии, автор отмечает, что оно происходит на основе реликтов национальной духовной культуры, и полагает, что уместнее в данном случае употреблять термин «новый шаманизм», отражающий как историческую взаимосвязь между древними и современными практиками, так и принципиальные их различия [20, 66]. Л. Д. Колодезникова также отмечает, что в диффузии неошаманизма «определенную роль могут играть попытки современной национальной интеллигенции создать концепции “национальной религии”, в том числе на основе шаманизма» [9, 624].

Может сложиться впечатление, что различные авторы описывают совершенно разные явления, пытаясь втиснуть их в рамки одного термина. Но насколько этот термин уместен? Разумеется, традиционный шаманизм, некогда бытовавший в архаических сообществах, был весьма жёстко детерминирован традицией, однако многие этнографы делали акцент на том, что шаманизм может уживаться с другими формами религий, имплицируя элементы их культа и верований и органично с ними сочетаясь. Действительно, мало кому придёт мысль о том, что шаманизм коренных народов Сибири и Дальнего Востока перестал быть шаманизмом под влиянием православной веры.

Другой пример – это взаимовлияние шаманизма и буддизма в Бурятии и Туве. Так, М. В. Монгуш упоминает, что конфликты между буддистами и шаманистами в Туве имели место только в первое время после проникновения буддизма, затем же сосуществование этих верований происходило вполне спокойно: шаманы могли в случае необходимости совершать жертвоприношения в буддистском храме, ламы обращались к шаманам для изгнания вредоносных духов и т. п. [10, 5]. Автор также упоминает о существовании на территории Тувы, Бурятии, Монголии и Тибета «будда-шаманов» («бурхан-хам»), выполняющих одновременно функции буддийского ламы, и шамана. Таким образом, можно сделать вывод, что шаманизм является весьма гибким комплексом верований и практик, прекрасно адаптирующимся под изменение окружающего мира. С точки зрения шамана, духам всё равно, какая в мире geopolитическая обстановка, каковы современные медиатренды и сегодняшний курс валют – духи были, есть и будут.

Здесь мы сделаем небольшое отступление и приведём поистине «буддийский» пример. В тибетском буддизме Ваджраяны существует такое течение, как Тантра, изначально практиковавшаяся либо монахами, либо нгагпа (тантистами-домохозяевами, не связанными монашескими обетами). Тантра была весьма закрытым и, что немаловажно, тайным учением, передача знания внутри которого сопряжена с большим количеством обязательств и тантрических обетов, и, соответственно, её суть была практически недоступна западному человеку [21]. Однако после того как Тибет потерял независимость, стараниями западных тибетологов ваджраянские ламы сменили место проживания, оказавшись в странах Запада, а позднее и в России. Теперь тантрическое учение передаётся не только тибетцами, оно оказалось открытим и для западного человека. Объявления о тантрических передачах учения от ведущих лам можно встретить в сети Интернет [17]. Однако сущность этой религиозной практики не изменилась, она всё так же опирается на специфические обеты, фигуру учителя, Йидама, тантрический текст.

С другой стороны, вместе с развитием нью-эйдж снискало популярность такое течение, как неотантра. В 70-е гг. XX в. усилилось внимание к индуистскому и буддийскому тантризму, среди представителей западной культуры особо не дифференцируемым. При этом «классическая тради-

ция была воспринята не в её чистом виде, а как переработанный с учётом западных запросов “новодел”» [11]. Итогом такого взаимодействия стал особый культурно-социальный продукт, лишь отчасти отсылающий к первоисточнику-оригиналу. Для этой «новодельной» традиции характерно отсутствие веры и поклонения богам, традиционной для тантры передачи учения, мировоззренческий эклектизм, а также «подмена традиционного понятия мокши идеями “расширения” сознания, “самореализации”, освобождения от социальных условностей» [11].

Возникает вопрос: не будет ли более уместным использовать префикс «нео» более в связи с ново-эйдж-коннотациями, чем с возрождением и обновлением национальных духовных традиций? Здесь мы обратимся к определениям неошаманизма у зарубежных авторов.

Х. Скуро и Р. Родд понимают под неошаманизмом совокупность дискурсов и практик, включающую в себя интеграцию шаманизма коренных народов (особенно американских) и психотерапевтических практик, реализуемую людьми западного городского культурного контекста [29].

Дж. Таунсенд даёт блестящее, на наш взгляд, определение термину. Неошаманизм, по его мнению, это эклектическое собрание верований и действий, почертнутое из литературы, мастер-классов и материалов сети Интернет. Это искусственный конструкт, состоящий из теорий и практик и основанный на метафорической концепции «идеального шамана», которая существенно отличается от шамана традиционного [31, 4].

Д. Ноэл также называет неошаманизм результатом чтения художественной, полухудожественной и этнографической литературы о «племенной духовности» и определяет его как попытку людей воспроизвести прочитанное в реальной жизни, не без иронии называя подобную литературу источником вдохновения «шамантропологии» [27]. Д. де Риос, развивая эту мысль, полагает, что антропологи отчасти ответственны за колossalную мировую популярность неошаманизма, вызывающую растущий спрос на нерегулируемые и порой неэтичные практики шарлатанов в точках концентрации «шаманского туризма» по всему миру (например, связанные с употреблением психоактивных веществ) [26].

Таким образом, подход западных авторов к термину делает акцент на некоторой искусственности неошаманских практик, а также романтизированности и идеализации образа шамана. Подобная точка зрения кажется нам наиболее удачной, однако остаются открытыми вопросы: как быть с иными формами современного шаманизма? И каков в этой системе статус неошаманизма?

На наш взгляд, более чёткое и структурное видение вопроса имеют те отечественные исследователи, которые занимаются изучением вопроса в «традиционно шаманских» регионах России и имеют непосредственное отношение к культуре народов, эти регионы населяющие. В этом нет ничего удивительного, ведь, как нам кажется, восприятие современного шамана как носителя образа Другого, наполненного большим количеством проекций, может существовать тогда, когда исследователь не является носителем этнической культуры, плотно переплетённой с шаманскими верованиями – этим, собственно, и можно объяснить огромное количество взаимоисключающих определений неошаманизма. Проведём параллель с тезисом А. И. Дархановой, исследующей современный шаманизм в Бурятии: «В сельской местности люди хорошо знают друг друга, знают, у кого есть шаманский корень, кто какого рода, племени. Горожане же, в отличие от сельских жителей, не всегда знают тонкостей шаманских обрядов и традиций, следовательно, их проще обмануть» [3, 297]. Можно сказать, что исследователь, глубоко погружённый в традиции этноса, частью которых является шаманизм, способен увидеть картину шире и глубже.

Исходя из специфики деятельности, А. И. Дарханова разделяет практикующих бурятских шаманов на традиционных и нетрадиционных. К «традиционным» отнесены обладающие «признаками всей предшествующей шаманской традиции: шаманской наследственностью утха, использованием традиционных шаманских методов и методик, которым их обучили предшественники, проведением традиционных для данной группы шаманистов обрядов с обращением к божествам, духам той или иной местности» [3, 295]. Принцип родового наследования шаманских способностей крайне важен для бурят, однако у некоторых народов Сибири и Дальнего Востока это не является единственным критерием – духи могут призвать на службу человека, не имеющего шаманской родословной, однако такой шаман, вероятнее всего, будет слабее родового.

В свою очередь, внутри группы «традиционных шаманов» А. И. Дарханова выделяет две самостоятельные подгруппы:

1. «состоявшиеся в советскую эпоху шаманы “старого поколения”, у которых трансляция традиции шла путём естественной преемственности. Они обладают чертами, которые сближают их с классическими шаманами дореволюционного времени. Они общаются с духами, тэнгриями, входят в экстаз, могут путешествовать между мирами, обладают шаманским корнем утха, призывающим, имеют экстрасенсорные способности и т. д.» [3, 296];

2. появившиеся в 1990-е гг. «ортодоксальные шаманы», проживающие преимущественно в городах. Для них характерно создание шаманских организаций, занятие не только духовной, но и светской, политической, научной деятельностью.

Очевидно, что первые пытаются сохранить и транслировать то немногое, что ещё осталось и живо, а вторые по мере сил и понимания реконструируют уже утраченную и полузабытую традицию.

Отдельно автор выделяет категорию близких к традиции «шаманствующих личностей» – отдельных представителей старшего поколения, знающих традиции и камлающих по мере возможности с ориентацией на то, что ещё в детстве было воспринято от старейших представителей рода [3, 296].

Важным, на наш взгляд, является отмеченный А. И. Дархановой факт: неошаманизм не равен современному шаманизму, а синонимизация понятий «городской шаманизм» и «неошаманизм», производимая многими авторами [4, 5; 10, 12-13; 18], не оправдана. Как отмечает исследователь, «городские шаманы в Бурятии – это те же традиционные шаманы, просто живущие и действующие в других, более динамичных условиях» [3, 296]. И здесь мы вынуждены согласиться, более того, мы берём на себя смелость утверждать, что деление на «городских» и «сельских» шаманов в принципе не должно присутствовать в классификации шаманов по степени их аутентичности и отношениям с шаманской традицией. Сейчас, в эпоху господства городской цивилизации, проживание в сельской местности ещё не даёт личности, называющей себя шаманом, связи с традицией – ничто не мешает жителю села практиковать сугубо кастанедовские и харнеровские техники. Равно как и проживание в условиях городской среды не делает шамана, имеющего настоящую связь с традицией и обладающего всеми традиционными шаманскими чертами, неошаманом или не-шаманом.

В свою очередь мы бы хотели предложить свою классификацию современных шаманов с учётом авторской концепции кросс-традиционного шаманизма.

Сегодня нередко приходится сталкиваться с тем, что у ряда наших соотечественников, этнически не являющихся представителями народов, для которых характерен традиционный шаманизм, наблюдается глубокий практический интерес к шаманизму и шаманству. Зачастую этот интерес носит характер вынужденный: например, вышеупомянутые индивиды переживают многие черты так называемого «зыва духов», в частности шамансскую болезнь, подробно описанную многими этнографами и антропологами. Подобные современные шаманы поначалу зачастую не ассоциируют свой жизненный путь с шаманской традицией, однако со временем начинают выполнять тот функционал, который был характерен для шамана в традиционном обществе. Данное явление мы обозначили как «кросstrainedионный шаманизм» (см. прим. 3).

Итак, наша классификация современных шаманов выглядит следующим образом:

1. собственно шаманы:

- традиционные шаманы;
- кросstrainedионные шаманы;

2. «шаманствующие личности»:

- последователи базового шаманизма (как совокупности узко очерченных техник, разработанных М. Харнером);

- неошаманы (в соответствии с определением Дж. Таунстеда);

- прочие, не позиционирующие себя шаманами, но реализующие неошаманские и харнеровские техники (некоторые психологи, коучи, оккультисты, неоязычники и др.).

Примечательно, что «шаманствующие личности» являются, по сути, гораздо более многочисленной категорией, при этом отдельный её представитель в разные периоды жизни и практики может менять свой статус, например, из неошамана в «шаманствующего» психотерапевта или из оккультиста в «базового» шамана.

Разумеется, данная классификация является рабочей и носит приблизительный характер, а наши дальнейшие исследования будут нацелены на её совершенствование и доработку. Однако даже в этом приближении она способна установить некоторые новые опоры в проблемном поле исследований современного шаманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берснев, П. В. Исторические аспекты шаманизма / П. В. Берснев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (71). – С. 19-23.
2. Воронина, В. Ю. Распространение базового (экспериенциального) шаманизма в мире и в России / В. Ю. Воронина // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: сб. статей / отв. ред. В. И. Харитонова. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 63-73.
3. Дарханова, А. И. Классификация современных бурятских шаманов / А. И. Дарханова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 293-299.
4. Дружинин, А. И. Феномен городского шаманизма и его роль в культуре / А. И. Дружинин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 8 (83). – С. 4-7.
5. Елинская, Я. А. Культура неошаманизма в русском сегменте интернета: коммуникативный и функциональный аспекты / Я. А. Елинская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № IV-2 (36). – С. 52-57.
6. Елинская, Я. А. Организационные формы и иерархия шаманов Сибири и Дальнего Востока России в период с 1990-х по 2010-е гг.: к проблеме институционализации / Я. А. Елинская, Я. С. Иващенко // Наука и социум: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 1 марта 2019 г. В 2 ч. Ч. 2. – Новосибирск: Изд-во АНО ДПО СИПППИСР, 2019. – С. 132-139.
7. Иващенко, Я. С. Аксиология современного шаманизма в Хабаровском крае / Я. С. Иващенко, Я. А. Елинская // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23). – С. 85-95.
8. Кальдера, Р. Странники Вирда. Часть I. Шаманизм в странах Севера. Классический шаманизм и базовый шаманизм: основные различия // «Сотканный мир», сайт. – URL: <https://weaveworld.ru/stranniki-virdachast-i-shamanizm-v-stranah-severa-vvedenie-tradicziya-severnogo-shamanizma/> (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.
9. Колодезникова, Л. Д. Возрождение шаманизма на стыке веков / Л. Д. Колодезникова // Политеатральный сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 73. – С. 613-627.
10. Монгуш, М. В. Эволюция шаманской традиции в Республике Тыва / М. В. Монгуш // Культурологический журнал. – 2014. – № 1 (15). – С. 1-17.
11. Пахомов, С. В. Неотантризм в современной России // Образовательная программа «Индийская культура». – URL: <http://www.indcultur.narod.ru/index.html> (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.
12. Плохотнюк, М. А. Вклад Мирчи Элиаде в исследования шаманизма / М. А. Плохотнюк // Проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства: профессиональные стандарты и трудоустройство молодого специалиста: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 26 апреля 2019 г., г. Хабаровск / науч. ред. Е. В. Савелова; сост. Е. Н. Лунегова. – Хабаровск: ХГИК, 2019. – С. 302-307.
13. Плохотнюк, М. А. Шаманские практики в современном нью-эйдж дискурсе / М. А. Плохотнюк // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихookeанского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 ноября 2019 г., г. Хабаровск / науч. ред. Е. В. Савелова. – Хабаровск: ХГИК, 2019. – С. 175-183.
14. Плохотнюк, М. А. Феномен кросстрадиционного шаманизма в Хабаровском крае и его обрядовость / М. А. Плохотнюк // Социально-культурная среда регионов глазами молодёжи: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. молодых учёных. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2020. – С. 52-57.
15. Плохотнюк, М. А. Императивный характер «шаманской болезни» и её связь с процессом индивидуации в аналитической психологии / М. А. Плохотнюк // Научно-практическая реализация творческого по-

- тенциала молодёжи: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. – Хабаровск: Хабаровский государственный институт культуры, 2021. – С. 175-183.
16. Поспелова, С. В. Неошаманизм как закономерность в дискурсе современной духовной жизни / С. В. Поспелова, А. И. Поспелова, О. П. Федирко // Технологос. – 2020. – № 1. – С. 67-77.
17. Посвящение Шри Чакрасамвары на Алханае в августе // Социальная сеть «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/event123037010> (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.
18. Романова, Н. П. Религиозные образы в процессах возрождения этнических культур Забайкальского края / Н. П. Романова, А. А. Жукова // Вестник Читинского государственного университета. – 2012. – № 2 (81). – С. 119-124.
19. Сараев, В. Г. Религиозные организации Сибирского федерального округа: территориальное распределение / В. Г. Сараев, П. Л. Попов, А. А. Черенев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2017. – Т. 19. – С. 131-141.
20. Смолякова, Л. А. Современные реалии бурятского шаманизма / Л. А. Смолякова // Colloquium heptaploides. – 2016. – № 3. – С. 62-69.
21. Тинлей, Геше Джампа. Сутра и тантра / Геше Джампа Тинлей. – М.: Цонкапа, 2003. – 224 с.
22. Харитонова, В. И. «Возрождённый шаманизм» в России: контексты функционирования // Этническое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: сб. статей / отв. ред. В. И. Харитонова. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 238-259.
23. Харитонова, В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий / В. И. Харитонова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2006. – 372 с.
24. Харнер, М. Путь шамана / М. Харнер; пер. с англ. В. Толмачева. – М.: Сфинкс, 1999. – 128 с.
25. Core shamanism official definition. Core Shamanism – Shamanic Healing – Shamanic Initiations // The foundation for shamanic studies. – URL: <https://www.shamanism.org/workshops/coreshamanism.html> (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.
26. Dobkin de Rios, M. Mea culpa: drug tourism and the anthropologist's responsibility / M. Dobkin de Rios // Anthropology News. – 2006. – 47, no. 7. – P. 20.
27. Noel, D. The Soul of Shamanism: Western Fantasies, Imaginal Realities / D. Noel. – New York: Continuum, 1997. – 252 p.
28. Raven Caldera: author, shaman, activist // Raven Caldera: author, shaman, activist. – URL: <https://ravenkaldera.org/> (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.
29. Scuro, J., Rodd, R. Neo-shamanism // In: Gooren H. (eds) Encyclopedia of Latin American Religions. Religions of the World. Springer, Cham. – URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-319-27078-4_49 (дата обращения: 11.11.2021). – Текст: электронный.
30. Shamanism Workshops and Training Programs. Core Shamanism – Shamanic Healing – Shamanic Initiations // The foundation for shamanic studies. – URL: <https://www.shamanism.org/workshops/index.php> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст: электронный.
31. Townsend, J. Individualist Religious Movements: Core and Neo-Shamanism / J. Townsend // Anthropology of Consciousness. – 2004. – № 15. – P. 1-9.
32. Znamenski, A. A. The Beauty of the Primitive / A. A. Znamenski. – New York: Oxford University Press, Inc, 2007. – 434 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О специфике базового шаманизма см. статьи автора [12; 13].
2. Подробнее об этом см. [15].
3. См. статью автора [14].

Саблин Д. А.
УТИЛИТАРНЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ
ПРЕДМЕТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРЫ

Саблин Д. А.
D. A. Sablin

УТИЛИТАРНЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДМЕТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРЫ

UTILITARIAN AND SYMBOLIC MEANINGS OF WEAPONS IN THE CONTEXT OF CULTURE OBJECT MODALITY

Саблин Дмитрий Алексеевич – соискатель кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(924)229-17-99. E-mail: dissertation000@mail.ru.

Dmitriy A. Sablin – Postgraduate Student, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(924)229-17-99. E-mail: dissertation000@mail.ru.

Аннотация. Статья представляет собой исследование функций и семантики оружия как морфологического элемента системы культуры. Морфологические аспекты культуры исследованы с методологической опорой на системно-деятельностную концепцию культуры, в рамках которой оружие рассмотрено в предметной модальности культуры. В структуре предметной модальности выделены утилитарные и символические смыслы оружия. Утилитарная морфология оружия диверсифицируется в зависимости от различных социо-культурных контекстов его прямого применения: военного, криминального, уголовно-правового, криминологического и административно-правового. Символическая функциональность подразделяется на группы: социально-символическую, сакральную и эстетическую. Социально-символические смыслы связаны со способностью оружия быть маркером социальных групп и страт. Сакральные смыслы оружия раскрываются в ритуально-магическом и религиозно-мифологическом контекстах культуры. Эстетические смыслы оружия заключаются в декоративно-прикладных модусах оружейного мастерства, делающих оружие объектом эстетического любования.

Summary. The article is a research of weapon functions as a morphological element of culture system. Morphological aspects of culture are investigated with methodological support on the system-activity concept of culture, within which weapon is considered in the culture object modality. The utilitarian and symbolic meanings of weapons are highlighted in the structure of the object modality. The utilitarian morphology of weapons is diversified depending on various socio-cultural contexts of its direct use: military, criminal, criminal law, criminological and administrative law. Symbolic semantics is divided into following groups: socio-symbolic, sacred and aesthetic. Socio-symbolic meanings are associated with the ability of weapons to be a marker of social groups and strata. The sacred meanings of weapons are revealed in the ritual-magical and religious-mythological contexts of culture. Aesthetic meanings of weapons consist in decorative and applied modes of weaponcraft, which make weapons an object of aesthetic admiration.

Ключевые слова: оружие, морфология культуры, семиотика культуры, символические функции, материальная культура.

Key words: weapon, culture morphology, semiotics of culture, symbolic functions, material culture.

УДК 623:008

Культуру можно трактовать как целенаправленную сознательную деятельность человека и результаты этой деятельности. Как отмечал философ культуры М. С. Каган, «культурный статус процесса деятельности определяется ... тем, что она является ... сознательным, целенаправленным, свободно избираемым по целям и по средствам способом опредмечивания человеческих замыслов» [3, 121]. Культура не ограничивается реализацией положительных идеалов: в их скрытой основе часто находятся системы неравного распределения общественных благ. Оружие служит одним из ключевых инструментов такого распределения. В статье мы постараемся проанализировать боевое оружие с точки зрения его функциональности в структуре культуры.

По мнению Кагана, морфологию культуры можно исследовать в трёх модальностях: 1) человеческой модальности, в которой культура выступает как «совокупность ненаследуемых качеств человека» [3, 33]; 2) жизнедеятельностной модальности, в которой культура предстаёт как технология деятельности человека; 3) предметной модальности, в которой культура является «инобытием человека, охватывающим всё многообразие его творений ... образующих вторую природу» [3, 33]. А. С. Кармин [4] и А. П. Садохин [7] дополняют деятельностный подход информационно-семиотическими процедурами анализа и исследуют морфологию культуры в трёх аспектах: «артефактах, смыслах и знаках» [4, 21].

В данной статье мы рассмотрим оружие в предметном измерении культуры. Оружие является компонентом различных культурных подсистем: материальной культуры (М. С. Каган), технической культуры (А. С. Кармин), военной или охотничьей культур и т. д. Оно представляет собой артефакт, возникший на ранних этапах материальной деятельности человеческого вида. Способность к изготовлению орудий рассматривается учёными как антропологическая константа, определяющая специфику человеческого вида. Артефакт соединяет в себе «природно-материальные» и благоприобретённые культурные признаки. Как семиотический феномен он выражает утилитарные и символические смыслы.

Утилитарное значение артефакта заключается в удовлетворении нужд практической жизнедеятельности человека, а именно в поражении или нанесении ущерба человеку, животному или материальным объектам. Несмотря на то что в качестве оружия может быть использован практически любой материальный объект (камень, ветка, гаечный ключ, карандаш, книга и т. д.), сущность оружия определяется функцией поражения и уничтожения цели. Авторы исследовательской литературы по оружию классифицируют всё многообразие видов оружия различными способами. Б. Трубников предлагает классификацию оружия по критерию степени сложности: «оружие простое (односоставное) и сложное (многосоставное)» [7, 14]. В. А. Федоренко предлагает классифицировать оружие по типу поражающего эффекта, подразделяя его на оружие «ударного действия, ударно-волнового действия, электромагнитного действия, электрошокового действия» [8, 27] и т. д.

Более детальные дефиниции и видовые классификации оружие приобретает в различных социокультурных контекстах, где оно функционирует как средство поражения и нанесения вреда: военном, криминальном, уголовно-правовом, криминологическом, криминалистическом, административно-правовом и др. В военном контексте, например, под оружием понимают «устройства и средства, применяемые в вооружённой борьбе для поражения и уничтожения противника» [1, 22]. Регламенты военного контекста определяют функциональную классификацию оружия для различных видов войск, органов и силовых структур. Такая классификация не идентична оружейной типологии в криминалистическом или уголовно-правовом контекстах, в которых к оружию могут быть отнесены нестандартные или приспособленные для целей поражения объекты. Задача классификации преступлений диктует детерминацию способов изготовления оружия: «заводской, кустарный или самодельный (несанкционированный)» [6, 20].

Символические смыслы фиксируют иной семантический регистр культурного артефакта. Они обогащают предметную функциональность коннотативными содержаниями, которые порой играют более существенную роль в коммуникации. Посредством символизации оружие оказывается включённым в сложные знаково-символические взаимосвязи внутри культуры. В сфере коннотативных значений оружия можно выделить три основных семантических поля: 1) оружие как предмет социально-символической коммуникации; 2) оружие как сакральный объект; 3) оружие как эстетический объект или предмет искусства.

Социально-символические функции оружия исходят из его способности быть маркером социальных диспозиций. Общественная интеракция происходит через актуализацию значимых символов, диктующих клишированные реакции и поведенческие паттерны. Те или иные виды оружия играют роль символов определённых социальных групп. Наличие оружия в ситуации социального взаимодействия актуализирует определённые поведенческие механизмы, обусловленные как биологическим инстинктом выживания, агрессии, так и социально-статусными и профессиональными отношениями в обществе.

С позиций социологической теории Пьера Бурдье, оружие представляет собой объективированную форму («objectified state» [2, 60]) социального капитала, которым обладают определённые группы в обществах со сложной социальной дифференциацией. С одной стороны, оружие связано с инкорпорированными состояниями капитала, трактуемыми Бурдье как «мастерство владения ... объективированным капиталом» [2, 65]. Мастерство приобретается в силу наличия унаследованных качеств и благоприобретённых умений владения оружием. С другой стороны, более важной в нашем случае, оружие напрямую связано с институциональными формами капитала, т. е. официально признанным правом «говорить и реализовывать властные отношения» [2, 68]. В сложно структурированных обществах танатологическая семантика оружия делает его одним из значимых символов привилегированных социальных страт (военного сословия, аристократии, правоохранительных органов), обладающих полномочиями действовать от лица властных институтов.

Сакральные смыслы оружия актуализируются в ритуально-магическом, погребальном и религиозно-политическом контекстах. В данных культурных регистрах оружие выступает символом мифологем и мифологических героев. Как отмечает исследователь И. Ю. Тимофеева, «базовым свойством мифологического мышления является принцип мистической сопричастности – партиципации ... и отождествления себя и мира» [8, 52]. Мифологическая партиципация включает орудия в структуру оппозиции человек-мир, наделяя их магико-символическими качествами. Функция сакрального оружия остаётся той же – уничтожение врагов, но уже на магическом или космологическом уровне. Ю. С. Рейнов выделил четыре индикатора сакрального характера оружия:

1. редкий и дорогой материал изготовления («золото, железо, слоновая кость, стекло, полу-драгоценные камни»), повышающий материальную ценность орудия, но не его боевые качества;
2. обилие декора и симвлических изображений («наличие орнамента, рисунков»);
3. нестандартный размер («предметы значительно больше, либо меньше боевых аналогов»);
4. особое место хранения («в храмах и гробницах») [5, 28].

Другим полем неутилитарной семантики артефакта являются эстетические значения. В ряду ценностно-смысловых свойств предмета красота стала восприниматься как отдельное его качество, отчуждаемое от предметной функциональности. В этом смысле оружейное искусство несёт в себе две важнейших тенденции эволюционного движения: функционального развития как орудия смерти и эстетического совершенствования как произведения декоративно-прикладного искусства. Данные тенденции в своём диалектическом противостоянии являлись движущей силой развития оружейного искусства на протяжении всей его истории существования.

Таким образом, предметное измерение оружия в контексте морфологии культуры можно исследовать в двух его функциональных модальностях: утилитарной и символической. Морфология оружейных форм в рамках утилитарной модальности детерминирована различными социокультурными контекстами прямого применения оружия: военным, криминальным, уголовно-правовым, криминологическим и административно-правовым. Предметная сущность оружия заключается в способности нанести вред или умертвить противника. В рамках символической модальности оружия можно выделить три семантические области: социально-символическую, сакральную и эстетическую. Социально-символические смыслы связаны с тем, что оружие в его разновидностях выступает символом различных социальных групп. Сакральные смыслы оружия заключаются в том, что оружие выступает средством поражения врагов на ритуально-магическом и религиозно-мифологическом уровнях. Эстетическая ценность оружия связана с тем, что оно функционирует не только как средство поражения, но и как объект эстетического любования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оружие // Большая военная энциклопедия, сайт. – URL: <http://zonwar.ru/oruzie.html> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.
2. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60-74.
3. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.

4. Кармин, А. С. Основы культурологии. Морфология культуры / А. С. Кармин. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 512 с.
5. Реунов, Ю. С. Оружие Древнего Египта: боевое и сакральное. Ч. 1 / Ю. С. Реунов // Артикулът. – 2019. – № 2. – С. 18-31.
6. Ручкин, В. А. Частная экспертная теория об оружии и следах его применения в системе общей теории судебной экспертизы: моногр. / В. А. Ручкин. – Волгоград: ВА МВД России, 2012. – 192 с.
7. Садохин, А. П. Культурология: теория и история культуры / А. П. Садохин. – М.: ЭКСМО, 2005. – 622 с.
8. Тимофеева, И. Ю. Феномен партиципации в современной культуре / И. Ю. Тимофеева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № VIII-2 (56). – С. 49-53.
9. Трубников, Т. Б. Полная энциклопедия: оружие, вооружение всех времён и народов / Т. Б. Трубников. – СПб.: Нева, 2002. – 720 с.
10. Федоренко, В. А. Актуальные проблемы судебной баллистики: моногр. / В. А. Федоренко. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 208 с.

Фёдоров Ю. В., Сапрыкина М. Ю., Элькан О. Б.

ПРОБЛЕМНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И СТОЛИЧНОЙ
ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ НАЧАЛА ХХI ВЕКА

Фёдоров Ю. В., Сапрыкина М. Ю., Элькан О. Б.

Yu. V. Fedorov, M. Yu. Saprykina, O. B. Elkan

ПРОБЛЕМНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И СТОЛИЧНОЙ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ НАЧАЛА ХХI ВЕКА

PROBLEMATIC FORMATION OF FINE ART AND METROPOLITAN EXHIBITION ACTIVITY IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Фёдоров Юрий Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры театрального искусства Крымского университета культуры, искусств и туризма, Заслуженный артист Украины, Академик Крымской Академии Наук (Россия, Симферополь). E-mail: Fedorov_Juriy@mail.ru.

Yuriy V. Fedorov – PhD in Philosophy, Associate Professor, Theater Arts Department, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Honored Artist of Ukraine, Academician of the Crimean Academy of Sciences (Russia, Simferopol). E-mail: Fedorov_Juriy@mail.ru.

Сапрыкина Марина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой театрального искусства Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь). E-mail: sama7268077@gmail.com.

Marina Yu. Saprykina – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Theater Arts, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Russia, Simferopol). E-mail: sama7268077@gmail.com.

Элькан Ольга Борисовна – доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой музыкального искусства Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь). E-mail: elkanolga@gmail.com.

Olga B. Elkan – Doctor of Art History, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of the Music Art Department, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Russia, Simferopol). E-mail: elkanolga@gmail.com.

Аннотация. Данная статья анализирует процесс проблемного становления изобразительного искусства и столичной выставочной деятельности в России начала XXI века. Авторы комплексно рассматривают конкретную временную художественную и социокультурную ситуацию, породившую причины художественной несостоятельности первых московских выставок «Арт-Манеж», с которых обозначились негативные тенденции столичного выставочного процесса начала 2000-х годов. По мысли авторов статьи, период начала нулевых стал фазой ликвидации всех первоначальных художественных интенций и обозначил хаосоморфное состояние отечественной художественной культуры начала нового тысячелетия. В сложное постсоветское время галеристы, кураторы выставок, ньюсмейкеры и искусствоведы, полностью ориентированные на рынок, диктовали условия экспозиций, тематику, форматы презентаций и стоимость арт-объектов. Эта категория специалистов разорвала цепочку «художник – заказчик» и стала манипулирующим посредником. Коммерциализированное искусство начала третьего тысячелетия выходило из этическое и нравственное содержание произведений, обозначая кризис изобразительного искусства и его духовную трансформацию. В контексте идей постмодернизма начала XXI века изменились социокультурная парадигма и многочисленные концепты художественного осмысления действительности, включая мироотношение и целеполагание. И сегодня о перспективах развития столичного изобразительного искусства нужно говорить с осторожностью. Экспонирование арт-объекта часто подменяется процессом его экспертизы и признания. Ширится методология кластеризации реальности, клипизации мышления, бессистемной комбинаторики, фрактальной беспорядочности симуляций. Современная культура уже рассматривается как дефрагментация иnomadная сборка, а это достаточно тревожный симптом. Трансфузии художественного отражения тех лет до сих пор не вписаны в контексты феноменологического разлома и онтологической деструкции культуры начала XXI века.

Summary. This article analyzes the process of problematic formation of fine art and Metropolitan exhibition activity in Russia at the beginning of the 21st century. The authors consider the reasons for the artistic failure of the first Moscow exhibitions «Art-Manege», which marked the negative trends of the capital's exhibition process in the early 2000s. Using expert assessments of specialists, the authors investigate the problem of intensive blurring of the basic criteria for distinguishing an authentic work of art from an imitation at that time. In the difficult post-Soviet

times, gallery owners, exhibition curators, newsmakers, and art critics, who were fully market-oriented, dictated the terms of exhibitions, their themes, presentation formats, and the cost of art objects. This category of specialists broke the chain of «artist-customer» and became a manipulative intermediary. The commercialized art of the beginning of the third Millennium emasculated the ethical and moral content of works, indicating the crisis of the capital's culture and its serious spiritual transformation. The sociocultural paradigm of that time changed, as well as numerous concepts of artistic understanding of reality, including world relations and goal setting. Today, we must speak with caution about the prospects for the development of the capital's fine arts. The process of its examination and recognition often replaces the exhibition of an art object. The methodology of clustering of reality, clipping thinking, haphazard combinatorics, and fractal randomness of simulations is expanding. Modern culture is already seen as defragmentation and nomad Assembly, and this is a very disturbing symptom.

Ключевые слова: культура, искусство, арт-объект, выставка, этика, кризис.

Key words: culture, art, art object, exhibition, morality, ethics, crisis.

УДК 7.067

Введение. Сегодня для целого ряда разнопрофильных специалистов не является секретом глубина бедственного положения нашей страны после губительных реформ «лихих 90-х». В 1991 году СССР исчез с политической карты мира. Огромная страна была деморализована и психологически повержена. В начале 2000-х годов экономика России буквально восставала из пепла. Практически с нуля нужно было поднимать целые отрасли промышленности. Растряянность и уныние царили в умах миллионов сограждан. Культурная сфера оказалась без государственной поддержки, а творческие работники лишились средств к существованию. Помимо научно-исследовательских институтов и культурно-образовательных центров, в стране закрылись десятки киностудий, тысячи концертных залов и музеев, кинотеатров и выставочных комплексов, драматических, музыкальных, детских и кукольных театров. Отсутствие внятной доктрины национального возрождения угнетало и научно-промышленный, и культурно-творческий потенциал РФ. Социально-экономический упадок тех лет чуть не привёл к государственному дефолту и общественным взрывам.

Но, преодолевая инфляцию, экономический хаос, тотальное безденежье и социальный пессимизм, Россия продолжала жить, восстанавливаться, созидать и бороться за своё место в геополитическом пространстве. Культура в России, постепенно обретая господдержку, искала новые художественные, национальные и нравственные ориентиры.

Эти глобальные социокультурные трансформации в нашей стране происходили на фоне планетарного антропологического кризиса, спровоцировавшего дальнейшее развитие мирового финансово-экономического, банковского, социально-политического кризисов и т. д. Образовательный, аксиологический и духовный кризисы в этом ряду «запланированных потрясений» архитекторами нового мирового порядка считались «необсуждаемой темой» [1]. Но именно в сферах духовности, культуры и образования содержится основной пласт проблем человечества. Уровень культуры – маркер жизнеспособности любого государства, а его духовность – залог выживаемости в самых сложных исторических испытаниях.

Так было и в начале нулевых в России. Одной из основных черт глобального системного кризиса тех лет стала его экзистенциально-онтологическая составляющая. Сомнения идеологов постмодернизма в нужности человека (как такового) и его проблемном дальнейшем присутствии на планете Земля изменили социокультурную парадигму того времени и многочисленные концепты художественного осмысления действительности. Деструктивность в социуме и в самом человеке стала на тот момент «очевидной». Общественно-культурная деградация, феноменологические разломы и онтологическая деструкция в современном искусстве стали предметом многочисленных обсуждений философов и искусствоведов [2; 3].

Стихийные дискуссии, вынесенные на общественную платформу, только обнажили дуализм логического, эстетического, чувственно-реалистического и не замедлили сказаться на твор-

честве тысяч художников. Они перешагнули параметры этико-эстетической дуальности и перестали чувствовать ту фатальную границу, за которой культура переходит в антикультуру, а спасающая одухотворённость превращается в бездну губительных и низменных инстинктов. Направление развития изобразительного искусства, частично определяемое столичными постмодернистскими концепциями и пропущенное через призму индивидуального понимания художниками постструктурализма, деконструктивизма и прочих идеальных течений западной гуманитарной мысли, никак не связывалось с социальным оптимизмом. Наоборот, негативизм, деструкция, распад и регресс возобладали в художественном творчестве и провоцировали невероятные трансфузии художественного отражения. Ощущение мира как хаоса и абсурда, тотальная деконструкция, привлекательность эстетики безобразного, феноменологические разломы и онтологическая деструкция с обнулением смыслов и нивелировкой критериев набирали невиданные значения.

Очертания феномена вырождения всё чаще возникали на сценических подмостках, эстрадных шоу, каналах ТВ и столичных выставках регressive времени начала 2000-х. Культура, по-рабошённая рынком, радикально изменилась, трансформируя её создателей и потребителей. В российский социум была внедрена чуждая русской ментальности культура западного типа. В результате вестернизированной массовой культуры со своейственной ей спецификой мышления, материальными приоритетами и этическими особенностями национальная социокультурная парадигма оказалась существенно деформированной [3; 4]. Просчитывая перспективы развития художественной культуры в условиях тотальной информатизации, чиновники того времени не учли обратную сторону культуры информационного типа. Они не придали значения тому, что западная культура, подняв культурогенную деятельность человека на уровень высоких технологий и придав ей демиургический характер, имеет ряд негативных аспектов [5]. Эта обратная сторона инновационной культуры, выразившаяся в девальвации высших ценностей, общем кризисе и деградации духовности, чётко обозначила антигуманистический и деструктивный характер. Именно она породила в XX веке такие рецидивы «нового варварства», которых история ещё не знала [5; 6].

Эта «обратная сторона» является следствием аксиологического ориентира инновационной культуры на утилитарные, инструментальные ценности, обеспечившие ей историческую динамику и достижения [5]. Развитие культуры инновационного типа оказалось связано с утилитаристской редукцией присущих традиционной (христианской) культуре метафизических ценностей сообразно с аксиологическим «принципом господства», воплощая его как демиургическую установку культуротворчества. Демиургический «принцип господства» стал ценностным архетипом в её развитии. Тем самым западная (постхристианская) инновационная культура пошла по пути самоутверждения человека в качестве суверенного творца и устроителя нового – десакрализованного – мирового порядка, в котором он воспринимает себя субъектом господства, свободным от метафизических инстанций бытия, точнее, рационализирующем их применительно к своему господству над миром. И в новом, продуцируемом культурогенным «принципом господства», миропорядке человек стремится занять статус Божественного Абсолюта, во всяком случае с позиции его утилитарно понимаемых функций, прежде всего – властвования.

Все прежние культуры строились на основе чётких классификаций и постоянного упорядочивания трепетного хаоса бытия. Культурное сознание той или иной эпохи всегда исходило из твёрдых «да» и «нет», абсолютных тождеств и различий, из недвусмысленного разграничения добра и зла, дозволенного и запрещённого. «Ценностные установки индивида встраивались в высшие смыслы культуры» [6, 141].

Принципиально иная картина сложилась в российской культуре начала 2000-х годов. Она оказалась в ситуации беспредельных возможностей для переворачиваний, подмены смыслов и понятий, искажений ранее незыблемых критериев и морально-нравственных деформаций. Современное искусство отказалось от императива красоты и эмигрировало в область привлекательного релятивизма. Девальвация высших ценностей, редукция их содержания, деактивация потребности в них породили ситуацию, которую В. Франкл определил как «экзистенциальный вакуум». Он связан с потерей смыслообразующих ориентиров и даже смысла жизни, что квалифицируется Франклом как психическая болезнь, симптомами которой являются утрата интереса к жизни, апа-

тия, нигилизм и т. п. Франклом даже было введено понятие «ноогенный невроз», вызываемый духовной проблемой, конфликтом ценностных ориентаций [7]. К выводу о наличии подобной болезни души современного человека пришли многие учёные. А. Маслоу даже ввёл понятие «метапатология». По его утверждению, это угнетённое, болезненное состояние человеческой психики и осознание жизненной потребности в ценностных ориентациях. Психическое угнетение возникает при игнорировании высших ценностей и утере подлинных жизненных стратегем [7; 8].

Однако постулаты постмодернизма и нарастающей глобализации постоянно вносили зубодробительные корректизы в общественное понимание «подлинности» и «художественности». Столичные галеристы начала 2000-х гг. любой артефакт легко превращали в объект «высокого искусства». И с ними некому было спорить.

Человечество на протяжении всего исторического развития постоянно фиксировало проблему труднодостижимого органичного синтеза содержания и формы в разных областях своей деятельности. Но в начале нулевых в столичном российском изобразительном искусстве сложилась ситуация «прогнозируемого распада». Искусствоведы с опозданием фиксировали в работах многочисленных художников разложение смыслообразующего начала художественного произведения – его содержания, включая тему, идею, проблему, сверхзадачу и т. д. О форме в этом случае речь уже не шла. Часто она была изуродована по прихоти авторского восприятия мира.

Надо заметить, что распады художественной формы периодически возникали в мировом искусстве, начиная с античных времён. Более того, причины появления в искусстве безобразного, отвратительного, мерзкого, бесформенного, безыдейного тщательно анализировались учёными на разных этапах развития философской мысли.

Категория безобразного преодолела сложный путь от природного импульса физиологического отвращения, превратившись в эстетическую категорию, отрицающую основные эстетические параметры. Приверженцев безобразного именовали «сапрофилами» (гнилыми, испорченными). При том в обществе того времени безобразное в жизни воспринималось резко негативно (с учётом устремлённости античного мира к идеалу и гармонии).

Однако знаменитые и противоречивые мифологические сюжеты прочно вошли в мировую живопись. Некоторые из них кажутся сегодня проблемными с этической точки зрения, диссонирующими принятому пониманию нормы и патологии. И как бы они ни именовались («омерзительным искусством», «отвратительным искусством» и т. п.), эти художественные произведения имеют глубочайший смысл, проливают свет на содержание мифологического и религиозного сознания человека того времени, говорят о художественных критериях, уровне живописного мастерства и мере дозволенного по нравственной шкале и художника-создателя, и социума. Тут можно вспомнить «Пир Терея» Петера Пауля Рубенса (1636–1638), «Сатурна» Франсиско Гойи (1820–1823), «Сатурна, пожирающего своих детей» Робине Тестара (1496–1498), «Кастрацию Урана сыном его Кроносом» Джорджо Вазари (1564). Вспоминается и Ловис Коринт с его картиной «Одиссей дерётся с нищим» (1913), и Паоло Веронезе с его одиозным шедевром «Леда и лебедь» (1585), и Жюль-Эли Делоне с произведением «Мучения Иксиона» (1876).

В данной статье мы не будем анализировать преобразования категории безобразного, её легитимирование Аристотелем в разных искусствах, её присутствие в христианской эстетике до XX века, труды С. Булгакова и исследования на эту тему В. В. Бычкова [9]. Работы Лессинга, Бёрка, Шиллера, Канта на эту тему также широко известны, как исследования Г. Вайса, А. Руге, К. Розенкранца и др. Интерес ко всему болезненному преломлённому обострился после публикаций трудов З. Фрейда в области бессознательного, а концепции К. Юнга заметно повысили тягу к безобразному в эстетике. Но это – история. А что же происходило в начале XXI столетия в изобразительном искусстве нашей страны? Как складывалась общая ситуация со столичными живописцами и выставочной деятельностью в Москве?

Тенденция тех лет о скатывании изобразительного искусства в область патологии, когда художники демонстрировали то психические, то нравственные отклонения от нормы искусства и знания жизни, стала, по мнению искусствоведа Н. Уточкиной, серьёзной социальной проблемой [10]. Традиционная классификация искусства по видам и жанрам на тот момент оказалась «безна-

губные результаты глобализации... «Увиденное на выставке трудно назвать искусством. Всё представленное – скорее деградация и вырождение, находящееся за гранью духовности человека» [10]. В подобном контексте данная биеннале вызывала скорее интерес психиатров и приводила к серьёзным выводам. Искусствовед И. Колодяжный считал, что насильственно распространяемое с помощью подобных арт-форумов «искусство» не поддаётся описанию по причине нижайшей его художественности. Он настаивал, что главной темой искусства 1990 – 2000-х годов в России оказался распад человеческой личности, а изобразительный ряд представлял собой натуралистическую патологию. Он убеждал, что нужно уже говорить о закате не только Европы, но и всего человечества и что в современном вырождающемся искусстве истинному творчеству не осталось места [10].

В культурно-исторической ретроспективе наблюдалось мощное нарастание китча. Он присутствовал во всех художественных стилях прошедших веков, но в своих эпатажных аспектах он восторжествовал в изобразительном искусстве именно в 1990-е – 2000-е. В условиях тотального «комассовления» всего и вся феномен китча переродился в откровенное псевдоискусство [11].

Начало XXI столетия стало достаточно проблемным для художественной элиты России. Наша страна оказалась втянутой в общеевропейский и мировой арт-процесс. Эксперты полагают, что задача Запада заключалась в желании сделать Россию дополнительным прокатным полем дегенеративного искусства глобалистов [11]. Так продолжалось больше десяти лет, но уже в 2012 году ежегодные международные арт-ярмарки «Арт-Манеж» и «Худграф» были закрыты как малохудожественные. Их устроителям было отказано в государственной поддержке и даже аренде помещений [12]. Закрытие «Арт-Манежа» в Большом Манеже и лишение его финансовой помощи означало новую тенденцию и принципиально иной государственный подход к художественной деятельности. Так возникла новая художественная концепция Музейно-выставочного объединения «Столица», в которую вошли ЦВЗ «Манеж», МГВЗ «Новый Манеж» и Музей «Рабочий и колхозница». Государство чётко сформулировало своё отношение к подобным коммерческим ярмаркам искусства и озвучило позицию в отношении музейных выставок и некоммерческих проектов.

Ситуация стала исправляться, когда в работах столичных молодых художников почувствовался и дух патриотизма, и социальный оптимизм, обозначился рост профессионализма. О перспективах развития современного изобразительного искусства многие специалисты пока говорят с большой осторожностью, обозначая новые угрозы и опасные тенденции.

Увы, но значительная часть искусствоведов, галеристов, ньюсмейкеров культуры продолжают оставаться ориентированными только на рынок. Именно эта категория специалистов разорвала цепочку «художник – заказчик» и стала манипулирующим посредником. Экспонирование арт-объекта сегодня по-прежнему подменяется процессом его экспертизы и признания. Базовые критерии отличия произведения искусства от его имитации продолжают размываться.

К сожалению, в современном искусстве получает широкое распространение методология кластеризации реальности, клипизации мышления, бессистемной комбинаторики, фрактальной беспорядочности симуляций. Уже многие специалисты рассматривают всю современную культуру как дефрагментацию и номадную сборку [13]. Раньше это явление называлось эклектикой. Сегодня же информационные технологии переплавили маргинальность и второсортность эклектики в мейнстрим и образец. П. Вирильо назвал подобный способ радикальной аберрации – «пикнолепсией», т. е. особым типом восприятия реальности, где имеют место провалы сознания, «абсансы» [14]. «Рамки искусства» часто определяются не профессорами Академии художеств, а «кураторами выставок», и потому растёт число «околохудожественных практик», имеющих отдалённое отношение к собственно искусству. В художественный процесс сегодня влились маргиналы, неучи, непрофессионалы и душевнобольные люди. Художник-создатель под напором «кураторов выставок», увы, перестал быть «главной фигурой». Имитация искусства оказалась выгодной и тому, кто поделку сделал, и тому, кто объявил её шедевром, и тому, кто её приобрел. Так происходит коллективный говор, после которого цена поделки растёт. Именно так писсуары (вопреки здравому смыслу) становятся художественными объектами, искусство превращается в бизнес-проект, общество одурачено, а молодёжь воспитывается на поддельных «шедеврах» и откровенно деградирует.

губные результаты глобализации... «Увиденное на выставке трудно назвать искусством. Всё представленное – скорее деградация и вырождение, находящееся за гранью духовности человека» [10]. В подобном контексте данная биеннале вызывала скорее интерес психиатров и приводила к серьёзным выводам. Искусствовед И. Колодяжный считал, что насильственно распространяемое с помощью подобных арт-форумов «искусство» не поддаётся описанию по причине нижайшей его художественности. Он настаивал, что главной темой искусства 1990 – 2000-х годов в России оказался распад человеческой личности, а изобразительный ряд представлял собой натуралистическую патологию. Он убеждал, что нужно уже говорить о закате не только Европы, но и всего человечества и что в современном вырождающемся искусстве истинному творчеству не осталось места [10].

В культурно-исторической ретроспективе наблюдалось мощное нарастание китча. Он присутствовал во всех художественных стилях прошедших веков, но в своих эпатажных аспектах он восторжествовал в изобразительном искусстве именно в 1990-е – 2000-е. В условиях тотального «комассовления» всего и вся феномен китча переродился в откровенное псевдоискусство [11].

Начало XXI столетия стало достаточно проблемным для художественной элиты России. Наша страна оказалась втянутой в общеевропейский и мировой арт-процесс. Эксперты полагают, что задача Запада заключалась в желании сделать Россию дополнительным прокатным полем дегенеративного искусства глобалистов [11]. Так продолжалось больше десяти лет, но уже в 2012 году ежегодные международные арт-ярмарки «Арт-Манеж» и «Худграф» были закрыты как малохудожественные. Их устроителям было отказано в государственной поддержке и даже аренде помещений [12]. Закрытие «Арт-Манежа» в Большом Манеже и лишение его финансовой помощи означало новую тенденцию и принципиально иной государственный подход к художественной деятельности. Так возникла новая художественная концепция Музейно-выставочного объединения «Столица», в которую вошли ЦВЗ «Манеж», МГВЗ «Новый Манеж» и Музей «Рабочий и колхозница». Государство чётко сформулировало своё отношение к подобным коммерческим ярмаркам искусства и озвучило позицию в отношении музейных выставок и некоммерческих проектов.

Ситуация стала исправляться, когда в работах столичных молодых художников почувствовался и дух патриотизма, и социальный оптимизм, обозначился рост профессионализма. О перспективах развития современного изобразительного искусства многие специалисты пока говорят с большой осторожностью, обозначая новые угрозы и опасные тенденции.

Увы, но значительная часть искусствоведов, галеристов, ньюсмейкеров культуры продолжают оставаться ориентированными только на рынок. Именно эта категория специалистов разорвала цепочку «художник – заказчик» и стала манипулирующим посредником. Экспонирование арт-объекта сегодня по-прежнему подменяется процессом его экспертизы и признания. Базовые критерии отличия произведения искусства от его имитации продолжают размываться.

К сожалению, в современном искусстве получает широкое распространение методология кластеризации реальности, клипизации мышления, бессистемной комбинаторики, фрактальной беспорядочности симуляций. Уже многие специалисты рассматривают всю современную культуру как дефрагментацию и номадную сборку [13]. Раньше это явление называлось эклектикой. Сегодня же информационные технологии переплавили маргинальность и второсортность эклектики в мейнстрим и образец. П. Вирильо назвал подобный способ радикальной аберрации – «пикнолепсией», т. е. особым типом восприятия реальности, где имеют место провалы сознания, «абсансы» [14]. «Рамки искусства» часто определяются не профессорами Академии художеств, а «кураторами выставок», и потому растёт число «околохудожественных практик», имеющих отдалённое отношение к собственно искусству. В художественный процесс сегодня влились маргиналы, неучи, непрофессионалы и душевнобольные люди. Художник-создатель под напором «кураторов выставок», увы, перестал быть «главной фигурой». Имитация искусства оказалась выгодной и тому, кто поделку сделал, и тому, кто объявил её шедевром, и тому, кто её приобрел. Так происходит коллективный говор, после которого цена поделки растёт. Именно так писсуары (вопреки здравому смыслу) становятся художественными объектами, искусство превращается в бизнес-проект, общество одурачено, а молодёжь воспитывается на поддельных «шедеврах» и откровенно деградирует.

Думается, что Бодрийяр потому и назвал современное искусство «ничтожным», что многие его создатели зациклены именно на коммерческом успехе, а настоящий художник с его авторским видением, профессионализмом и гражданской ответственностью сведён галеристами до индекса его товарной востребованности. Так, формула современного успеха удачно сочетает коммерческую составляющую и медийную известность. К этому процессу подключены и все СМИ. Купить шумиху, успех, известность, узнаваемость сегодня не проблема, были бы деньги. «Прекрасное» быстро отдаляется от художественного, а самодовольный «гламур», унижающий красоту, завоёвывает всевозможные пьедесталы.

По мнению профессора А. Д. Шоркина, ангажированную часть искусствоведов необходимо отнести к институциональной изнанке современной культуры [14], но думается, что проблемная зона тут шире, а опасные тенденции всё отчётливее приобретают фатальный характер [15]. Остается надеяться, что «сарказм без берегов» (по выражению Э. Барковой) не утвердится в качестве единственной эстетической категории современной культуры, а затянувшееся становление выставочной деятельности в России утратит болезненный характер, уродливые формы и провокационные выпады [16; 17; 18].

Выводы. Отсутствие художественности, безыдейность, пошлость, порочность, патология и тотальная коммерциализация стали основными негативными аспектами в проблемном становлении изобразительного искусства и выставочной московской деятельности начала ХХI века.

С наступлением третьего тысячелетия присутствие безобразного в искусстве значительно увеличилось и обрело новые характерные черты [19]. Под мощным воздействием СМИ расколоть реальности на кластеры привела художников к расфокусировке исследовательского зрения. Фальшив фантазмов возобладала и в изобразительном искусстве. Релятивизм сделался модным и удобным оправданием безответственности. Объединения модных декадентов и элитарных «детей порока» красноречиво продемонстрировали низкое качество художественных дефиле и многочисленной арт-продукции Москвы начала 2000-х годов. Устойчивая триада «форма – содержание – смысл» подверглась прессингу западной массовой культуры, обнаружив новые смысловые детерминации. В столичном изобразительном искусстве начала нулевых преобладал культ «элитарного нездоровья», раскрученный предпримчивыми ньюсмейкерами и падкими на «скандал» галеристами.

И сегодня в контексте активной кластеризации реальности эксперты рисуют не уловить главного. Парадигма «стратегического релятивизма» мощно размывает культурную идентичность и наносит удар по основополагающим критериям подлинности. По убеждению Д. Каспита, должно восторжествовать хаотическое (неопределенное) искусство. Без критериев и каких-либо рамок [20]. На этом настаивает и И. Здвижкова, не осознавая всей фатальнойности подобных рассуждений. Но как тогда очертировать границы искусства от массового засилья его имитаций?

К поиску причин болезненных преломлений в изобразительном искусстве начала ХХI века, помимо профессиональных экспертов-искусствоведов, подключаются и медики, утверждающие, что сознательное или бессознательное движение в сторону уродства и патологии редко сочетается с высоким искусством. А значит, мы имеем дело с явлением, именуемым «феноменом вырождения» [19]. Но не будем спешить с выводами, т. к. для любого заключения требуются многочисленные аналитические междисциплинарные исследования, которые, увы, часто опаздывают за быстротекущим временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисичкин, В. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. – М.: Институт социально-психологических исследований АСН, 2000. – 304 с.
2. Лазарев, Ф. В. Антропологический манифест / Ф. В. Лазарев. – Симферополь: ИО КНЦ НАНУ и МОН Украины, 2008. – 16 с.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл; [пер. с англ. В. Иноземцева]. – М.: ИНФРАН, 1993. – 250 с.
4. Бычков, В. ХХ век: предельные метаморфозы культуры / В. Бычков, Л. Бычкова // Полигнозис. – 2000. – URL: <http://belb.info/obmen/XX%20vek.htm> (дата обращения: 29.08.2022). – Текст: электронный.

5. Сухина, И. Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: моногр. / И. Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
6. Лазарев, Ф. В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф. В. Лазарев, Б. А. Литтл. – Симферополь: СОННАТ, 2001. – 264 с.
7. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Наука, 1992. – 511 с.
8. Шоркин, А. Д. Культурно-исторические тренды когнитивности: поиск методологических истоков / А. Д. Шоркин // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – 2000. – № 13 (52). – С. 29-41.
9. Шкепу, М. А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца / М. А. Шкепу. – Киев: Феникс, 2010. – 448 с.
10. Дегенерация в творчестве // Библиотека Григория Климова. – URL: http://g-klimov.info/lib_degenerative/index.html (дата обращения: 25.12.2021). – Текст: электронный.
11. Рублев, И. Дегенеративное искусство – что это такое? / И. Рублев. – URL: <https://yavarda.ru/degenerativeart.html> (дата обращения: 30.08.2022). – Текст: электронный.
12. Ярмарки «Арт Манеж» и «Худграф закрываются» // Артгид, 2009-2022. – URL: <http://artguide.com/news/1965-iarmarki-art-maniezh-i-khudghraf-zakryvaiutsia-759> (дата обращения: 11.12.2019). – Текст: электронный.
13. Антропологические вызовы современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь: Доля, 2008. – 96 с.
14. Шоркин, А. Д. Институциональная изнанка культуры / А. Д. Шоркин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия и конфликтология. – 2015. – Т. 31. – № 2. – С. 85-94.
15. Человек и современная цивилизация: сб. статей. – Симферополь: Доля, 2008. – 140 с.
16. Кровь и экскременты в Эрмитаже // Видеохостинг YouTube. – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=tTgRI4tMPp0> (дата обращения: 30.12.2019). – Текст: электронный.
17. Эрмитаж обвинили в показе спектакля Яна Фабра со сценами мужской любви // Комсомольская правда. – URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26687.7/3710511/> (дата обращения: 30.12.2019). – Текст: электронный.
18. Самохин, А. Вот ветка, вот дохлая собака: Что покупают и выставляют государственные музеи под видом современного искусства / А. Самохин // Царьград. – URL: https://tsargrad.tv/articles/vot-vetka-vot-dohlaja-sobaka-chto-pokupajut-i-vystavlajut-gosudarstvennye-muzei-pod-vidom-sovremennoogo-iskusstva_244322 (дата обращения: 30.08.2022). – Текст: электронный.
19. Фёдоров, Ю. В. Вырождение: лики и маски современной культуры. Культурологическое исследование / Ю. В. Фёдоров. – Симферополь: ООО «Форма», 2020. – 292 с.
20. Здвижкова, И. Г. Трансформация самоидентификации художника в XX в., веке плюрализма стилей / И. Г. Здвижкова // Studia culturae. Вып. 19. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – С. 207-214.

Чжай Хайбинь

КИТАЙСКИЙ НЕОРЕАЛИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: ЭВОЛЮЦИЯ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Чжай Хайбинь

Zhai Haibin

КИТАЙСКИЙ НЕОРЕАЛИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

CHINESE NEO-REALISM ART: EVOLUTION AND SOCIO-CULTURAL CONTEXT (LATE XX – EARLY XXI CENTURY)

Чжай Хайбинь – аспирант Департамента искусств и дизайна ШИГН Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); Россия, г. Владивосток, 690922, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10; тел. 8(924)724-17-61. E-mail: chzhai.kh@dvgfu.ru.

Zhai Haibin – a Postgraduate Student, Art and Design Department, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); Russia, Vladivostok, 690922, Primorskii krai, isl. Russkii, settl. Ayaks, 10; tel. 8(924)724-17-61. E-mail: chzhai.kh@dvgfu.ru.

Аннотация. Характер и содержание искусства и культуры связаны с условиями и социальным контекстом их появления. Становление китайского неореализма связано с новым этапом модернизации и либерализации в Китае в период «реформ и открытости». В генезисе неореализма можно проследить как влияние внутренних социокультурных процессов (изменение политики государства, возникновение свободного рынка, проработка трагического опыта культурной революции), так и внешнее влияние (усвоение новых теоретических подходов и практик западного изобразительного искусства). В китайском неореализме в живописи выделяется несколько направлений: психологическое («живопись шрамов»), консервативное («деревенский реализм»), авангардное («циничный реализм»), которые различаются по ценностным установкам, содержанию и художественным приёмам. Можно утверждать, что китайский неореализм в целом преодолел этап запретов и гонений и завершил этап институциализации (возникновение творческих объединений, регулярное проведение выставок, изучение в учебных заведениях, завоевание ниши на международном арт-рынке, поддержка общества и правительства). Неореализм в Китае в начале XXI в. стал коммерчески успешен и начал приобретать черты академизма.

Summary. The nature and content of art and culture are related to the conditions and social context of their appearance. The formation of Chinese neo-realism is associated with a new stage of modernization and liberalization in China during the period of «reforms and opening up». In the genesis of neo-realism, one can trace both the influence of internal socio-cultural processes (changes in state policy, the emergence of a free market, the elaboration of the tragic experience of the Cultural Revolution), and external influences (the assimilation of new theoretical approaches and practices of Western fine arts). In Chinese neo-realism, there are several areas in painting: psychological («scar painting»), conservative («village realism»), avant-garde («cynical realism»), which differ in value settings, content and artistic techniques. It can be argued that Chinese neo-realism as a whole has overcome the stage of prohibitions and persecution, has passed the stage of institutionalization (the emergence of creative associations, regular exhibitions, study in educational institutions, gaining a niche in the international art market, support from society and the government). Neo-realism in China at the beginning of the 21st century became commercially successful and began to acquire features of academicism.

Ключевые слова: искусство; китайский неореализм; социальный контекст; «живопись шрамов»; «циничный реализм».

Key words: Art; neo-realist; social context; «scar painting»; «cynical realism».

УДК 7.036

Ведущим направлением в художественной культуре и искусстве Китая XX в. является реализм. Исторически реализм в искусстве возник и развивался в странах Запада в XIX в. как реакция на господствовавшие в то время классицизм и романтизм. Сторонники этого направления в науке (позитивизм, материализм), литературе (критический реализм) и искусстве (натурализм, реализм,

импрессионизм и др.) стремились как можно точнее изображать реальность. По мере изменения социальных условий и культурной динамики представление о реализме также менялось. Ответ на вопрос: «Что такое реальность и какими методами она может восприниматься и описываться?» — был дискуссионным, что постоянно порождало новые художественные направления и течения: магический реализм, экзистенциальный реализм, авангардизм, неореализм (британский и итальянский) и др. В Китае на становление реализма повлияли такие политических события, как Синьхайская революция, Движение 4 мая, Война против японских захватчиков, Освободительная война 1945–1949 гг., образование КНР, культурная революция, а также политика реформ и открытости, начавшаяся после 1978 г. [1].

В значительной степени история искусства Китая в XX в. имеет неразрывную связь с политикой. Реализм в китайском искусстве глубоко связан с социальными изменениями, произошедшими в Китае, а также с политикой государства, продвигавшего определённую идеологию и культурную теорию. Китайский реализм связан с трансформацией китайского общества и культуры всей страны. В процессе социальных изменений в Китае литература и искусство использовались интеллигенцией в качестве инструмента культурного просвещения, а также стали инструментом реформирования общества. В это время стало довольно трудно придерживаться в своих произведениях так называемого «чистого искусства». Искусство стало ближе к таким политическим понятиям, как «пропаганда» и «перевоспитание», и отдалилось от таких понятий, как «эстетика» или «эстетическое воспитание». «Манифест», «учение», «доклад», «общественное движение», «революция», «директива» или «идеология» стали ведущими факторами развития и изменения художественных стилей в XX в. [2].

В связи с этим в анализе конкретного произведения изобразительного искусства или творчества художника всегда можно выявить две стороны: как чисто художественную (образы, символы, художественный стиль, индивидуальная творческая уникальность), так и отражение социокультурного контекста (приметы исторического времени, места и социальной обстановки). Однако знание художественного жанра произведения и его формального языка не позволяет разобраться в сути произведения. Необходимо учитывать не только культурное влияние на китайских художников различных направлений реализма из Европы, СССР, но и выявление китайской специфики развития реализма на разных этапах.

Возникновение реализма, а затем каждая волна неореализма в XX в. имели прямую связь с циклами революций и модернизаций. Не является исключением и Китай: начало зарождения реализма связано с Синьхайской революцией 1911 г., второй этап — с коммунистической революцией 1949 г. и влиянием советского соцреализма, неореалистическая волна — с периодом «реформ и открытости» начиная с 1978 г. На каждом этапе художники начинали с критики предшествующего периода как «устаревшего» и «академического», осваивали новую идеологию и инновационные творческие приёмы. Им необходимо было упорно трудиться, чтобы приобрести новый кругозор, лишь тогда они могли полностью посвятить себя практике и художественному творчеству для нового общества и культуры [3, 52-57]. Если не знать масштаба политических событий, происходящих на каждом этапе исторического процесса, а также постоянно возникающих философских, политических и экономических доктрин, многообразия целей, интересов, эстетических ценностей и методов в творческой среде, то невозможно понять специфику и богатство направлений в китайском реализме и современный китайский неореализм.

В первой половине XX в. Китай стал заимствовать западную живопись, учиться ей, продвигать и популяризовать у себя, этот процесс основывался на художественном освоении реалистичной масляной живописи [4, 112-113]. Реализм занял основную позицию, что было связано с идеологическими установками как националистического правительства Гоминьдан, так и коммунистического движения под руководством Мао Цзэдуна. Войны вынудили большое количество деятелей искусства вступить в движение национального спасения, интересы страны и нации заняли главнейшую позицию. Подавляющее большинство работников искусства в районах гоминьдановского господства отдало свои силы на пропаганду в период антияпонской войны. Кисть художника и резец скульптора стали оружием войны. Ведущей идеологией для деятелей искусства округа

Яньянь стали выступления Мао Цзэдуна на совещаниях по вопросам литературы и искусства. Согласно направлению, указанному лидером КПК, искусство с оттенком «патриотизма» и «народности» должно поднимать массы против японских захватчиков [5].

После основания КНР, в период с 1949 по 1966 гг., а именно со времён «Движения против трёх зол и пяти зол», «сельскохозяйственной кооперации», «политики Большого скачка», «коллективного сельского хозяйства» и «движения против правых» до времён культурной революции 1966 – 1976 гг., искусство служило целям политической индоктринации. Сюжеты, содержание и методы изобразительного искусства подчинялись социалистическому канону, который был заимствован и адаптирован КНР из Советского Союза, в период позднего сталинизма это был соцреалистический «большой стиль» [5].

Формально «соцреализм, будучи основным приёмом в советской литературе и литературной критике, требовал от деятелей искусства правдиво, конкретно и с сохранением истории описывать реальность исходя из революционного развития действительности. Одновременно с этим подлинность и историческая конкретика, описываемая в искусстве, должны были сочетаться с задачей по образованию и изменению образа мыслей трудящегося общества в духе социализма». На деле же соцреализм следовал стереотипным образцам, представляя собой разновидность приукрашенного, консервативного, академического искусства [18].

С 1978 г. изобразительное искусство, как и культура в целом, стало развиваться в новом историческом контексте модернизационных реформ. Хотя начиная с 1978 г. художественные явления стали более разнообразными, начали постепенно отходить от роли инструмента политической пропаганды, а также выявили множество сложных проблем, однако бесспорным является то, что культурная преемственность с коммунистическим прошлым не была полностью разорвана.

В период «реформ и открытости» происходит идеино-теоретическое и эстетическое обновление китайской культуры. Китайские деятели искусств знакомятся с работами таких западных художников, как Поль Сезанн, Винсент Ван Гог, Поль Гоген, Анри Матисс, Пабло Пикассо, Василий Кандинский, Пит Мондриан и др. Помимо этого, произведения таких авторов, как Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Жан-Поль Сартр, Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг, Альбер Камю, Ральф Нельсон Эллиott были переведены на китайский язык и привезены в Китай, став «идеологическим оружием» для деятелей искусства. Период начиная с художественной выставки «Звёзды» («Синсин хуахуй») 27 сентября 1979 г. до деятельности художников «Движения-85» является проявлением постепенного ослабления идеологического гнёта и роста творческой свободы в период «реформ и открытости» и характеризуется распространением авангардных направлений в искусстве, которые в совокупности получили название китайского неореализма. Важным этапом на этом пути было проведение в 1989 г. выставки «Китай / Авангард», куратором которой был теоретик авангардного искусства Гао Минлу [4].

Под влиянием социальных преобразований 1980-х гг. соцреализм подвергся критике и был интерпретирован по-новому, что проявилось в так называемых литературе и живописи «шрамов» («Шанхэнь мэйшшу»). Название восходит к появлению в 1978 г. рассказа Лу Синъхуа «Шрамы», где разоблачался ущерб, который нанесла культурная революция молодому поколению. Мастера, работавшие в стиле «живописи шрамов», воспроизводя реалистическими средствами недавнюю эпоху культурной революции, желали осмысливать её и освободиться от её трагического наследия. Яркими примерами работ в стиле «живописи шрамов» могут служить произведения Чэн Цунлиня или серия многочисленных иллюстраций к роману «Дерево Фэн». Особенность подобных работ заключалась в возвращении к истокам реалистической живописи, к основным принципам, которым следовали великие русские живописцы И. Репин, В. Суриков, И. Левитан, особо почитаемые в китайской художественной среде. С этого времени художники стали обращаться к отображению внутреннего мира человека, его психологических характеристик, что было невозможно во времена культурной революции.

К китайскому неореализму относится и такое художественное течение, как деревенский реализм («Сяинту сеши хуэйхуа»). Содержание и художественные принципы «деревенского реализма» – это «почва» и «старина», но именно приобщение к этим «корням» позволяет зрителям по-

чувствовать обновление. Это направление имеет некоторое сходство с советской «деревенской прозой» и примитивизмом в живописи, которые развивались в СССР в период оттепели. Искусство «деревенского реализма» вышло на новый уровень репрезентации действительности, возрождая классическую традицию на новом уровне. С появлением таких картин, как «Отец» Ло Чжунли (1980), «Стальные потоки, ручьи пота» Гуан Тинбо (1981), «Уже проснулся весенний ветер» Хэ Долин (1982), «Может быть, небо всё ещё голубое» Ай Сюань (1984), цикл картин «Тибет» Чэн Даньцин, художники обратились к раскрытию повседневной жизни обычных людей.

В начале XIX в. благодаря влиянию западного модернистского искусства и философии постмодернизма границы реализма расширились. Натурализм, сюрреализм, экспрессионизм и другие новые направления искусства повлияли на трансформацию духа реализма, обновление художественных приёмов и сюжетов. Оригинальным китайским направлением неореализма является «циничный реализм». «Циничный реализм» имеет некоторое сходство и преемственность с западным поп-артом и советским соц-артом, но основан на оригинальных китайских сюжетах и художественных приёмах. Особенностью китайского «циничного реализма» стало то, что повседневные реалии и фантасмагория стали идти рука об руку [7]. Такие художники, как Лэн Цзюнь и Ши Чун, использовав сюрреалистические формы в живописи, с невероятной точностью художественно воспроизвели критику современного общества. Такие художники, как Чжан Сяоган, Пан Маокунь, Фан Лицзюнь и Юэ Миньцзюнь выражали свою критику и высмеивали реальность через гротескное использование традиции официальных портретов партийных вождей. Тематика их работ включает в себя, как правило, юмористический и постироничный взгляд на реалистическую перспективу и интерпретацию пути, который прошло китайское общество, – от появления коммунизма до сегодняшней индустриализации и модернизации страны (см. рис. 1).

Рис. 1. Картина художника
Фан Лицзюня (Fang Lijun)

при в своей живописи [8, 52].

В 2004 г. начались и в 2009 г. завершились масштабные государственные проекты по изобразительному искусству. В 2011 – 2016 гг. осуществлялись культурно-исторические проекты КНР по изобразительному искусству, а также выставки, посвящённые празднованию 100-летия КПК, образованию КНР и победе в Великом походе. «Эти картины стали историей, которая описывалась современной реальностью, или современной реальностью, описываемой историей» [9]. Неореализм в этот период получил государственное признание и поддержку, его официальная институционализация завершилась, он рассматривается как важная часть современного культурного капитала КНР.

Таким образом, на протяжении ста лет, прошедших с начала XX в., китайское общество, политика и экономика претерпели сложные и поразительные изменения. На фоне трагических со-

Такие художники, как Лю Сядун, Юй Хун, Янь Пин, Ван Юйпин, Шэнь Линдэн, предпочитали описывать истинный вид повседневной жизни вместо идеализированных образов, свойственных соцреализму. Для того чтобы передать реальность, они использовали те мелочи, на которые обычно никто не обращал внимания, и тех людей, которых тоже не воспринимали как значимых. Художественное творчество таких художников, как Дуань Чжэнцзюй, Чжан Эньли, Цзэн Фаньчжи, идеализирует трагические чувства, они выражают свою заинтересованность в реальности, используя исключительно конкретный творческий опыт. Школа нового реализма, созданная в 2004 г. такими художниками, как Ван Идун, Ай Сюань, Ян Фэйлонь, является относительно стабильной организацией. Они, с одной стороны, вернули сущность языка живописи, стремились использовать технику реализма в живописи, с другой стороны, сформулировали гуманистический подход к реализму с помощью гуманистической теории.

циально-политических конфликтов и волн модернизации культуры и искусство Китая также пережили ряд глубоких трансформаций. В русле ассимиляции и критики западного реализма и советского соцреализма в КНР возникли оригинальные течения китайского неореализма (включая «живопись шрамов», «деревенский реализм» и «циничный реализм»), значительно обогатившие реалистическую живопись новыми формами и содержанием. Неореализм заимствует западные постмодернистские концепции поп-арта, в гротескной и сатирической форме развенчивает политические стереотипы прошлого. Анализ реалистической живописи конца ХХ – начала ХХI вв. позволяет проследить, как трансформация прежних живописных канонов отражает стремление общества освободиться от давления идеологии и переосмыслить ценностные ориентиры предшествующей эпохи. Возникнув как протестное авангардное искусство, неореализм позже занял прочные позиции в Китае и за рубежом, став «визитной карточкой» китайской современности и добившись официального признания и коммерческого успеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лу Вэя. Хроники китайского искусства / Лу Вэя. – Пекин: China Youth Press, 2012. – 1454 с.
2. Шуй Тяньчжун. История китайского искусства XX века. Живопись маслом / Шуй Тяньчжун, Сюй Хун. – Шанхай: Шанхайское народное издательство изящных искусств, 2020. – 121 с.
3. Тан Сяобин. Плавные изображения: переосмысление современной китайской визуальной культуры / Тан Сяобин. – Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2019. – С. 52-57.
4. Лу Минцзюнь. Художественная революция и современный Китай: радикальные корни современного китайского искусства / Лу Минцзюнь. – Пекин: Коммерческая пресса, 2020. – С. 112-113.
5. Чжу Циншэн. Тринадцать видов знакомств с современным китайским искусством / Чжу Циншэн. – Пекин: Коммерческая пресса, 2020. – 365 с.
6. Крина Масоя. Всеобщая история искусства Гарднера / Крина Масоя, Ли Цзяньцзюнь. – Чанша: Издательство Хунань изящных, 2013. – 534 с.
7. Чжэн Ньянти. История искусства: с 1940 г. по настоящее время / Чжэн Ньянти. – Шанхай: Издательство Шанхайской академии социальных наук, 2015. – 713 с.
8. Чжу Чжу. Рождение картины / Чжу Чжу. – Пекин: Издательский дом New Star, 2010. – С. 52-57.
9. Чжу Чжу. Серый карнавал: современное китайское искусство с 2000 года / Чжу Чжу. – Guangxi Normal University, 2010. – 378 с.
10. Мусалитина, Е. А. Визуализация власти ХХI века в современном китайском кино / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № IV-2 (40). – С. 88-93.
11. Су И. Коллекции художественной мысли Китайской Республики / Су И. – Шанхай: Шанхайское издательство живописи и каллиграфии, 2014. – С. 111-113.
12. Цао Баохуа. Проблемы советской литературы и искусства / Цао Баохуа. – Пекин: Издательство Народной литературы, 1953. – 246 с.
13. Тан Синь. Huajiadi: 1979-2004 гг. Личный опыт развития современного китайского искусства / Тан Синь. – Гонконг: China Yingcai Publishing Co., Ltd., 2005.
14. Гао Минлу. Китайский максимализм / Гао Минлу. – Чунцин: Издательство Чунцин, 2003. – 123 с.
15. Чжао Кэфэй. Комната Мин: Заметки о фотографии / Чжао Кэфэй. – Пекин: Пресса Китайского университета Жэньминь, 2011. – 180 с.
16. Цао Ицян. Искусство и история: исторические достижения Haskell и развитие западной истории искусства / Цао Ицян. – Пекин: The Commercial Press, 2020. – 192 с.
17. Фуко, М. Картина Мане: Мишель Фуко, взгляд / М. Фуко, Се Цян; пер. Ма Юэ. – Чжэнчжоу: Henan University Press. 2016. – 269 с.
18. Гультяева, Г. С. Реалистическая живопись Китая ХХ века в контексте визуализации культуры / Г. С. Гультяева // Обсерватория культуры. – 2021. – № 18 (1). – С. 32-43.

ИСТОРИЯ HISTORY

Лю Синтао, Виноградов И. С.
Liu Xintao, I. S. Vinogradov

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЕГО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

MULTILATERAL COOPERATION IN NORTHEAST ASIA AND ITS RUSSIAN-CHINESE DIMENSION

Лю Синтао – аспирант кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва); 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; тел. 8(499)956-99-99. E-mail: xt83tree@aliun.com.

Liu Xintao – PhD Student, Department of World History, School of Contemporary Humanitarian Studies of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow); Moscow, 82 Vernadsky Ave.; tel. 8(499)956-99-99. E-mail: xt83tree@aliun.com.

Виноградов Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (Россия, Москва); 117997, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; тел. 8(499)129-12-77. E-mail: vinbel19@mail.ru.

Ilia S. Vinogradov – PhD in History, Senior Researcher at Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow); Moscow, 32 Nakhimovsky pr.; tel. 8(499)129-12-77. E-mail: vinbel19@mail.ru.

Аннотация. Северо-Восточная Азия – особый регион. Его интеграционный процесс сложен, противоречив и подвержен влиянию фактора исторической памяти и столкновению геополитических интересов. Это сказывается на сотрудничестве в сфере безопасности и экономики – страны азиатского северо-востока не могут сформировать специальные механизмы для регионального сотрудничества. С ускорением процесса экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на евразийском пространстве перед Северо-Восточной Азией (СВА) открылись новые возможности налаживания сотрудничества на многосторонней основе. Китай и Россия как крупнейшие страны региона способны объединить усилия для сопряжения Большого евразийского партнёрства и инициативы «Пояс и путь», тем самым укрепляя интеграционные возможности СВА с опорой на евразийский континент. В статье рассматриваются вызовы, с которыми сталкивается многостороннее сотрудничество в Северо-Восточной Азии, а также факторы, определяющие его эволюцию. В статье также проанализирован потенциал российско-китайских отношений, исследована геоэкономическая связь Китая и России с другими странами региона. Авторы определяют роль, которую Китай и Россия могут сыграть перед лицом конфликтов внутри и за пределами СВА. Вывод авторов таков: в настоящее время полноценная интеграция Северо-Восточной Азии невозможна в силу проамериканской политики Японии и Южной Кореи. Тем не менее пространство для налаживания сотрудничества есть. Россия и Китай разделяют заинтересованность во взаимной торговой кооперации, а также в совместном использовании транспортной инфраструктуры России и разработке её природных ресурсов.

Summary. Northeast Asia is a specific region. Its integration process is complex and contradictory, and, it is influenced on by historical memory and a clash of geopolitical interests. This affects cooperation in the field of security and economy, as Northeast Asian countries cannot form special mechanisms for regional cooperation. As the process of economic integration in the Asia-Pacific region and across the Eurasian area gains traction, new opportunities for multilateral cooperation open up for Northeast Asia. As the largest countries in the region, China and Russia are able to join efforts to synergize the Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative, thereby strengthening integration mechanisms in Northeast Asia premised on the Eurasian continent. The article discusses the challenges encountered by multilateral cooperation in Northeast Asia, as well as the factors that shape its evolution. In addition, the article examines the potential of Russian-Chinese relations, explores geo-economic links between China and Russia and other regional states. The authors identify the role that China and Russia can play in handling conflicts within and outside the region. The authors argue that at present, full-fledged integration of Northeast Asia across the whole region is impossible due to the pro-American policies of Japan and South Korea. Nevertheless, there is a room for promoting cooperation. Russia and China share interest in trade cooperation, as well as in joint use of Russia's transport infrastructure and exploration of its natural resources.

Лю Синтао, Виноградов И. С.

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЕГО
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, многостороннее сотрудничество, Россия, Китай, возможности, препятствия, безопасность, интеграция.

Key words: Northeast Asia, multilateral cooperation, Russia, China, opportunities, obstacles, security, integration.

УДК 327

Многостороннее сотрудничество в Северо-Восточной Азии: оценки и реалии. В академических кругах существуют разные определения Северо-Восточной Азии (СВА) с точки зрения географии. В данной статье в качестве объектов исследования указаны Россия, Монголия, Китай, Северная Корея, Южная Корея и Япония. Взаимодействие шести стран региона, а именно многостороннее сотрудничество в СВА, является предметом данного исследования. Среди этих государств Китай, Япония и Южная Корея являются наиболее технологически развитыми экономиками региона и оказывают значительное влияние на экономическое развитие Восточной Азии. Являясь влиятельной политической и военной державой и уделяя растущее внимание развитию Дальнего Востока, Россия заинтересована в многостороннем сотрудничестве. Большое значение имеет вовлечение Северной Кореи в региональные производственные и торгово-логистические цепочки. Нельзя недооценивать и географическое значение Монголии с её транспортно-логистическим потенциалом. Однако на пути начала процесса региональной интеграции региона стоят серьёзные препятствия, о которых речь пойдёт ниже.

Спустя более 30 лет после окончания холодной войны Северо-Восточная Азия значительно отстала по масштабам и глубине региональной интеграции по сравнению с общемировыми трендами. Представители академических кругов разных стран дают оценки возможности формирования механизмов политического диалога в области экономики, политики и безопасности.

Ван Цзюньшэн считает, что страны СВА должны прежде всего сосредоточиться на конкретных вопросах, которые могут способствовать продвижению общих интересов с точки зрения построения многостороннего механизма безопасности. Это предполагает реализацию экономических выгод, укрепление доверия, развитие коммуникаций и, конечно же, координацию политики Китая и России в отношении Северной Кореи [16, 75]. Чжан Юньлин придерживается мнения, что формирование регионального порядка Азии требует двух составляющих: 1) общее участие всех региональных игроков; 2) реализация общих интересов. Без участия Северной Кореи этот процесс может быть только конфронтационным. Целью многостороннего сотрудничества в СВА должно стать построение сообщества Северо-Восточной Азии с общим будущим, ядром которого будут безопасность, экономика и социальная культура [18, 8].

В свою очередь, Ли Юнхуэй подчёркивает: расширение экономической интеграции в Северо-Восточной Азии отвечает хозяйственным интересам Китая и России. У России есть все виды ресурсов, необходимые для развития региона, а Китай, Япония и Южная Корея располагают финансовыми и технологическими возможностями для обеспечения экономического прогресса [3, 77].

Наконец, А. В. Лукин полагает, что Россия пока слабо вовлечена в интеграционные процессы в регионе. Без России, Монголии, а также КНДР экономическое сообщество Северо-Восточной Азии не будет полноценным. Кроме того, с включением России и Монголии более широкий состав сообщества Северо-Восточной Азии будет служить амортизационным фактором политических противоречий в отношениях Китай-Япония и Корея-Япония, которые серьёзно тормозят развитие сотрудничества и его институционального оформления [4, 142].

Специалисты выделяют ряд проблем региональной интеграции. Согласно мнению Дун Сянжуна, во-первых, отсутствует институционализированная структура сотрудничества, охватывающая весь регион. В настоящее время действует только один открытый форум – Восточный экономический форум, основанный Россией. До недавнего времени в форуме принимали участие главы Китая, Японии, Южной Кореи и Монголии. Во-вторых, недостаточен консолидирующий потенциал действующих многосторонних механизмов. Из-за исторических проблем, территориальных споров и других факторов встречи лидеров Китая, Японии и РК не могут быть поставлены на стабильную основу. В-третьих, двустороннее сотрудничество осуществляется неровно.

В-четвёртых, происходит конкуренция между механизмом межрегионального сотрудничества и механизмом внутрирегионального сотрудничества. Примеры включают Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (РСЕР, ВРЭП) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТПП) [17].

Значение Северо-Восточной Азии для Китая и России и их преимущества в региональном многостороннем сотрудничестве. Несмотря на очевидные трудности интеграции с полноценным географическим охватом в СВА, у России и Китая есть значительный потенциал для создания совместных многосторонних механизмов.

Отношения между Китаем и Россией после окончания холодной войны продемонстрировали хороший пример межгосударственных отношений нового типа, добрососедства, взаимной поддержки и стремления к обоюдному выигрышу.

Во-первых, две страны объединили усилия в укреплении взаимной безопасности и реализации инициатив регионального развития. После окончания холодной войны китайско-российские отношения вышли на уровень стратегического партнёрства, это отразилось как на торгово-экономическом взаимодействии, так и в области демаркационных соглашений и военно-стратегического сотрудничества (в рамках ШОС, через совместные военные учения, трёхсторонние военные учения с участием Ирана). На политическом и идеологическом уровнях стороны пришли к ключевому консенсусу о неизбежности формирования многополярного мира и стремления выстраивать равноправный и взаимовыгодный компромиссный диалог, в том числе с учётом интересов развивающихся государств. Это нашло отражение в формировании таких международных площадок, как ШОС и БРИКС.

Выдвинутые Китаем и Россией концепции регионального сотрудничества и даже глобального управления отражают близость их позиций. Китай стремится построить «сообщество единой судьбы человечества». Российская инициатива Большого евразийского партнёрства не только перекликается с китайской инициативой «Один пояс, один путь», но также способствует экономическому и торговому сотрудничеству между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН. В 2015 г. лидеры России и Китая подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути, а в мае 2018 г. было подписано соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), что стало новой вехой в строительстве «Пояса и Союза» [3, 74].

Во-вторых, у двух стран есть потенциал для развития диалога в сферах промышленности, энергетики и инфраструктуры. Что касается Китая, то реализация инициативы «Пояс и путь» принесла пользу России и Монголии, а перевозки из Китая в Европу придали динамику Транссибирской и Байкало-Амурской магистралям. Рациональное продвижение Китаем строительства Экономического пояса Шёлкового пути в сопряжении с российским проектом ЕАЭС будет выгодно многим сторонам, позитивно скажется на развитии российских сибирских и дальневосточных территорий РФ, усилит роль Монголии как транспортного узла в Экономическом коридоре Китай-Монголия-Россия и т. п. Особое значение в укреплении взаимодействия и дружбы между двумя странами отводится приграничным территориям. Успешное торговое сотрудничество, активизация туристических обменов способствуют развитию приграничных городов провинции Хэйлунцзян (Хэйхэ, Суйфэнхэ, Фуюань) [5, 64], которые из деревень превращаются в современные городские агломерации и, соответственно, благоприятно влияют на экономику российских городов (Хабаровска, Благовещенска и др.).

Многочисленные санкции, наложенные на Россию после начала специальной военной операции на Украине, не мешают двум странам развивать экономическое партнёрство и широкое стратегическое сотрудничество. Примером тому служит широкомасштабное участие Китая в учениях «Восток-2022». Россия и Китай прорабатывают вопросы финансовой безопасности и усиливают механизмы взаиморасчётов в национальных валютах. Как отмечает помощник Президента России Ю. В. Ушаков, главы двух государств активно ведут переговоры по созданию новой финансовой межбанковской структуры (аналог SWIFT), на которую не смогли бы влиять третий

страны. Кроме того, с обеих сторон было подтверждено стремление вывести взаимную торговлю на уровень 200 млрд долларов [7].

Как отмечает Ли Юнхуэй, именно общие интересы в сфере региональной безопасности обуславливают поступательный характер развития российско-китайских отношений. В основе отношений нового типа России и Китая лежат следующие принципы, которые могут рассматриваться как образец для строительства регионального сотрудничества между странами СВА:

1. взаимное уважение и равноправие в политическом взаимодействии;

2. неприсоединение, неконфронтационность, ненаправленность против третьих сторон, отсутствие идеологической составляющей. Урок о целесообразности проведения политики неприсоединения и неконфронтационности был вынесен из истории блокового противостояния времён холодной войны. Опора на постоянные государственные интересы, а не на поиски врагов и отставивание интересов других политических сил, должна лежать в основе сотрудничества;

3. сотрудничество с целью достижения взаимного выигрыша является надёжной движущей силой в деле развития двусторонних отношений [3, 74].

Принцип «навеки друзья и никогда враги» [2], который используется официальными лицами для характеристики отношений двух стран, способствует формированию атмосферы дружбы и доверия. Данная максима является образцом для выстраивания подлинно партнёрских отношений между странами.

Трудности на пути выстраивания многостороннего сотрудничества в СВА и американский фактор. Китай-Япония-Южная Корея. Китай как страна с крупнейшей экономикой в регионе, оказывающая большое влияние на соседние страны, с точки зрения традиционной культуры мог бы стать естественным центром СВА. Однако беспокойство вызывает то обстоятельство, что чем больше Китай укрепляет сотрудничество с соседями в СВА, тем больше Япония и Южная Корея опасаются китайского влияния и тем сильнее их стремление укреплять союз с США.

Огромный рынок Китая привлекает Японию и Южную Корею. Глядя на основных торговых партнёров Китая, Япония и Южная Корея даже опережали США по экспортту в КНР (см. табл. 1). Несмотря на глобальный экономический спад, покупательная способность Китая по-прежнему высока. В последние годы Китай сосредоточился на повышении конкурентоспособности своей продукции. Стратегический план «Сделано в Китае 2025» задал тон долгосрочной промышленной политике страны и постепенно обеспечил преимущество КНР в промышленных и производственных мощностях. Хотя южнокорейская компания Samsung закрыла свои заводы в Китае под влиянием множества факторов, она по-прежнему осуществляет производство некоторых мобильных телефонов в КНР. Японские компании Toyota, Mitsubishi и другие производители автомобилей уже давно открыли заводы в Китае и добились значительных успехов.

Таблица 1
Товарооборот Китая с основными партнёрами в 2021 г. [12]

Основные партнёры Китая	Европейский Союз	АСЕАН	Южная Корея	Япония	США
Экспорт из Китая, млрд долларов	518,2	483,7	148,9	165,8	576,1
Импорт в Китай, млрд долларов	309,9	394,5	213,5	205,6	180
Объём двусторонней торговли, млрд долларов	828,1	878,2	362,4	371,4	755,6

В политике США при администрации Д. Байдена усилились тенденции к сдерживанию Китая и России. Очевидны попытки США по сплочению своих восточноазиатских союзников против «китайской угрозы» и, пользуясь терминологией официальных лиц Вашингтона, «агрессивной политики России». Знаковым событием стало участие премьер-министра Японии Кисиды и президента РК Юн Сок Ёля в саммите НАТО в Мадриде летом 2022 г. США прикладывают усилия для объединения своих союзников для противостояния Китаю и России. В том числе для этого проводятся трёхсторонние саммиты США-Япония-РК, военно-морские учения. В 2022 г. Южная Корея

отправила на проводимые под руководством США учения Rim of the Pacific 2022 (RIMPAC 2022) в Тихом океане самый большой за всю их историю военный контингент. Китайские эксперты расценили это как опасный сигнал, а именно что администрация Юн Сок Ёля отклоняется от нейтральной линии в отношении китайско-американской конкуренции [13].

В целом, риторика администрации Д. Байдена, указание на Китай и Россию как на главные вызовы США способствуют нагнетанию напряжённости. Вашингтон заинтересован в создании благоприятного для себя «свободного и открытого» Тихого океана (согласно своей новой Индо-Тихоокеанской стратегии), и поэтому стремится создать удобные для себя геополитические условия, что во многом идёт вразрез с интересами самих стран региона.

Есть основания предполагать, что в перспективе трения между государствами азиатского северо-востока усилятся. Япония и Южная Корея неизбежно будут вовлечены в американские военно-политические инициативы по безопасности, эскалация спора вокруг островов Дяоюйдао (на которые претендуют Китай и Япония) или инциденты, подобные размещению американских ракетных комплексов THAAD в Южной Корее, равно как визиты высокопоставленных американских чиновников на Тайвань (что небезосновательно вызывает тревогу Пекина), будут происходить постоянно.

В сфере экономики США приняли Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС), институционализируя новую Индо-Тихоокеанскую стратегию. По своей сути данная инициатива является американским ответом на ВРЭП, в котором Китай является главным драйвером торгово-экономической интеграции. Кроме того, в июне 2022 г. США и Тайвань запустили инициативу, направленную на продвижение инновационных обменов и устранение торговых барьеров. Ответ КНР включает в себя использование обширного экономического сотрудничества с Японией и Южной Кореей как в рамках ВРЭП, снимая барьеры на товарный экспорт, так и на двухстороннем уровне. Однако, несмотря на слаживающую роль «экономизации» отношений, повод для серьёзной обеспокоенности привносит политический фактор. Япония и Южная Корея интегрированы в Индо-Тихоокеанскую стратегию США. Япония является участником QUAD – четырёхстороннего диалога по безопасности (с участием США, Индии и Австралии), президент Южной Кореи Юн Сок Ёль выразил желание стать участником этого альянса. Такое сотрудничество начинает приобретать экономическое измерение. На саммите QUAD в мае 2022 г. в Токио лидеры «Четвёрки» условились совместными усилиями повышать устойчивость цепочек поставок, сообща внедрять «открытые и безопасные телекоммуникационные технологии» и договорились о партнёрстве в сфере кибербезопасности и совместном противодействии киберугрозам [6].

Систему безопасности, которую выстраивает АСЕАН посредством своих диалоговых площадок (АРФ, СМОА+ и ВАС), сложно считать основным фактором сближения стран СВА. Хотя все шесть стран Северо-Восточной Азии в настоящее время участвуют в Региональном форуме АСЕАН (АРФ), его деятельность не сосредоточена на СВА. Восточноазиатский саммит и СМОА+ не имеют наднациональных полномочий [15, 18]. Тем не менее образованный в 1997 г. формат АСЕАН+3 послужил драйвером формирования Саммита Китай-Япония-РК, который, в свою очередь, стал одной из площадок осуждения направлений, мер и механизмов формирования ВРЭП. Некоторые аналитики считают, что ВРЭП менее амбициозно по сравнению с Транстихоокеанским партнёрством (ТТП) по глубине и широте положений. Однако в плюс ВРЭП идёт стимулирование производственных цепочек, т. к. в преференциальный режим будут попадать товары, производство которых распределено по странам – членам ВРЭП, включая СВА, поэтому экономическим акторам выгодно будет размещать там предприятия и осуществлять коммерческую деятельность.

Россия-Япония, Республика Корея и КНДР. В теории Россия могла бы играть роль балансира регионального сотрудничества. В активе РФ – высокий уровень политического доверия с Китаем, энергетический и транспортный потенциал. Большая часть торговых и инвестиционных связей России с АТР приходится на страны СВА. Поэтому Россия, безусловно, заинтересована в создании институциональных механизмов в Северо-Восточной Азии и своём подключении к ним, однако исключительно с учётом собственных национальных интересов и после устранения сопутствующих политических препятствий [4, 138].

С экономической точки зрения преимущества России в энергетике и транспорте являются важным фактором заинтересованности в сотрудничестве с ней со стороны её партнеров из СВА. Показателен пример РК. С одной стороны, российская энергетика, природные ресурсы, транспортные возможности привлекают Южную Корею. С другой стороны, хорошо развитая судостроительная, автомобильная промышленность, электроника Южной Кореи пользуется спросом в России.

В 2017 г. на Восточном экономическом форуме Южная Корея изложила свою «Новую северную политику», где была сформулирована цель Южной Кореи по развитию отношений с соседними странами и продвижению мирного процесса на Корейском полуострове. А в 2018 г. Южная Корея и Россия совместно объявили о возобновлении переговоров по соглашению о свободной торговле, охватывающему товары, услуги и инвестиции. В ходе встречи в 2019 г. министры иностранных дел двух стран акцентировали внимание на «перспективах трёхстороннего сотрудничества в области железнодорожных транзитных перевозок, газопроводов и линий электропередач» с участием Северной Кореи. На V Восточном экономическом форуме темой российско-корейского бизнес-диалога стало «Расширение промышленного сотрудничества на основе плана “Девять мостов” для использования импульса роста». Среди них большое коммерческое значение имеет предложение южнокорейской стороны построить туристический пояс вокруг Восточно-Китайского моря, который охватит Южную Корею, Китай, Северную Корею и Россию. В 2020 г. министр по делам объединения Южной Кореи Ли Ин Ен выразил готовность способствовать прогрессу межкорейских отношений и восстановить «взаимное доверие» посредством сотрудничества между Южной Кореей и Россией. Таким образом, очевидна южнокорейская заинтересованность в сотрудничестве с соседями в СВА. Однако внешняя политика РК с приходом президента Юн Сок Ёля заметно усилила проамериканский вектор, а введение санкций против России фактически сводит на нет предыдущие достижения двусторонних отношений. Кроме того, Южная Корея неуклонно увеличивает свои военные расходы [1], что только способствует эскалации напряжённости в регионе. Таким образом, во внешней политике Южной Кореи наблюдается дисбаланс между национальными интересами и проамериканским креном.

В отношениях России и Японии наблюдается похожая ситуация, которая, однако, усугубляется территориальным спором и отсутствием мирного договора. При администрации Синдзо Абэ в российско-японских отношениях намечалось определённое потепление, развивались экономические и гуманитарные контакты, в том числе связанные с разрешением японским гражданам посещать Курильские острова без визы. Важным фактором интереса Японии является огромный транспортный и энергетический потенциал Сибири и Дальнего Востока. В 2020 г. начал опытную эксплуатацию Евразийский грузовой поезд, который стал осуществлять контейнерные перевозки по Транссибирской магистрали. Особого упоминания заслуживает энергетическое сотрудничество – японские компании участвуют в строительстве третьей производственной линии в рамках проекта «Сахалин-2», освоении ресурсов Арктики, строительстве Камчатского перевалочного комплекса СПГ, других проектах.

Премьер С. Абэ демонстрировал стремление Токио к заключению мирного договора при сохранении претензий на часть Южно-Курильских островов. Однако при премьере Ф. Кисида японской политике свойственен негибкий подход: требования на Южно-Курильские острова расширились, антироссийская риторика ужесточилась. Кроме того, Токио занял враждебную позицию по поводу специальной военной операции России на Украине и присоединился к антироссийским санкциям. Прекращён политический диалог, взят курс на снижение зависимости от российского газа. Япония «держится» только за проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2» [11]. Это происходит на фоне последовательной политики Токио по реализации американской стратегии выстраивания Индо-Тихоокеанского региона с целью сдерживания Китая и России. Вызывает беспокойство тенденция к милитаризации Японии: японское оборонное ведомство отмечает успехи в производстве гиперзвуковых ракет большой дальности, а также значительное увеличение оборонного бюджета страны на 2023 г. В августе 2022 г. японские СМИ сообщили, что Япония рассматривает возможность накопления арсенала из более чем 1000 ракет большой дальности, чтобы сократить

«ракетный разрыв» с Китаем [14]. Эти сигналы являются ответом на рост напряжённости в Тайваньском проливе летом 2022 г., однако они также свидетельствуют о переходе Японии от оборононой военной стратегии к наступательной.

В целом, конфронтационная позиция Токио в отношении Москвы и стремление противостоять усилению Пекина только отдаляют Японию от совместной интеграции в Северо-Восточной Азии. И тем не менее Япония и Южная Корея до конца не разрывают экономические связи с Россией. Это видно по тому, как южнокорейские компании по-прежнему сохраняют присутствие на российском рынке, а Япония всё-таки остаётся в газовых проектах на Сахалине. Это говорит об их естественной заинтересованности в экономическом сотрудничестве, несмотря на серьёзные политические коллизии.

Одним из острых вопросов остаётся мирное разрешение ядерной проблемы на Корейском полуострове и постепенное вовлечение КНДР в процессы интеграции в Северо-Восточной Азии. После окончания Второй мировой войны развитие Северной Кореи было привязано к поддержке со стороны Китая и СССР, и сегодня в контексте санкций ООН и напряжённости в отношениях между региональными странами сотрудничество с Пекином и Москвой исключительно важно для Пхеньяна.

С марта 2018 г. северокорейский лидер Ким Чен Ын четыре раза посещал Китай, что свидетельствует о его большом значении для КНДР. Развиваются и китайско-северокорейские неправительственные обмены: в июле 2019 г. группа китайских медицинских экспертов посетила Пхеньян для проведения операций по восстановлению зрения у северокорейских пациентов с катарктой и обсуждения сопутствующих вопросов. В сентябре того же года Институт Конфуция и Пхеньянский университет иностранных языков подписали соглашение о сотрудничестве по совместному строительству центра китайского языка.

В апреле 2019 г. Ким Чен Ын впервые за время своего пребывания на посту руководителя КНДР посетил РФ и встретился с Президентом РФ В. В. Путиным во Владивостоке, а в сентябре того же года вице-премьер КНДР Ли Ён Нам возглавил северокорейскую делегацию для участия в Восточном экономическом форуме. Заметно активизировались политические контакты между двумя странами. Из-за санкций ООН и нехватки у КНДР иностранной валюты страна не может приобретать товары вне сферы действия санкций, а согласно соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН северокорейские рабочие с рабочими визами не могут находиться в России с 22 декабря 2019 г. Однако КНДР проводит дружественную России политику, и Пхеньян официально признал независимость Донецкой и Луганской народных республик. Как отметил зампредседателя правительства России М. Ш. Хуснуллин, возможно участие северокорейских строителей в восстановлении ДНР и ЛНР [8]. Кроме того, Россия помогает КНДР поставками продуктов питания, лекарствами и нефтепродуктами. В 2020 г. РФ поставила в КНДР 25 тысяч тонн отборной пшеницы, что для последней было очень важно после разразившихся там стихийных бедствий и усилившейся нехватки продуктов питания [10].

Нынешний баланс сил вокруг Корейского полуострова основан на временном статическом равновесном состоянии, основанном на взаимной сдержанности крупных держав, и в этом состоянии северокорейский режим находится в состоянии мира. С этой точки зрения Китай и Россия – единственные субъекты международных отношений, на которые может рассчитывать Северная Корея. Более того, до санкций ООН важными источниками иностранной валюты для Северной Кореи были торговля углём с Китаем и экспорт рабочей силы в Россию. Китай надеется положить начало реформам и открытости Северной Кореи, а также открыть зону экономического и торгового сотрудничества Расон между Китаем и КНДР. Россия заинтересована, чтобы её территории опережающего развития на Дальнем Востоке развивались в координации с особыми торговыми зонами Северной Кореи.

Таким образом, к основным межгосударственным проблемам, препятствующим интеграции в Северо-Восточной Азии, можно отнести следующие:

- влияние США на внешнюю политику Японии и Южной Кореи, их вовлечённость в американские проекты по выстраиванию Индо-Тихоокеанского региона, присоединение к антироссийским санкциям;

- провоцирование США эскалации вокруг Тайваньского пролива;
- территориальные споры между странами СВА;
- взаимное недоверие между странами СВА, в том числе из-за опасений перед экономической экспансии Китая, а также исторических проблем;
- милитаризация Корейского полуострова;
- рост милитаризации Японии.

Перспективы многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии. В настоящее время сотрудничество между шестью странами СВА фрагментарно и не связано в единую региональную идею и единый механизм, целью которого является совместное развитие. В сфере политики и безопасности, с одной стороны, есть ШОС с Китаем и Россией, с другой – американоцентрические альянсы с участием Японии и Южной Кореи. В области экономики, с одной стороны, Зона свободной торговли ВРЭП с участием Китая, Японии, Южной Кореи, с другой стороны, Экономический коридор Китай-Монголия-Россия. Кроме того, многообещающим проектом была Расширенная туманганская инициатива (РТИ) по созданию механизма межправительственного сотрудничества в СВА, поддерживаемого Программой развития ООН, в которую входят КНР, Республика Корея, Монголия и Российская Федерация. Сегодня это площадка международного сотрудничества, в рамках которой исследуются и пропагандируются транспортные коридоры СВА [9]. Однако РТИ так и не вышла на уровень реализации конкретных инфраструктурных проектов. Отсутствие Японии, выход из инициативы Северной Кореи в 2009 г. и, как следствие, отсутствие возможности осуществлять полноценный диалог снижают привлекательность РТИ.

Пекину по-прежнему не хватает опыта и комплексной мощи для управления процессами регионального сотрудничества. Хотя развитие инициативы «Пояс и путь» неуклонно продвигается, под давлением США две крупнейшие экономики – Япония и Южная Корея – не могут полноценно подключиться к ней.

В свою очередь, Россия практически не включена в экономическую интеграцию в АТР. Существуют лишь отдельные соглашения о зонах свободной торговли, например, между ЕАЭС и Вьетнамом. Москва выдвигала идею налаживания интеграционного взаимодействия между ЕАЭС, Шанхайской организацией сотрудничества и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), однако это предложение нуждается в конкретном наполнении. Россия также не участвует в соглашении о ВРЭП, что существенно ослабляет интерес к сотрудничеству с ней, в том числе со стороны государств СВА.

Пока южнокорейские и японские элиты будут лишены реального суверенитета в проведении своей внешней политики, о создании полноценных механизмов интеграции в СВА сложно говорить. Поэтому логичнее сосредоточиться в данный момент на усилении взаимодействия между Россией, Китаем и Монгoliей с возможным созданием специальных механизмов, а также привлечением к сотрудничеству стран АСЕАН и ШОС, параллельно прорабатывая возможности налаживания многстороннего сотрудничества в СВА.

Поддержание безопасности является главной задачей Китая и России в Северо-Восточной Азии. Двум странам необходимо корректировать свои внешнеполитические стратегии, в конечном итоге формируя конвергенцию представлений о модели безопасности азиатского северо-востока. Несмотря на политику Вашингтона по выстраиванию Индо-Тихоокеанского региона, Пекину и Москве необходимо реализовывать систему многстороннего сотрудничества, основанную на гармонии, взаимном доверии и безопасности в политике, а также взаимной выгоде в экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. За пятнадцать лет военный бюджет Южной Кореи вырос в 2,5 раза // ИА REGNUM. 29.08.2019. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/2703357.html> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.
2. Иванов, Г. «Скала, противостоящая течению». Крепка ли дружба России и Китая? / Г. Иванов, В. Цепляев // Аргументы и Факты. 24.01.2019. – URL: https://aif.ru/money/economy/skala_protivostoyashchaya_techeniyu_krepka_li_druzhba_rossii_i_kitaya (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.

3. Ли Юнхуэй. Китайско-российские отношения и региональное сотрудничество в Северо-Восточной Азии / Ли Юнхуэй // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – Т. 24. – № 24. – С. 69-79.
4. Лукин, А. Л. Россия и формирующееся экономическое сообщество Северо-Восточной Азии: роль Республики Корея / А. Л. Лукин // Ойкумена. – 2016. – № 3. – С. 136-143.
5. Петрунина, Ж. В. Составляющие диалога в российско-китайском приграничье в XXI веке (на примере развития города Фуюань) / Ж. В. Петрунина, Чэн Ци // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № IV-2 (60). – С. 63-67
6. Портякова, Н. Сообразили про двоих: КНР и Россия стали главными темами саммита QUAD / Н. Портякова // Известия. 24.05.2022. – URL: <https://iz.ru/1339101/nataliia-portiakova/soobrazili-pro-dvoikh-knr-i-rossiia-stali-glavnymi-temami-sammita-quad> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.
7. Президенты России и Китая договорились создать независимую финансовую структуру // Forbes. 15.12.2021. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/449821-prezidenty-rossii-i-kitaa-dogovorilis-sozdat-nezavisimuu-finansovuu-strukturu> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст: электронный.
8. Рабочие из КНДР могут поучаствовать в восстановлении Донбасса // Ведомости. 19.08.2022. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/08/19/936759-v-pravitelstve-dopustili-ispolzovanie-rabochih-iz-kndr-dlya-vosstanovleniya-donbassa> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.
9. Расширенная туманганская инициатива (РТИ) // Сайт Министерства транспорта РФ. – URL: <https://mintrans.gov.ru/eye/activities/69/265> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.
10. Россия передала КНДР 25 тыс. тонн пшеницы в качестве гуманитарной помощи // ТАСС. 14.05.2020. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/8470351> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст: электронный.
11. Япония сменила правительство. Как это аукнется на отношениях с Россией // Интернет-издание «Секрет фирмы». 10.08.2022. – URL: <https://secretmag.ru/news/vostokovedy-ocenili-povliyayut-li-politicheskie-perestanovki-v-yaponii-na-otnosheniya-s-rossiei-10-08-2022.htm> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.
12. Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2021 // General administration of customs People's Republic of China. 18.01.2022. – URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/4fa6c0f4-fe9e-4e23-be97-5ec6422f498a.html> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст: электронный.
13. Leng Shumei, Wang Wenwen S. Korea sends largest-ever contingent to RIMPAC, a ‘dangerous’ move to deviate from neutral stance for US Indo-Pacific strategy // Global Times. 02.07.2022. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202207/1269579.shtml> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст: электронный.
14. Tokyo’s militaristic tendency raises regional tensions and alarm as anniversary of the victory in the War of Resistance Against Japanese Aggression approaches // Global Times. 01.09.2022. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202209/1274427.shtml> (дата обращения: 01.09.2022). – Текст: электронный.
15. Ван Сэнь Лэнчжань хоу дунмэн туйдун ся дэ дуня цюйой хэцзо: цзиньчэн, дунинь цзи сяньду [Восточноазиатское региональное сотрудничество в рамках продвижения АСЕАН после холодной войны: процесс, мотивация и ограничение] // Чжаньлюэ цзюэцэ яньцю [Исследование стратегических решений]. – 2016. – № 1. – С. 18.
16. Ван Цзюньшэн Дунбэй я добянь аньцюань цичжи: цзиньчжань юй чулу [Многосторонний механизм безопасности в Северо-Восточной Азии: прогресс и выход] // Шицзе чжэнчжи юй цзинцзи [Мировая политика и экономика]. – 2012. – № 12. – С. 53-75.
17. Дун Сянжун Дунбэй я цюйой хэцзо дэ цзидэнь гэцзюй юй тэдянь [Основные закономерности и характеристики регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии] // Шицзе чжиши [Мировые знания]. – 2021. – № 13.
18. Чжан Юньлин Дунбэй я дицой гуаньси: гэцзюй, чжисюй юй цзиньчжань [Региональные отношения в Северо-Восточной Азии: устройство, порядок и перспективы] // Дунбэй я сюэ кань [Журнал Северо-Восточной Азии]. – 2017. – № 2. – С. 3-8.

Платонова Н. М.

БУРЯТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧИТИНСКОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА
ОТ КОЧЕВОГО К ОСЕДЛому ОБРАЗУ ЖИЗНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ 1920-х ГОДОВ)

Платонова Н. М.

N. M. Platonova

БУРЯТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧИТИНСКОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КОЧЕВОГО К ОСЕДЛому ОБРАЗУ ЖИЗНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ 1920-х ГОДОВ)

BURYAT POPULATION OF CHITA DISTRICT IN THE CONDITIONS OF THE TRANSITION PERIOD FROM NOMADIC TO SEDENTARY LIFESTYLE (THE SECOND HALF – THE END OF THE 1920s)

Платонова Нонна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Nonna M. Platonova – PhD in History, Assistant Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Аннотация. В общеисторическом контексте развития советского Дальнего Востока раскрываются традиционные условия жизнедеятельности бурятского этноса национальных районов Читинского округа. Отмечается, что руководство Далькрайкома ВКП(б) рассматривало перевод бурят с кочевого на оседлый образ жизни в качестве одного из направлений реализации стратегии государственной национальной политики. Анализируются первые позитивные сдвиги, имевшие место в аграрном секторе: распространение земледельческой культуры, увеличение посевных площадей, создание трудовой сельскохозяйственной артели, рост потребительского спроса на аграрную технику и машины. Рассматривая социально-экономические трансформации, особое внимание автор уделяет семейным отношениям, проблемам здравоохранения и образования. В переходный период значимость получили вопросы, связанные с влиянием религии и воздействием буддийского духовенства. Раскрываются факторы, замедлившие модернизационные тенденции переходного периода. Подчёркивается, что превалирование полукочевого и кочевого скотоводства не давало возможности быстро отделить хозяйствственные отношения от устоев домашнего быта, досуга, сохраняя их патриархальный характер. Резюмируется, что для бурятского населения национальных районов Читинского округа переходный период осуществлялся медленными темпами и был сопряжён с преодолением экономических и культурных вызовов со стороны традиционного образа жизни.

Summary. In the general historical context of the development of the Soviet Far East, the traditional living conditions of the Buryat ethnos of the national districts of the Chita district are revealed. It is noted that the leadership of the Dalkraikom of the CPSU (b) considered the transfer of Buryats from a nomadic to a sedentary lifestyle as one of the directions of the implementation of the strategy of the state national policy. The first positive changes that took place in the agricultural sector are analyzed – the spread of agricultural culture, the increase in acreage, the creation of a labor agricultural co-operative, and the growth of consumer demand for agricultural machinery and machines. Considering socio-economic transformations, the author pays special attention to family relations, health and education problems. During the transition period, issues related to the influence of religion and the influence of the Buddhist clergy gained importance. The factors that slowed down the modernization trends of the transition period are revealed. It is emphasized that the prevalence of semi-nomadic and nomadic cattle breeding did not make it possible to quickly separate economic relations from the foundations of domestic life, leisure, while preserving their patriarchal character. It is summarized that for the Buryat population of the national districts of the Chita District, the transition period was carried out at a slow pace and was associated with overcoming economic and cultural challenges from the traditional way of life.

Ключевые слова: государственная национальная политика, бурятский этнос, кочевой и оседлый образ жизни, Дальний Восток СССР, Читинский округ.

Key words: state national policy, Buryat ethnos, nomadic and sedentary lifestyle, Far East of the USSR, Chita district.

УДК 93/94

В свете последних событий, происходящих на мировой арене и в Российской Федерации, фундаментальные вопросы национальной политики и межнациональных отношений приобретают особую научную важность и значимость. На разных этапах государственного строительства, особенно в переломные моменты, национальные отношения остаются сложной и многогранной сферой общественной жизни, оказывая влияние на вектор социально-экономического, политического и культурного развития отечественного социума. За годы Советской власти был накоплен огромный исторический опыт межнационального сосуществования, понимания, взаимодействия, активно осуществлялся процесс формирования социальных институтов. Сегодня перед современными исследователями методология новейшего периода раскрывает возможность дать объективную, развёрнутую оценку результатов глубоких модернизационных трансформаций, имевших место в национальных регионах СССР на раннесоветском этапе [13; 14; 15; 16; 18; 19; 21]. Важное место занимают труды, посвящённые истории Бурятии, государственной национальной политике, реализуемой в сфере образования, культуры [1; 5; 8; 9; 10; 17; 20], здравоохранения [2; 3; 4; 11]. Авторы с максимальной исторической достоверностью раскрывают комплексные процессы советизации бурятского этноса, который преимущественно проживал на территории Бурят-Монгольской АССР и Монгольской народной республики. В научных трудах акцентируется внимание на традиционных устоях повседневности бурят, представлена полномасштабная картина приобщения их к новым видам социально-культурной жизни. Несмотря на широкую изученность проблемы национальной модернизации, её итогов и последствий для коренных народов тех или иных советских регионов, вне поля исследовательских интересов и историографического пространства остаётся вопрос о положении бурятского населения Читинского округа в переходный период от кочевого к оседлому образу жизни. Целью данной публикации является восполнение этой историографической лакуны.

Первоочередная задача, стоявшая в начале 1920-х гг. перед высшим партийным руководством советского государства, была связана с послевоенным восстановлением народнохозяйственного комплекса. Свои корректизы в направление дальнейшего социально-политического курса внесла новая экономическая политика, переориентировав большинство централизованных финансовых потоков в наиболее актуальное для государства русло. Придерживаясь выбранного вектора развития, правящая партийная элита СССР из-за дефицита денежных средств и отсутствия возможностей не предпринимала действенных мер по форсированию модернизации национальных регионов. Вопрос о механизмах усовершенствования традиционного образа жизни кочевого населения на высшем уровне оставался открытым. Тем не менее в научных кругах проблема вызывала исследовательский интерес.

Характерным явлением раннесоветского периода являлись различные научные дискуссии, актуализировавшие те или иные вопросы государственного строительства. На этих полемических площадках отечественные учёные приступили к обсуждению возможных рационально-оптимальных вариантов перехода кочевников на оседлый образ жизни. Например, предлагалось осуществить «переформатирование» кочевий через их коллективизацию или создать производственные товарищества с долгосрочным государственным кредитованием. В альтернативном случае на условиях компромисса соединить кочевое скотоводство и земледелие или вообще отказаться от попыток обновления жизненного уклада кочевников, оставив имевшуюся ситуацию без изменений [16, 235, 237, 238]. Новый, модернизационный, поворот внутриполитического курса в СССР и переход к плановой экономической модели на рубеже 1920-х и 1930-х гг., как отмечает исследователь Ф. Л. Синицын, привёл к тому, что «дискуссия о судьбе “кочевой цивилизации” была пресечена вмешательством властей», и в результате учёные «безоговорочно отвергли идеи об осторожном отношении к “кочевой цивилизации”» [16, 239]. Верх одержали доминанты индустриализации и коллективизации, началась советизация «кочевых» регионов, т. е. «интеграция территории и населения в общегосударственное политическое, экономическое и культурное поле СССР» [14, 126].

Во многом этот процесс был трудным и сопряжён с широким спектром проблем, пережитков, влиянием разноплановых условий и факторов. В частности, особенно беспокоили власть устойчивость родового образа жизни, высокий уровень религиозности и низкий – систем образования и здравоохранения, абысентизм местного населения, отсутствие социальных инфраструктур, неэффективность кочевого скотоводства и земледелия. Имелись сложности в деле формирования аппарата местного управления, реализации призыва на военную службу, налоговой сфере и др. Кроме того, кочевники легко пополняли ряды различных вооружённых бандитских формирований, контрабандистов, повстанцев, участвовавших в боевых столкновениях с регулярной армией, а, учитывая стратегическое положение многих «кочевых» регионов, это вынуждало высшее партийное руководство в ускоренном порядке решать вопросы организации охраны и обеспечения безопасности государственной границы СССР [15, 21-25, 33, 52].

В рассматриваемый период развитие советского Дальнего Востока и Забайкалья протекало в общегосударственном контексте. После окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции в 1922 г. началось административно-территориальное формирование внутренних границ дальневосточного региона, которое проходило последовательно и было детерминировано политическими и социально-экономическими преобразованиями советской власти (см. табл. 1).

Таблица 1

Административно-территориальное устройство дальневосточной территории (см. прим. 1 – 3)

Административное образование/столица	Период	Территория
Дальневосточная республика (Верхнеудинск/Чита)	1920 – 1922 гг.	Амурская, Прибайкальская, Забайкальская, Приамурская, Камчатская, Приморская губернии (с северной частью острова Сахалин), Бурят-Монгольская автономная область
Дальневосточная область (Чита/Хабаровск)	1923 – 1926 гг.	Забайкальская, Прибайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская, Камчатская губернии, Бурят-Монгольская АССР
Дальневосточный край (Хабаровск)	1926 – 1938 гг.	Амурский, Владивостокский, Зейский, Камчатский, Николаевский, Сахалинский, Сретенский, Хабаровский и Читинский округа

Районирование, осуществлявшееся «на принципах хозяйственной целесообразности» [18, 107], выдвинуло на одно из центральных мест необходимость решения национального вопроса. Прежде всего процесс трансформации традиционных форм жизнедеятельности затронул бурятское население, в большинстве проживавшее в двух Бурят-Монгольских автономных областях (одна – в составе РСФСР, другая – в составе Дальневосточной республики), после объединения которых в 1923 г. была образована Бурят-Монгольская АССР. На её территории сосредотачивалось 90,5 % бурят от общей численности бурятского населения в России. Кроме того, по данным переписи 1926 г. бурятский этнос проживал на территории Сибирского округа РСФСР общей численностью 13 693 чел., из них в Иркутском районе – 11 489 чел., а также в Хаоцайском и ХилокоБурятском хошунах (волостях) Читинского округа Дальневосточной области, где насчитывалось 8167 бурят [6, 172-173]. В ходе дальнейших изменений 1 июня 1927 г. эти два национальных хошуна были преобразованы в национальные районы, затем в 1931 г. их объединили в ХилокоХаоцайский район. Сформированная административно-территориальная система свидетельствовала о параллельном существовании в Читинском округе двух типов административных образований. Так, одни волости управляли мононациональными бурятскими общинами, другие являлись многонациональными поселениями (см. прим. 4).

Во второй половине 1920-х гг. Читинский округ представлял аграрно-промышленный регион, в экономике которого соотношение доходов сельскохозяйственного и промышленного секторов склонялось в пользу первого (см. табл. 2) (см. прим. 5).

Таблица 2

Показатели рентабельности ведущих отраслей народного хозяйства Читинского округа

Отрасль народного хозяйства	1925 – 1926 гг.	1926 – 1927 гг.
Сельское хозяйство	27 млн р.	32 млн р.
Промышленность	14,5 млн р.	15,5 млн р.

В то же время на динамику социально-экономического развития Читинского округа оказывали влияние факторы, связанные с пограничным положением его территории, многонациональным составом населения, зависимостью в вопросах ценообразования и снабжения продовольствием (прежде всего хлебом) от центра, территориальной удалённостью от краевой столицы (Хабаровска), негативно сказывалась деятельность контрабандистов. Основу большевистской партийной организации Читинского округа составляли кадровые железнодорожники, которые проживали «несколько обособленно, плохо увязывались с экономикой округа» (см. прим. 5, л. 29), вызывая трудности при выдвижении кандидатов на руководящие должности и при формировании Читинского окружного исполнительного комитета ВКП(б).

По данным Читинского окружного и районных исполкомов, в округе общая численность бурятского населения на 1 января 1928 г. составляла 8139 чел., из которых 3692 чел. проживали в Хилоко-Бурятском районе, 2924 чел. – в Хоацайском, 1523 чел. – в Ворзинском районе, в сомоне «Новая Заря». По социальному составу в Хилоко-Бурятском и Хоацайском районах насчитывалось 1105 бедняцких дворов, или 63,6 % по отношению к общему числу дворов; середняцких – соответственно 545, или 31,3 %; зажиточных – 88, или 5,1 %. О стабильности удельного веса и материального положения отдельных социальных групп бурятского населения свидетельствуют данные Хилоко-Бурятского райисполкома. Так, если в 1926 – 1927 гг. в районе бедняцких дворов было 551, середняцких – 360, зажиточных – 51, то в 1927 – 1928 гг. стало соответственно 532, 354 и 58 дворов. В определённой мере относительная устойчивость социального состава и отсутствие резких колебаний в его перегруппировке демонстрировали объективность размеров налогообложения.

В планах предстоящей первой пятилетки (1928 – 1932 гг.), помимо индустриальных ориентиров, коллективизации сельскохозяйственных производителей, урбанизации и т.д., на Дальнем Востоке СССР предусматривались последовательный процесс преодоления социально-экономической отсталости национальных районов, их интеграция и ускоренный перевод кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни. Эти задачи местное партийное руководство рассматривало как одно из направлений стратегии национальной политики советского государства, поэтому по поручению Далькрайкома ВКП(б) в 1927 г. Подотдел национальных меньшинств Агитационно-пропагандистского отдела провёл детальный анализ социально-экономического развития национальных бурятских районов Читинского округа.

Заведующий подотделом нацменьшинств АПО ДВК ВКП(б) Пак-Ай на заседании бюро Далькрайкома 7 января 1928 г. в докладе о результатах проведённой работы подчёркивал, что основным занятием бурятского населения национальных районов Читинского округа было скотоводство, которым занимались почти все буряты. В Хилоко-Бурятском и Хоацайском районах насчитывалось 1736 хозяйств, имевших 9367 голов крупного рогатого скота (от 3 лет и старше), лошадей – 3656, овец и коз (перезимовавших) – 9246, т. е. на каждое хозяйство в среднем приходилось соответственно 5,4; 2,1; 5,33 поголовья домашнего рабочего скота (см. прим. 6, л. 43). На положительную динамику развития животноводческого хозяйства указывают данные табл. 3.

Тем не менее количественные показатели роста ещё не свидетельствовали о глубинных качественных изменениях в этой сфере. Способы ведения кочевого скотоводства в целом оставались экстенсивными и примитивными, а участие бурятского населения в полноправном товарообороте

было минимизировано, поскольку они практически никакой продукции на рынок не поставляли, при этом сами оставались «невыгодными» покупателями [16, 230].

Таблица 3
Рост животноводческого хозяйства Хилоко-Бурятского района

Наименование скота	1926 г.	1927 г.	Увеличилось за год	Увеличилось по отношению к 1926 г., %
Рогатый скот (крупный и мелкий)	8316	9889	1573	18,9
Лошади	2104	2312	208	9,8
Овцы и козы	4671	5488	817	17,5

Значительно усугубляли ситуацию в национальных районах нехватка ветеринарных фельдшерских пунктов и отсутствие селекционной работы по улучшению пород скота. Выделенные на эти цели денежные средства местные власти часто использовали не по назначению. Так, в 1926 г. для приобретения быка-производителя Хилоко-Бурятский райисполком получил 250 р., но финансовый дефицит в местном бюджете и иные материально-технические нужды заставили партактив района израсходовать эти деньги. Понимая сложность экономического положения в районе, Читинский облисполком одобрил эти траты. Затрудняли переход к оседлости отсутствие постоянного места жительства и чрезвычайная территориальная разобщённость основной части бурятского населения, кочевавшего за своими стадами. Только в Хилоко-Бурятском районе 7 сомонов, объединявших 43 улуса (населённых пункта), располагались на участке размером около 9063 км².

В процессе приобщения бурятского населения национальных районов Читинского округа к оседлой жизни главным направлением являлось внедрение и распространение культуры земледелия. В течение 1925 – 1927 гг. наметились определённые тенденции к оседлости, т. е. переходу от кочевого скотоводческого хозяйства к земледелию. Ежегодно увеличивались размеры посевных площадей. Если в 1925 г. в Хилоко-Бурятском районе имелось 217 десятин пахотной земли, в 1926 г. – 281, то в 1927 г. – уже 366, или на 59,3 % больше по сравнению с 1925 г.; в Хаоцайском районе соответственно в 1925 г. – 19,86, в 1926 г. – 97,94; в 1927 г. – 148, или на 13,4 %. Важно отметить, что сдвиги в динамике достигались, как правило, за счёт посевов овса, предназначенно-го исключительно для обеспечения кормовой базы домашнего скота. С целью её дальнейшего расширения в Хаоцайском районе была создана трудовая сельскохозяйственная артель, увеличившая спрос на аграрные орудия труда, технику и машины. Только в 1927 г. буряты приобрели 1 сеялку, 2 бороны, 2 веялки, 12 плугов и 1 трактор (см. прим. 6, л. 44 – 45).

Медленно, но постепенно национальное население втягивалось в модернизационные процессы. Частично финансирование мероприятий по переходу бурят Читинского округа к оседлости осуществлялось за счёт средств окружного Фонда бедноты, который в 1927 г. выделил Хаоцайскому райисполкуму для развития местной сельхозартели 700 р. Кроме того, в 1928 г. Хилоко-Бурятский и Хаоцайский районы получили от Дальсельбанка по 600 р. на приобретение крупного рогатого скота, 2320 р. – рабочего скота, 3250 – машин; от Забайкальского сельскохозяйственного союза поступила 1 тыс. р. на закупку семенного зерна.

В переходный период местные власти столкнулись с такими реалиями повседневности, как отсутствие материально-технической базы агрономических участковых пунктов, располагавшихся в районах, агропроаганды среди населения, крайний дефицит семенного фонда и др. Окружное земельное управление (ОКРЗУ) и районные исполнительные комитеты являлись основными источниками финансирования участковых агрономических пунктов, но в условиях режима экономии и слабости местного бюджета денежные средства не всегда выделялись или задерживались на длительный срок. В частности, в Хилокском районе, не имея специального помещения, пункт располагался в здании райисполкома. Отсутствие условий для работы «...создавало много неудобств как для агронома, так и для населения, ибо последний не знал, где он мог видеть агронома» [7, 67]. Строительство отдельных помещений для агрономических участков планировалось на период с

1928 по 1932 гг., согласно первому пятилетнему плану мероприятий по развитию аграрного сектора, но денежных средств с трудом хватало в лучшем случае на приобретение наглядных пособий. В то же время из-за острого дефицита специалистов ОКРЗУ не имело возможности направить в национальные районы своих агрономов, поэтому участковые пункты не обслуживали бурятское население [7, 67] (см. прим. 6, л. 45).

Социально-экономическая трансформация неизбежно влекла за собой изменения в быту, семейных и культурных отношениях. Основным фактором, сдерживавшим их развитие, являлось преобладание традиционного уклада образа жизни бурятского населения. Превалирование полукочевого и кочевого скотоводства не давало возможности отделить хозяйствственные отношения от устоев домашнего быта, досуга, сохраняя их патриархальный характер. «Жизнь и быт бурят имели отпечаток культурной отсталости и примитивного скотоводческого хозяйства», – именно такую оценку дал в отчёте Пак-Ай (см. прим. 6, л. 46).

Кочевой образ жизни не формировал у бурят необходимость иметь приспособленные к жилью помещения для разных времён года. Так, летом, пребывая в сомоне (сельском поселении) и выпасая свой скот, буряты проживали в холодных бараках, т. е. временных жилищах без окон и печей, а с наступлением зимнего времени в поиске кормов для домашних животных они перекочёвывали к месту нахождения покоса, устраивая там другие временные жилища в виде землянок и войлочных юрт (см. рис. 1). Поскольку о домашней гигиене, санитарии и чистоплотности буряты не имели представления, то в жилых помещениях «царствовала невероятная грязь, посуда никогда не мылась, лицо буряты мыли изредка холодной водой и то без мыла, бельё никогда не стирали, одежда, раз надетая, не снималась вовсе и носилась пока не истлевала на теле» (см. прим. 6, л. 47).

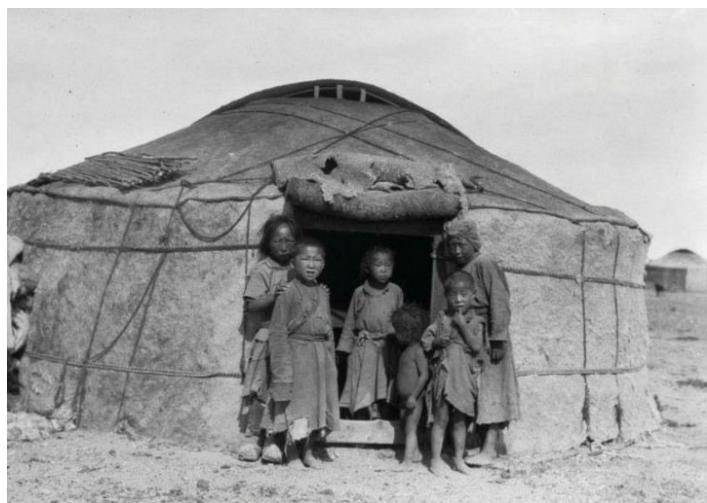

Рис. 1. Бурятская юрта, 1920-е гг. (см. прим. 7)

Консерватизм и архаичность господствовали и в семейных отношениях, где сохранилась власть мужа над женой, родителей над детьми. Особенно это сказывалось на взаимоотношениях мужчин и женщин. Обыденными явлениями в жизни бурят были эксплуатация и бытовое насилие над женщинами, которых мужья избивали при малейшем неповиновении, выдача дочерей замуж без их согласия, как правило, за калым.

Следствием отсутствия санитарной культуры и недостаточности профилактических мероприятий был рост социальных болезней среди бурятского населения национальных районов Читинского округа. Наиболее высокими были показатели по венерическим заболеваниям. До 60 – 70 % бурят болели сифилисом, у 1/3 сифилис был врождённым, что вело к высокой детской смертности и появлению поколения с признаками вырождения. Врачи и медицинский персонал, которые работали в национальных районах, отмечали, что «в бурятских семьях не была изжита совместная ночёвка парней с девушками, порождая болезненные явления в виде быстрой половой

зрелости, ненормальной половой жизни, ведущей к быстрому половому истощению. Среди молодёжи господствовала половая распущенность» (см. прим. 5, л. 47). Лечением бурятского населения Читинского округа занимался фельдшерский пункт и венерологический отряд РОКК (Российское общество Красного Креста), располагавшиеся только в Хилоко-Бурятском районе. В Хаоцайском районе не было стационарного медицинского подразделения. Окружная система здравоохранения национальных районов испытывала острый дефицит централизованного финансирования, кадровый голод, маломощность материальной базы и др.

Наряду с преодолением культурного отставания и устойчивости патриархального быта при переходе на новый образ жизни приобрели важность вопросы, связанные с влиянием религии и воздействием буддийского духовенства. Глубоко верующие буряты для богослужения часто приглашали к себе лам или посещали дацаны (буддийские монастыри). Исключением не были даже советские партийные работники и комсомольцы. В частности, Пак-Ай отмечал, что «будучи в сомоне Угдан, я зашёл к председателю райисполкома тов. Шайванову и был удивлён, что в доме этого передовика, на котором, как мне рассказывали, держится весь райисполком, а буряты считают его самым образованным человеком в районе, в уголке устроен небольшой разноряженный ящичек со всевозможными маленьими и большими божками. Когда я спросил присутствующего в этом доме члена ВЛКСМ Дариводраева “что это такое” – он ответил – “это бурхан, в переводе Бог”» (см. прим. 6, л. 48).

Территориальная близость к Эгетуйскому и Агинскому дацанам (см. рис. 2 и 3) Бурят-Монгольской АССР, располагавшимся примерно в 160,5 – 214 км (150 – 200 вёрстах) от национальных районных центров (см. прим. 8), давала возможность сотням лам, «беспечно проживавшим в дацанах, периодически совершать свои божественные налёты на улусы наших бурят» (см. прим. 6, л. 48).

Рис. 2. Эгитуйский дацан (см. прим. 8)

Рис. 3. Агинский дацан (см. прим. 8)

В ходе кампании по перевыборам в Советы было установлено, что в Хаоцайском районе постоянно проживали 76 лам, в Хилоко-Бурятском – 50, в Борзинском сомоне – 41, которые периодически выезжали в свои дацаны (см. рис. 4). Важно отметить, что буддийское духовенство способствовало распространению не только религиозного влияния. Обладая более высоким по сравнению с большинством бурятского населения общекультурным уровнем развития, многие ламы усиливали подчинение и привязанность местного населения через бесконтрольное врачевание и активную практику тибетской медицины. Так, Шайванов в беседе с Пак-Ай не скрывал, что некоторые сомон-советы всецело находились под влиянием лам, но в то же время подчёркивал их непричастность к политической жизни. Тем не менее сложно было отрицать факт экономической зависимости бурятского населения национальных районов Читинского округа от буддийского духовенства, что крайне беспокоило Далькрайком ВКП(б) (см. прим. 6, л. 48).

Одним из ключевых механизмов перехода на оседлый образ жизни и дальнейшей адаптации бурятского населения к новым условиям повседневности являлась система образования, создававшаяся «на основе всеобщего обязательного обучения, доступности и светскости школы,

государственного обеспечения ...» [8, 78]. В 1926 – 1927 учебном году в национальных районах Читинского округа действовали 6 начальных школ с 4-летним сроком обучения, в которых образование получали 237 чел., или примерно 20 – 25 % от общего числа детей школьного возраста, в 1927 – 1928 учебном году – 9 школ. Во вновь открытых школах в течение 2 лет обучались так называемые переростки, т. е. подростки в возрасте от 11 до 15 лет.

Рис. 4. Духовенство Агинского дацана, 1920-е гг. (см. прим. 8)

В целом школьная система образования национальных районов Читинского округа, впрочем как и многие другие сферы, испытывала материально-финансовые трудности, весьма сложно решалась кадровая проблема. В основном занятия в школах вели учителя-монголисты, слабо знавшие или вообще не владевшие русским языком, не имевшие общеобразовательной и тем более педагогической подготовки. Методическая база национальных учителей также была крайне слабой. Нередко учителем мог стать любой, пожелавший обучать детей. По данным райисполкомов, все национальные учителя были самоучками, поэтому говорить о качестве обучения в таких школах не приходилось. Для повышения профессиональной квалификации в 1927 г. ОкрОНО отправило 6 учителей-монголистов в Верхнеудинск на краткосрочные учительские курсы, но у партийного руководства были очень большие сомнения, что эти учителя смогут повысить свою педагогическую квалификацию [5, 129]. Дело в том, что национальные учителя, как отмечал Пак-Ай, «...по своей культурности стоят почти на одном уровне с рядовой бурятской массой. Они от последней отличаются только тем, что умеют читать и писать по бурято-монгольски, но соблюдать правила санитарии и гигиены они так же, как и все буряты, не умеют. Часто приходят в школу неумытые, занимаются плеванием на пол и т. д. Ожидать от таких учителей, что они могут научить учащихся хотя бы элементарным санитарно-гигиеническим навыкам, не приходится» (см. прим. 6, л. 52).

На повестке дня остро стоял вопрос о материально-технической базе школьных зданий. Все бурятские школы помещались в крестьянских избах, не приспособленных к занятиям, имелся острый дефицит учебной мебели, поэтому в 1926 г. первое специализированное школьное здание было построено в Ундуургинском сомоне Хаоцайского района. В 1927 г. Хилоко-Бурятский райисполком тоже получил финансирование (2500 р.) на сооружение типового школьного здания в Сарантуйском сомоне, но «из-за халатного отношения не использовал их своевременно по назначению» (см. прим. 6, л. 51).

Территориальная разбросанность, кочевой образ жизни, низкая материальная обеспеченность бурятских семей стали основанием для создания интернатов, воспитанники которых получали денежную помощь от государства. Для большинства семей она являлась важным источником финансов, но её незначительные размеры вынуждали многих детей помогать родителям, а не сидеть за школьной партой. В таких условиях педагогическим коллективам было трудно избежать роста отсева учащихся из школ. Если в начале 1926 – 1927 учебного года школы Хилоко-

Бурятского района посещали 153 ученика, то в конце – 96. На следующий год ситуация усугубилась, т. к. сумма, выделенная на обеспечение воспитанников интерната, снизилась до 1600 р., т. е. ежемесячное денежное пособие в размере 3 р. могли получить лишь 40 чел., остальных удержать за партой не представлялось возможным.

Относительно учебной литературы следует отметить, что национальные школы снабжались учебниками и пособиями на русском языке, но не хватало изданий на бурят-монгольском языке. Поскольку ОкрОНО непосредственно не занималось приобретением таких учебных изданий, выделяя на эти нужды денежные средства бурятским райисполкомам, то последние самостоятельно закупали учебную литературу в Бурят-Монгольской АССР. Однако школы автономной республики сами испытывали нехватку учебников и педагогической литературы на родном языке, поэтому имели место перебои в снабжении районных учебных заведений. Методических пособий для бурятских школ почти не было [9, 98].

Таким образом, для бурятского населения национальных районов Читинского округа переходный период был сопряжён с преодолением экономических и культурных вызовов со стороны традиционного образа жизни и осуществлялся медленными темпами. Наметившиеся тенденции перехода на оседлость, земледельческий уклад были крайне слабыми. Отсутствие национальной элиты в таких важных областях, как образование, культура, здравоохранение, нехватка национальных кадров в составе партийных и комсомольских организаций, слабое материально-техническое и финансовое обеспечение национальных районов с преимущественно кочевым и полукочевым населением сдерживали возможности реализации социально-экономических комплексных мероприятий. В контексте начинавшейся индустриализации для местного партийного руководства Дальневосточного края не было другой альтернативы решения поставленной государством задачи. С учётом специфики Читинского округа необходимо было мобильно и ускоренно осуществить перевод бурят на оседлый образ жизни, интегрировать их в новую советскую действительность, ликвидировать отсталость национальных районов. С этих позиций глубокий анализ положения бурятского населения, проведённый Далькрайкомом ВКП(б), во многом раскрывая реальную картину, содействовал дальнейшей реализации национальной политики советского государства на дальневосточной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова, В. В. Становление национальной школы в Бурят-Монголии: битва в пути / В. В. Базарова // Власть. – 2011. – № 7. – С. 101-104.
2. Бакшуев, В. Ю. Государственная политика здравоохранения и женский вопрос в Бурят-Монгольской АССР и Монгольской народной республике (конец 1920-х – 1930-е гг.) / В. Ю. Бакшуев // Власть. – 2017. – № 3. – С. 167-172.
3. Бакшуев, В. Ю. Пробуждая «буддийский восток»: компании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920 – 1970-е гг.) / В. Ю. Бакшуев // Власть. – 2015. – № 10. – С. 198-203.
4. Бакшуев, В. Ю. Советская социальная евгеника и нацменьшинства: ликвидация сифилиса в Бурят-Монголии как элемент программы модернизации национального региона (1923 – 1930 гг.) / В. Ю. Бакшуев // Власть. – 2012. – № 10. – С. 174-178.
5. Бальхаева, И. Х. Подготовка кадров учителей в условиях ликвидации неграмотности населения в Бурят-Монгольской АССР в 1923 – 1932 гг. // Вестник ВСГУТУ. – 2013. – № 2. – С. 128-136.
6. Болхсоева, Е. Б. Административно-территориальное устройство и особенности этногеографии бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География. – 2004. – № 3. – С. 164-177.
7. Ледкова, Л. П. Формирование сети агрономических участков в Забайкалье в 1917 – 1930 гг. / Л. П. Ледкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (69). В 2 ч. Ч. 1. – С. 65-68.
8. Номогоева, В. В. Всеобуч в Бурятии: проблемы реализации в 1920 – 1930-е гг. / В. В. Номогоева // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 77-83.
9. Номогоева, В. В. Национальная школа в Бурятии в 1920 – 1930-е гг.: проблемы формирования / В. В. Номогоева // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 3 (27). – С. 95-99.
10. Номогоева, В. В. Повседневная жизнь бурятского населения (1920 – 1930-е гг.) / В. В. Номогоева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 27-30.

11. Номогоева, В. В. Санитарное просвещение и борьба за «новы быт» в Бурятии в 1920 – 30-е годы / В. В. Номогоева, А. М. Плеханова // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2008. – № 2 (66). – С. 162-165.
12. Перфильева, И. А. Некоторые аспекты процесса формирования органов управления хозяйством в Забайкалье и Бурятии в 1920-х годах / И. А. Перфильева // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2004. – С. 137-140.
13. Рабинович, В. Ю. Специфика формирования национальной политики в Восточной Сибири в 1920-х гг. / В. Ю. Рабинович // Власть. – 2013. – № 11. – С. 160-164.
14. Синицын, Ф. Л. «Погоня за населением»: советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. / Ф. Л. Синицын // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 126-141.
15. Синицын, Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917 – 1991 / Ф. Л. Синицын. – М.: Центрполиграф, 2019. – 318 с.
16. Синицын, Ф. Л. Советские учёные о судьбе «кочевой цивилизации» (1920-е гг.) / Ф. Л. Синицын // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 67. – С. 229-245.
17. Сорголь, А. О. Проблема сохранения культурных традиций коренных народов Хабаровского края в XXI в. / А. О. Сорголь // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № II-2 (34). – С. 10-14.
18. Ткачёва, Г. А. Административно-территориальные преобразования и демографические процессы на Дальнем Востоке СССР / Г. А. Ткачёва // Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В. Л. Ларина; отв. ред. Л. И. Галлямова (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – С. 107-133.
19. Ургалкин, Ю. А. Регионализация национальных отношений в Российской Федерации: философско-методологический аспект / Ю. А. Ургалкин. – Самара: СамГПУ, 1995. – 164 с.
20. Цыренова, З. Е. Советская политика сохранения традиционной культуры коренных народов Восточной Сибири / З. Е. Цыренова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № SC. – С. 23-27.
21. Чимитдоржиев, Ш. Б. Бурят-монголы: история и современность: раздумья монголоведа (очерки) / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: Бурятское издательство, 2000. – 128 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шиндялов, Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» / Н. А. Шиндялов // Россия и АТР. – 2011. – № 1. – С. 5-18.
2. Саблин, И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / И. Саблин; пер с англ. А. Терещенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 480 с.
3. Баринов, А. Чита – столица Дальневосточной области / А. Баринов // Читинское обозрение. – 2014. – № 46. – URL: <http://obozrenie-chita.ru> (дата обращения: 07.04.2021). – Текст: электронный.
4. Хилокский район. Административно-территориальный очерк // Хилокский краеведческий музей. – URL: <https://museum.hilok.ru/index.php/kraevedenie/istoriya-i-geografiya/34-administrativno-territorialnyj-ocherk> (дата обращения: 04.03.2021). – Текст: электронный.
5. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 29.
6. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 87. Л. 43-51.
7. Виктор Осса. Как русские и немецкие врачи в 1920-е спасли бурятов от вымирания от сифилиса // Твиттер, 2022. – URL: http://twitter.com/v_ossa/status/887759036367745025?lang=es (дата обращения: 27.11. 2021). – Текст: электронный.
8. Агинский дацан, сайт. – URL: <http://aginskydatsan.ru> (дата обращения: 27.11.2021). – Текст: электронный.

Шуляева А. В., Ярославцева Т. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1970-е – 2020 гг.): СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Шуляева А. В., Ярославцева Т. А.
A. V. Shulyaeva, T. A. Yaroslavtseva

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1970-е – 2020 гг.): СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF PRIMARY MEDICAL-SANITARY CARE IN RUSSIAN FAR EAST (1970s – 2020s): SOCIAL AND HISTORICAL CONTEXT

Шуляева Алефтина Владиславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33; тел. 8(924)218-54-22. E-mail: aleftina-shulyae@mail.ru.

Aleftina V. Shulyaeva – PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, State and Municipal Administration and Service Law Department, Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPA (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, st. Muravyov-Amursky, 33; tel. +8(924)218-54-22. E-mail: aleftina-shulyae@mail.ru.

Ярославцева Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск); 680026, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15; тел. 8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Tatyana A. Yaroslavtseva – Doctor of History, Professor, Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines, Far Eastern Home Ministry Law Institute of the Russian Federation (Russia, Khabarovsk); 680026, Khabarovsk, Kazarmenny per., 15; tel. +8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Аннотация. В работе авторы рассматривают государственную политику по развитию первичной медико-санитарной помощи в России на примере Дальнего Востока, анализируют основные подходы к созданию условий для обеспечения предоставления минимальных медико-санитарных услуг. В работе применены структурный, функциональный и междисциплинарный подходы для оценки условий в конкретный социально-исторический период. К данной тематике, как правило, обращались специалисты отрасли и органов власти, но в научной среде, особенно в освещении дальневосточной регионалистики, труды являются обзорными и крайне редки. Вместе с тем в современных условиях, когда не один год «царствует» COVID-19 по всему миру, не мешает вспомнить и исторический опыт в области профилактики массовых заразных заболеваний. Авторами выделены не только проблемы в организации оказания медико-санитарной помощи, но и обозначены перспективы развития процессов, обеспечивающих качество медико-санитарной помощи в стране, в том числе на Дальнем Востоке.

Summary. In the work, the authors consider state policy on development of primary medical-sanitary care in Russia by the example of the Far East region. They analyze basic approaches to creation of conditions for provision of minimal medical-sanitary services. In this paper, structural, functional and interdisciplinary approaches are applied for evaluation of conditions in definite social-historical period. As a rule the specialists of the field and authority bodies addressed this topic, but in scientific environment, especially in coverage of Far-Eastern regionalistics the works are reviewing and extremely rare. At the same time in modern conditions, when COVID-19 «reigns» all over the world for more than one year, it doesn't hurt to remember the historical experience in the field of mass contagious diseases prophylaxis. The authors have singled out not only the problems in organization of medical and sanitary aid but also designated the perspectives of development of processes providing quality of medical and sanitary aid in the country including the Far East.

Ключевые слова: государственная политика, первичная медико-санитарная помощь, профилактика массовых заразных заболеваний, условия для качества медико-санитарных услуг, междисциплинарный подход к исследованию общественного здравоохранения.

Key words: public policy, primary medical-sanitary care, prevention from mass contagious diseases, conditions for the quality of health care services, interdisciplinary approach to public health research.

УДК 94:39(571.6)

На современном этапе общественного развития среди наиболее актуальных проблем выступает необходимость сбережения здоровья населения, в том числе от пандемии COVID-19 и различных его штаммов в мировом масштабе. Именно поэтому важно изучить причины, которые привели государственную систему охраны здоровья народа к ситуациям, неблагоприятным для людей. Противостоять такой глобальной угрозе оказалось сложно, причём в «каждой стране мира» [10]. Как показала жизнь, одной из причин оказалась неготовность общественного здравоохранения к обеспечению населения качественной медико-санитарной помощью на первичном уровне заболевания.

Следует отметить, что развитие здравоохранения в советский период осуществлялось по пути организации медицинской помощи населению в единой системе охраны здоровья, санитарного благополучия, физической культуры и отдыха. Населению оказывалась бесплатная квалифицированная медицинская помощь государственными учреждениями. К ним относились: много-профильные и специализированные больницы, поликлиники, женские и детские консультации, диспансеры, аптеки, амбулаторно-поликлинические учреждения на крупных предприятиях. Отдельно отметим, что за организацию лечебно-профилактического обслуживания населения отвечали отделы здравоохранения исполкомов. Они непосредственно руководили медицинскими учреждениями, определяли территорию обслуживания населения лечебно-профилактическими учреждениями, анализировали состояние здравоохранения на закреплённой территории, планировали комплекс мер по ликвидации или предотвращению заболеваний, в том числе улучшению медицинского обслуживания населения. При этом большое внимание уделялось приёму граждан в амбулаторно-поликлинических учреждениях, госпитализации больных, качеству диагностики и лечения, мерам по предупреждению и раннему выявлению заболеваний (вакцинации, диспансеризация), внедрению новых методов профилактики и лечения в практику лечебно-профилактических учреждений. Законодательство о здравоохранении предусматривало проведение обязательных медицинских осмотров [11], производственной гимнастики, физкультурно-оздоровительной работы с детьми в различных формах массового привлечения населения к занятиям физической культурой.

На Дальнем Востоке число больничных коек в годы восьмой пятилетки возросло с 65 600 до 78 300, число женских и детских консультаций и поликлиник увеличилось с 629 до 706, врачей – с 14 854 до 18 310. Обеспеченность населения врачами на 10 тыс. человек поднялась за эти годы с 27 до 31 [6, 347-447]. В целом, за 1970-е гг. число больничных коек достигло 102,7 тысяч.

Изменения в системе здравоохранения в конце 1970-х гг. свидетельствуют о главном внимании властей к специализированной медицинской помощи и развитию высоких медицинских технологий. Несмотря на то что предпосылки к массовым инфекционным заболеваниям ещё не были явно видны, медицинская общественность приступила к построению новой модели оказания медико-санитарной помощи на низовом уровне системы здравоохранения, получившей название «первичная медико-санитарная помощь» (ПМСП).

Деятельность органов здравоохранения в данном направлении имеет свою историю. В середине 1970-х гг. Всемирная организация здравоохранения вкладывала особый смысл и значение в само понятие «ПМСП» как сферы услуг. Так, в 1975 г. Всемирная организация здравоохранения определила ПМСП как «удовлетворение нужд населения развивающихся стран путём предоставления минимальных медико-санитарных услуг в рамках особой системы».

На первом этапе формирования системы ПМСП государственные органы, и не только в России, столкнулись с проблемами: дефицит средств, несовершенство методического сопровождения медицинских организаций, но главное, отсутствие подготовленных кадров. В связи с дефицитом специалистов для системы оказания ПМСП повсеместно были организованы краткосрочные курсы. Не запрещалось использовать методы нетрадиционной народной медицины.

Национальной системе здравоохранения отводилась особая роль, что повышало актуальность медико-санитарной помощи населению повсеместно. В конце 1970-х гг. вопросы организации ПМСП обсуждались на площадках научной среды различного уровня. В частности, в 1978 г. в

Алма-Ате прошла международная конференция, в которой приняла участие Всемирная организация здравоохранения. Как отмечено в декларации конференции: «*Первичная медико-санитарная помощь составляет важную часть медико-санитарного обеспечения и базируется на практических научно обоснованных и социально приемлемых методах и технологиях*».

Участники конференции сошлись во мнении, что данная система является «первым уровнем контакта» национальной системы здравоохранения с гражданами и «первым этапом непрерывного процесса охраны здоровья народа», поэтому главной задачей ПМСП была поставлена «последовательность» каждому человеку [1].

В системе государственного управления ПМСП стала рассматриваться как управленческий «подход к охране здоровья, охватывающий всё общество и направленный на равноправное достижение наивысшего возможного уровня здоровья и благополучия каждым членом общества» [2]. Доступность, которая является одним из основных принципов данного вида медицинской помощи, обеспечивалась за счёт единых требований к отрасли, руководителям организаций. Например, ПМСП организовывали по месту работы или обучения граждан. Пока ещё не забыты примеры оказания первичной медико-санитарной помощи по месту работы, учёбы. Так, в специально открытых пунктах организаций работали медицинские работники. В системе образовательно-воспитательных учреждений действовали кабинеты врачей или здравпункты. В комплекс ПМСП входили мероприятия по профилактике, реабилитации и паллиативной помощи.

Итак, анализ основных направлений государственной политики в сфере здравоохранения 1970-х гг. показал, что приоритетной целью и главными задачами являлось удовлетворение медико-санитарных потребностей населения. Сама система ПМСП динамично развивалась вплоть до середины 1980-х гг.

Государственная политика в начале 80-х гг. ХХ в. была направлена на создание инфраструктуры системы здравоохранения. В эти годы разрабатывались трёхлетние программы сооружения объектов здравоохранения в колхозных и совхозных сёлах. Однако начавшаяся с апреля 1985 г. «перестройка» и последовавшие реформы не способствовали развитию ПМСП.

В перестроочный период был взят курс на демократизацию общества, и вопросы здравоохранения, впрочем, как и других отраслей социально-экономического организма государства, ушли на второй план. Существенно замедлились темпы развития экономики и социальной сферы, накапливались трудности и нерешённые проблемы в системе здравоохранения. В связи с увеличением нормативной нагрузки на врачей, т. к. на посещение одним пациентом отводилось до 8-12 минут (Приказ МЗ СССР от 23 сентября 1981 г. № 1000 «О мерах по совершенствованию организации работы амбулаторно-поликлинических учреждений»), и снижением фактической зарплаты специалисты из медицинских учреждений переходили на другой вид трудовой занятости. В целом снизилось качество оказания медицинских услуг, и в первую очередь ПМСП.

В 1980-е гг. вопросы медицинского обеспечения в регионе оставались острыми. Основные причины упадка отрасли: дефицит кадров и финансирования, снижение внимания медико-санитарной помощи на низовом уровне системы здравоохранения и недооценка роли профилактики от заразных заболеваний. Как следствие, не соответствовали требованиям диспансеризация населения, уровень профилактической, лечебно-диагностической работы. Практически не снижались потери от временной нетрудоспособности, оставались высокими показатели материнской и детской смертности.

В 90-х гг. ХХ в. развитие ПМСП, особенно в отдалённых регионах, таких как Дальний Восток, фактически остановилось. После распада СССР первый негативный удар для системы ПМСП был нанесён административной и муниципальной реформами. В 1991 г. были ликвидированы органы советской власти, что повлекло формирование новых властных структур и пересмотр функций государственно-административных органов, в том числе в системе здравоохранения.

В результате реформ прекратились профилактические работы среди населения. В системе здравоохранения материальная база медучреждений не обновлялась и приходила в упадок, финансовых средств было недостаточно даже на зарплату медицинским работникам, что усилило отток кадров из-за миграции. Как отметил В. В. Люцко, по мнению авторов (В. И. Стародубов,

И. М. Сон, М. А. Иванова), несовершенство нормативных документов и их регламентирующий принцип внедрения создали сложности при оказании медицинской помощи [4, 5].

Даже переход к оказанию ПМСП по принципу врача общей практики (семейного врача), вызванный диспропорцией в объемах финансирования амбулаторно-поликлинической и стационарной помощи, не изменил положение дел в области охраны здоровья населения. Продолжали действовать старые, но уже неэффективные механизмы управления. По мнению И. В. Ракшиной, «не были решены задачи в области оплаты труда врачей общей практики, отсутствие средств на оснащение рабочих мест, непроработанность законодательной базы» стали препятствием для обеспечения полноценной охраны здоровья на этапе либерально-рыночных реформ [19, 6-7]. К тому же преобразования в экономической сфере государства привели к развитию предпринимательства, что ускорило отток медицинских работников в сектор бизнеса. За период 2007 – 2016 гг. общероссийский показатель обеспеченности штатными должностями ПМСП уменьшился на 13,58 % и был ниже рекомендуемого значения 5,9 % [4, 18].

Следует отметить, что в основу проводимых реформ был положен принцип децентрализации, в соответствии с которым на местные органы власти возлагалась ответственность за представление и финансирование мероприятий в сфере здравоохранения, связанных с медицинским обслуживанием. Как показала жизнь, это было серьезной ошибкой государственных органов. Как отмечают авторы статьи, научные работы, посвященные анализу процесса обеспечения населения ПМСП на протяжении советского и постсоветского периодов, свидетельствуют о том, что выстроенная десятилетиями система постепенно была утрачена уже к началу XXI в. практически во всех регионах страны.

В первом десятилетии XXI в. вопросы ПМСП так и не нашли целевого отражения в государственной политике Российской Федерации. Только в 2011 г. на государственном уровне был взят курс на восстановление полноценной системы защиты здоровья людей. С принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» была обозначена важная роль ПМСП в здравоохранении, т. к. именно она включала мероприятия по «профилактике, медицинской реабилитации, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиенического просвещения населения» [21]. Однако накопившиеся проблемы 1990-х гг. не позволили обеспечить качество ПМСП населению и ориентированность на жизненно-важные потребности пациента.

В современных условиях предстоит создать иную модель медицинской организации, оказывающей ПМСП, на основе «бережливых» технологий. Это должна быть «медицинская организация, ориентированная на потребности пациента в качественной медицинской помощи и эффективное использование ресурсов системы здравоохранения» [9]. Для достижения доступности граждан к ПМСП запрограммировано создание сети медицинских организаций первичного звена здравоохранения. Новая модель обеспечения ПМСП и экстренной помощи должна иметь пациентоориентированный характер.

На решение задач федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» в регионах направлены региональные проекты. Конкретно с целевыми показателями можно ознакомиться в паспортах региональных проектов. Важно отметить, что не в каждом субъекте РФ, входящем в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО), содержится весь перечень мероприятий, указанный в федеральном проекте.

Анализ реализации региональных проектов субъектов РФ, входящих в состав ДФО, показал, что за период с 2019 по 2020 гг. были достигнуты следующие показатели:

- создано 43 новых фельдшерско-акушерских пункта (ФАПа), амбулатории в 6 субъектах РФ (Приморский край, Сахалинская область, Магаданская область, Забайкальский край, Республика Бурятия и Республика Саха (Якутия)), что составляет 100 % от плановых показателей;

- приобретены 73 мобильных медицинских комплекса. Следует отметить, что в 2019 г. реализация данного мероприятия была предусмотрена только в Республике Саха (Якутия). В 2020 г. к ней присоединились Амурская область, Забайкальский край и Республика Бурятия. В

региональных проектах данное мероприятие было перенесено на более поздний срок (2021 – 2023 гг.) в связи с отсутствием финансирования;

– на 57 % было реализовано мероприятие по реконструкции/созданию новых взлётно-посадочных площадок для организации полётов санитарной авиации. Только в 4 из 7 субъектах РФ в ДФО были реконструированы взлётно-посадочные площадки; в Приморском крае, Сахалинской и Магаданской областях работы ввелись с отставанием графика, по итогу объекты не сданы в срок (завершение планируется в 2022 гг.).

В каждом субъекте РФ в ДФО приняты стратегии развития санитарной авиации на период до 2024 г.

В рамках второй задачи планировалось в 2019 г. создать *региональные проектные офисы* по созданию и внедрению «Новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь» [8]. К 2021 г. не менее чем в 54,7 % медицинских организаций должны работать в новых условиях.

По итогам 2020 г. (если не брать в расчёт показатели трёх регионов (ЕАО, Республика Бурятия и Республика Саха (Якутия)), по которым отчётная информация отсутствовала) можно сказать, что новая модель успешно внедряется в субъектах ДФО. В частности, в Хабаровском крае плановое значение доли медицинских организаций, участвующих в создании новой модели медицинской организации, было 52 %, а фактическое – 61 %, в Приморском крае – соответственно 48 % и 72,3 %, что показывает перевыполнение плановых показателей.

В рамках третьей задачи федерального проекта плановое значение охвата населения в ДФО, прошедшего профилактический осмотр в 2019 г., составляло 3,635 млн человек, а фактическое значение достигло 4,121 млн человек [22]. По расчётом авторов, в процентном измерении все субъекты РФ в ДФО превысили показатель 100 %. Например, в Хабаровском и Приморском крае – 101,4 %, в Республике Бурятия – 120,5 %, в Республике Саха (Якутия) – 123,8 %, в Магаданской области – 137,2 %, в Амурской области – 151,7 %.

Оценивая процент перевыполнения, можно предположить, что в 2020 г. показатель также мог быть выполнен (если бы не ухудшение эпидемиологической ситуации из-за приостановления профилактических осмотров).

Итак, анализируя итоги достижения показателей за 2019 г., авторы пришли к выводу, что реализацию федерального проекта на Дальнем Востоке нельзя назвать в полной мере успешной, т. к. отдельных показателей субъекты РФ, входящие в состав ДФО, всё же не достигли.

Так, если по первому показателю (количество посещений при выездах мобильных медицинских бригад) положительных результатов достигли все регионы ДФО, то целей второго показателя (доля лиц, госпитализированных по экстренным показаниям в течение первых суток от общего числа больных, к которым совершены вылеты) не достигли ЕАО (88,9 % от плана) и Магаданская область (71,5 % от плана). Для сравнения: в целом по стране данный показатель составил 91,3 %, что говорит о сложности выполнения.

Наиболее проблематичным для ДФО оказалось достижение целей третьего показателя (число пациентов, дополнительно эвакуированных с использованием санитарной авиации). Их не достигли Амурская область (71,1 % от плана), ЕАО (0 % от плана), Камчатский край (64,6 % от плана) и Сахалинская область (50,1 % от плана).

Итак, в достижении отдельных плановых показателей республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский и Приморский края, Чукотский автономный округ оказались успешнее, чем ЕАО, которая не достигла 2 из 3 показателей.

Такой показатель, как «число граждан, прошедших профилактические осмотры», не достигли три региона ДФО: ЕАО (52,9 % от плана), Камчатский край (55,6 % от плана) и Забайкальский край (93,4 % от плана). Для сравнения: по стране данный показатель составил 108,3 %.

Рассмотрим достижение следующих показателей: «оптимизация работы медицинских организаций, оказывающих ПМСП» и «сокращение времени ожидания в очереди при обращении граждан в медицинские организации, упрощение процедуры записи на приём к врачу», через «количество медицинских организаций, участвующих в создании и тиражировании новой модели ме-

дицинской организации, оказывающей ПМСП» и «долю записей к врачу, совершённых гражданами без очного обращения в регистратуру медицинской организации».

Первый из названных показателей все субъекты ДФО выполнили на 100 %. Второй показатель был достигнут половиной субъектов РФ, в том числе и в ДФО. В частности, Амурская область (60 % от плана), Забайкальский край (36,8 %), Магаданская область (54,3 %), республика Саха (Якутия) (15 %), Сахалинская область (89,5 %), Хабаровский край (55,3 %). По Приморскому краю и ЕАО данные отсутствуют.

Анализируя результат «формирования системы защиты прав пациентов», авторы пришли к следующему выводу: первого показателя «доля обоснованных жалоб (от общего количества поступивших жалоб), урегулированных в досудебном порядке страховыми медицинскими организациями», не достигли 27 субъектов РФ, в том числе 3 субъекта ДФО: ЕАО (65,8 %), Забайкальский край (61,5 %) и Камчатский край (80 %).

По второму показателю «доля медицинских организаций, оказывающих в рамках обязательного медицинского страхования ПМСП.... (пост страхового представителя, телефон, терминал для связи со страховым представителем)» планового результата не достигли два субъекта ДФО: Приморский край (78,2 % от плана) и Сахалинская область (73,2 % от плана).

Итак, анализ реализации региональных проектов показал, что в Республике Бурятия и в Чукотском автономном округе были достигнуты все плановые показатели. В остальных субъектах ДФО не были достигнуты отдельные показатели. Оценка результатов осложняется тем, что в отчётных данных государственных органов субъектов ДФО допускаются различные подходы к учёту итогов показателей. Одной из причин искажения учёта и отчётности по достижению плановых показателей является несовершенство форм отчётности. Так, в рамках проекта ответственным исполнителям необходимо было отчитываться по определённым Министерством здравоохранения РФ формам мониторинга. Однако оперативные данные и данные, подаваемые в рамках этих форм, различаются более чем на 20 %.

Кроме того, не все субъекты РФ выполнили рекомендации, разработанные Министерством здравоохранения РФ по созданию региональных центров ПМСП. Например, Региональный центр ЕАО создан на функциональной основе, а в Амурской области количество штатных должностей не соответствует рекомендуемым (занята 1 ставка из 5).

Вместе с тем представленные органами государственной власти субъектов ДФО итоги реализации проектов являются промежуточными, а плановые меры имеют перспективное продолжение.

В частности, в Амурской области для достижения целей идёт подготовка к введению 26 ФАПов, определены участки для введения [16]. В Республике Бурятия в рамках проекта в 2020 г. все введённые в эксплуатацию ФАПы и амбулатории были приведены к единому стандарту. В регионе особое внимание уделено различным формам выездной работы. Для этого было приобретено 36 мобильных комплексов [3]. В ЕАО в период с 2019 по 2020 гг. проведена специальная подготовка специалистов 7 медицинских учреждений. Кроме того, разработана маршрутизация пациентов для прохождения диспансеризации в учреждениях здравоохранения области; увеличено время работы флюорографического кабинета в ОГБУЗ «Областная больница» до полного рабочего дня (с 8:00 до 18:00) с выдачей результатов исследования в день обращения, в поликлинику приобретено два новых флюорографических аппарата, также аналогичные аппараты доставлены во все муниципалитеты; возобновлена работа клинико-диагностической лаборатории ОГБУЗ «Областная больница». В области уже два года действует электронная запись населения на диспансеризацию и профилактические осмотры, в том числе через личный кабинет портала «Госуслуги» и через сайт «Регистратура79.рф», активно пропагандируются дистанционные формы записи на приём к врачу и диспансеризацию. Все учреждения здравоохранения ЕАО увеличили время работы до 20:00 и в субботние дни для проведения диспансеризации населения и профосмотров. Хорошо себя зарекомендовали субботние приёмы пациентов ОГБУЗ «Онкологический диспансер» и женской консультации ОГБУЗ «Областная больница» [18].

В Забайкальском крае на всей территории действует 41 ФАП, приобретены и уже в работе 33 мобильных комплекса: флюорографы, маммографы и передвижные ФАПы. Также согласованы лётные часы для санитарной авиации [17]. В Камчатском крае в учреждениях здравоохранения оборудованы пандусы, поручни, подъёмные платформы (аппараты), приобретены кресла-коляски, обустроены туалетные комнаты для маломобильных граждан, установлены кнопки вызовов, раздвижные двери, адаптированные лифты, достаточная ширина дверных проёмов в стенах, лестничных маршей, площадок, выделенные на имеющейся автостоянке места для автотранспортных средств инвалидов.

В Magаданской области успешно идёт формирование сети медицинских организаций первичного звена, включая труднодоступные районы области. Так, запланировано создание 5 ФАПов, строительство врачебной амбулатории, приобретение 3 передвижных медицинских комплексов. Продолжается реализация проекта «Бережливая поликлиника» в 9 медицинских организациях области [7].

В Приморском крае с 01 мая 2019 г. функционирует региональный проектный офис по созданию и внедрению «Новой модели медицинской организации». Данная структура осуществляет функции по «методической поддержке и координации работы медицинских организаций, образовательных организаций, территориальных фондов ОМС». Она же взаимодействует с территориальными органами Росздравнадзора по проведению анализа организации системы ПМСП. В 2020 г. произведена замена «9 ФАПов, которые находились в аварийном состоянии или требовали сноса или реконструкции» [15].

В Республике Саха (Якутия) приобретены «4 модульных фельдшерско-акушерских пункта, создано 16 ФАПов». В 2020 г. установлена автоматическая система управления скорой медицинской помощью во всех районах республики и в ГКУ Республики Саха (Якутия) «Республиканский центр медицины катастроф Министерства здравоохранения Республики Саха (Якутия)». В 2021 г. разработан механизм взаимодействия и внедрена единая система мониторинга с телемедицинским центром Республиканского центра медицины катастроф [12].

В Сахалинской области в рамках проекта построены ФАПы в 5 сёлах. Помимо этого, в области продолжают развивать выездные формы оказания медпомощи. Для этого приобретено 15 мобильных комплексов (10 стоматологических и 5 рентгенологических). В 2021 г. было запланировано приобретение ещё трёх единиц. Всего в регионе имеется 40 мобильных комплексов. Дальнейшие планы правительства области предусматривают создание Единого диспетчерского центра скорой помощи (на базе нового здания скорой помощи и центра медицины катастроф в Южно-Сахалинске). Также запланировано строительство вертолётной площадки на территории Сахалинской областной больницы [5].

В Хабаровском крае в 2020 г. построена вертолётная площадка для санитарной авиации, дооснащены 26 детских поликлиник и больниц [20].

Итак, в каждом из субъектов ДФО за 2 года реализации федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» имеются положительные изменения. В федеральном округе нет ни одного субъекта РФ, который бы не достиг ни одного показателя, предусмотренного проектом.

Ускорить ход реализации проекта может усиление государственного контроля (надзора) уполномоченным органом по жалобам граждан в области качества предоставления медицинских услуг лицензируемого вида деятельности. Под контролем должно быть качество лекарственных препаратов, реализуемых в аптеках, и БАДов в части их неэффективного лечения. Следует взять под жёсткий контроль работу регистратуры медицинского учреждения, недостатки организации работы аптек и др. Своевременная реакция на жалобы граждан подскажет слабые места системы здравоохранения. Пока данные вопросы не относятся к компетенции управления Роспотребнадзора.

Авторы считают, что Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414 позволит изменить положение дел с обеспечением ПМСП граждан. Так, согласно ст. 44, к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ отнесена «организация оказания населению субъекта РФ ПМСП». Сотрудничество,

осуществляемое органами публичной власти в интересах потребителей ПМСП, направлено на достижение положительных результатов.

Для достижения целей органы публичной власти субъектов РФ и местного самоуправления будут вести координацию по организации работы и устранению недостатков, выявленных по результатам независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере охраны здоровья, образования, социального обслуживания.

Система ПМСП в современных условиях должна быть усиlena не только специальной инфраструктурой, но и подготовленными кадрами, чтобы люди, переболевшие в пандемию COVID-19 и другими заболеваниями, могли получить адекватную реабилитацию.

Таким образом, анализ государственной политики по развитию первичной медико-санитарной помощи в период с 1970 по 2021 гг. показал, что именно в 1970-х гг. шло развитие ПМСП в единой системе специализированной медицинской помощи, что давало положительные результаты для охраны здоровья населения. Поэтому необходим учёт того позитивного опыта в здравоохранении, который был накоплен в советское время. Именно положительный опыт организации и деятельности органов здравоохранения обусловил возврат государства к восстановлению первичной медико-санитарной помощи в современных условиях.

В новых условиях органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте РФ, призваны осуществлять «взаимодействие в целях создания условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта РФ» (ст. 2) [13]. Национальные проекты при условии их успешной реализации являются надёжным инструментом решения многочисленных проблем в обеспечении охраны здоровья населения, общества, государства в целом.

ПМСП особенно необходима в отдалённых от административных центров населённых пунктах, поэтому создание качественных медицинских опорных центров в каждом посёлке будет способствовать «сбережению» народа, сохранению здоровья жителей повсеместно.

Исследование исторического опыта с учётом социологических методов такой системы, как ПМСП, позволит избежать ошибки при разработке современной государственной политики по обеспечению охраны здоровья в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алма-Атинская декларация, 1978 г. // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. Европейское региональное бюро. – URL: <https://www.euro.who.int/ru/publications/policy-documents/declaration-of-alma-ata,-1978> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
2. Документ ВОЗ и ЮНИСЕФ. Концепция первичной медико-санитарной помощи в XXI веке: на пути к ВОУЗ и ЦУР // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/primary-health-care> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
3. И. о. министра здравоохранения Бурятии Евгения Лудупова рассказала об итогах 2020 г. по реализации национальных проектов в сфере здравоохранения // Новости Улан-Удэ БЕЗФОРМАТА. – URL: <https://ulanude.bezformata.com/listnews/realizacii-natoproektov-v-zdravooхранenii/90613182> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
4. Люцко, В. В. Нормативное обеспечение деятельности врачей по оказанию первичной медико-санитарной помощи : автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.02.03 / Люцко Василий Васильевич. – М., 2019. – 24 с.
5. Мила Тен: Нацпроект совершенствует здравоохранение в Сахалинской области // Новостной портал SakhalinMedia. – URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/888253> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1971. – 824 с.
7. Национальные проекты и исполнение указов // Сайт Министерства здравоохранения и демографической политики Магаданской области. – URL: <https://minzdrav.49gov.ru/activities/decree> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
8. Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь: методические рекомендации Минздрава России от 02 июля 2019 г. // АО «Кодекс», 2022. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/560498624?section=status> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

9. Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь: методические рекомендации (2-е издание с дополнениями и уточнениями), утв. Минздравом России 30 июля 2019 г. // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/proekt-berezhlivaya-poliklinika/standarty> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
10. Новикова, Е. В. Проблемы и задачи эффективной реализации национального проекта «Здравоохранение» / Е. В. Новикова, А. А. Крылова, Н. В. Высоцкий // Сила систем. – 2020. – № 3 (16). – С. 7-14.
11. О здравоохранении: Закон РСФСР от 29 июля 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1971. – № 31. – Ст. 656.
12. О сводном годовом докладе о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Республики Саха (Якутия) за 2020 год: Указ главы республики Саха (Якутия) от 29 мая 2021 г. № 1874 // Официальный сайт Министерства здравоохранения Республики Саха (Якутия). – URL: <https://minzdrav.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
13. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52. – Ст. 8973.
14. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Ч. II). – Ст. 373.
15. Отчёты Министерства здравоохранения за 2019/2020 гг. // Официальный сайт Правительства Приморского края. – URL: <https://www.primorsky.ru/regionalnye-proekty/zdravookhranenie> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
16. Под возведение 26 ФАПов // Портал Правительства Амурской области. – URL: https://www.amurobl.ru/posts/news/pod-vozvedenie-26-fapov-v-priamure-opredeleny-uchastki/?sphrase_id=5247168 (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
17. Полностью реализован региональный проект по первичной медико-санитарной помощи в Забайкалье в 2020 году // Официальный портал Забайкальского края. – URL: <https://75.ru/news/201484> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
18. Проекты и достижения // ОГКУЗ «МИАЦ». – URL: <http://miaceao.ru/proekty-i-dostizheniya> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
19. Ракшина, И. В. Реорганизация здравоохранения во второй половине 80-х – 90-е годы XX века (на материалах Куйбышевской (Самарской) и Волгоградской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ракшина Ирина Викторовна. – Пенза, 2007. – 24 с.
20. Реализация национальных проектов в Хабаровском крае в 2020 году // Официальный сайт Правительства Хабаровского края. Национальные проекты в Хабаровском крае. – URL: <https://np.khabkrai.ru/Important> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.
21. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
22. Число граждан, прошедших профилактические осмотры // Официальный сайт ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59702> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

ЭКОНОМИКА ECONOMICS

Бережной С. А., Кудрякова Н. В.
S. A. Berezhnoi, Kudryakova N. V.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF MATERIAL RESOURCES MANAGEMENT AT OIL REFINING INDUSTRY ENTERPRISES

Бережной Сергей Алексеевич – магистрант кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)428-92-52. E-mail: sergeyberezhnay@mail.ru.

Sergei A Berezhnoi – Master's Degree Student, of Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin ave., Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; tel. +7(914)428-92-52. E-mail: sergeyberezhnay@mail.ru.

Кудрякова Надежда Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Nadezhda V. Kudryakova – PhD in Economics, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Аннотация. В работе рассмотрены особенности управления материальными запасами на предприятиях нефтепереработки. Авторы отмечают, что основная задача материальных запасов, которые являются частью оборотных средств предприятий нефтепереработки, это обеспечение непрерывности производства. Если величина материальных запасов превышает запланированный объём производства, это приводит к связыванию оборотных средств организации и далее к необходимости дополнительно кредитоваться, поскольку без привлечения дополнительного финансирования нормальная работа предприятия становится невозможной. Проблема эффективного управления материальными запасами – это необходимость постоянно поддерживать равновесие между запланированной и фактической потребностью производства в материальных ресурсах. По мнению авторов, актуальная автоматизация процесса управления материальными запасами позволит сократить логистические издержки за счёт повышения точности прогнозируемости состояния запасов, а кроме того, снизить объёмы излишних запасов и в целом будет способствовать повышению качества принимаемых решений в области управления материальными запасами на нефтеперерабатывающих предприятиях.

Summary. The paper considers features of inventory management at oil refining enterprises. The authors note that the main task of inventories, which are part of the working capital of oil refining enterprises, is to ensure the continuity of production. When the amount of material reserves exceeds the planned volume of production, this leads to the binding of the working capital of the organization, and further, to the need for additional lending, since without attracting additional financing, the operation of the enterprise becomes impossible. The problem of effective inventory management is the need to constantly maintain a balance between the planned and actual production needs for material resources. According to the authors, the actual automation of the inventory management process will reduce logistics costs by increasing the accuracy of forecasting the state of reserves, and in addition, reduce the volume of excess reserves, and in general, will contribute to improving the quality of decisions in the field of inventory management at oil refineries.

Ключевые слова: материальные запасы, управление материальными запасами, эффективность предприятия, повышения эффективности управления, нефтепереработка.

Key words: inventories, inventory management, enterprise efficiency, management efficiency improvement, oil refining.

УДК 338.124:665.6/.7

Материальные запасы – это совокупность материальных ресурсов, в состав которых, помимо самих запасов, входит незавершённая и готовая продукция, являющаяся собственностью организации. Основная задача материальных запасов, которые являются частью оборотных средств, это обеспечение непрерывности производства. Проблемы возникают, когда величина материальных запасов превышает запланированный объём производства, что, по сути, является связыванием оборотных средств организации и далее по цепочке приводит предприятие к необходимости дополнительно кредитоваться, поскольку без привлечения дополнительного финансирования нормальная работа предприятия становится невозможной. Как мы видим, проблема эффективного управления материальными запасами – это необходимость постоянно поддерживать шаткое равновесие между запланированной и фактической потребностью производства в материальных ресурсах.

Говоря об особенностях в управлении материальными запасами предприятия нефтепереработки, мы должны отметить, что нефтеперерабатывающие заводы – это капиталоёмкие высокоспециализированные средства производства с длительным сроком службы, требующие как значительных начальных инвестиций, так и постоянных высоких эксплуатационных расходов. А в целом нефтеперерабатывающая промышленность – это крупномасштабная и низкорентабельная отрасль, характеризующаяся низким уровнем окупаемости вложений и неустойчивой прибыльностью. К примеру, прибыльность нефтепереработки в 1988 г. равнялась 15 %, с 1992 по 1995 гг. в среднем составляла 2 %, вновь достигла максимума 15 % в 2001 г. и затем стремительно упала до 1,7 % в 2002 г.

Специфика предприятий нефтепереработки также отражается в большом удельном весе рабочих машин и оборудования. Доля их в отдельных случаях достигает 70 %. Связано это с тем, что в нефтепереработке к этой группе основных фондов относятся все технологические установки. Кроме того, в отличие от добычи, нефтепереработка – отрасль с высокой степенью автоматизации, с помощью которой обеспечивается непрерывный процесс производства, контроль за технологическими параметрами и отслеживание характеристик вредных выбросов, что также даёт увеличение процента оборудования.

Управление материальными запасами по своей сути – это управление большими массивами данных:

- потребности подразделений;
- планы закупок;
- остатки на складах;
- объём финансирования и др.

Информационная система управления материальными запасами без значительных финансовых вложений гарантировано поднимет уровень экономической эффективности производства за счёт того, что умеет сводить данные точнее, быстрее и эффективнее, чем кто-либо или что-либо другое. В качестве результата управления мы получаем уменьшение складских запасов, их оптимизацию и повышение общей управляемости материальными запасами организации.

Ускоренное развитие цифровых технологий, доступность интернета создали условия для появления различных вариантов управления материальными запасами. Достаточно длительный опыт использования рассматриваемых нами программных продуктов подтверждает способность таких систем гарантировать устойчивость предприятий нефтепереработки в условиях колебаний цен на сырьё, усложнения логистических цепочек.

В качестве удобного и результативного инструмента управления материальными запасами предприятия нефтепереработки рассмотрим «1С: ERP Управление предприятием».

Программная среда «1С: ERP Управление предприятием» – это многоуровневая информационная система класса ERP, предназначенная для управления ресурсами предприятия, она способна охватить все этапы производства и учёта на нефтеперерабатывающем предприятии. Кроме

упорядочивания главных бизнес-процессов, система будет отслеживать целый ряд ключевых показателей, касающихся деятельности предприятия.

Позволяя организовывать взаимодействие всех подразделений, координировать деятельность производственных участков, оценивать эффективность деятельности предприятия, отдельных подразделений и персонала, программа даёт возможность получить единую информационную систему для управления деятельностью всего нефтеперерабатывающего предприятия.

Этап управления закупками товаров и материалов позволяет ответственному персоналу воспользоваться массивом информации, достаточным для принятия решений по корректировке уровня запасов, машинные алгоритмы упрощают и ускоряют работу специалиста по оптимизации затрат на материальные запасы и сводят к минимуму возможность срыва плана производства по причинам отсутствия необходимых материалов.

Субсистема управления закупками позволяет контролировать следующие вехи:

- формирование потребностей в закупке, составление заявок на закупку, закупочные процедуры, контроль на всех этапах – от формирования заявки до договора;
- поступление на склад, отчёт по входному контролю;
- аналитический расчёт минимально необходимого уровня материальных запасов.

Программный комплекс автоматизирует процесс планирования материальных ресурсов по двум основным категориям:

1. операционные материальные запасы, задачей которых является обеспечение текущей производственной деятельности предприятия;

2. страховые запасы, необходимые для защиты как от непредвиденных аварийных ситуаций на производстве, так и в случаях превышения срока поставки заказанных ранее материальных ресурсов.

Планирование операционных запасов проводится на основе методики нормирования с учётом потребности прошедших периодов.

Система применяет фактические параметры учёта товарно-материальных ценностей организации. Объём необходимых товаров и материалов определяется исходя из наличия текущих остатков на складе организации и с учётом норм страхового запаса.

Для формирования страховых и аварийных запасов применяется методика «точки заказа». С помощью данной методики происходит автоматическое составление заявки на закупку, согласование и включение в план закупок при снижении конкретной номенклатурной позиции ниже предопределённого уровня – точки заказа. Данный способ делает возможным управление формированием заявки на закупку и расчёт её необходимого объёма. Точка заказа и количество страхового и аварийного запаса при необходимости вводятся или рассчитываются для каждой группы товаров. Программа предоставляет возможность использовать и другие механизмы расчёта уровня страхового и аварийного запаса (например, установка фиксированного значения, по среднему размеру партий номенклатуры, по оптимальному размеру заказа), решение о применении той или иной функции принимает ответственный работник.

Каждая номенклатурная позиция может обладать любым количеством дополнительных признаков. Помимо наименования товара, это может быть номер заказа, проекта, фото готового изделия и т. д.

Перечень возможностей, предоставляемых программой:

- эффективное управление закупками в соответствии с планами продаж, планом производства, в том числе отработка неисполненных частей заказов, внутренних заказов;
- учёт и отработка заказов поставщиков и оперативный контроль за их исполнением;
- управление запасами по методу «точка заказа» – формирование заказов поставщикам по достижении запасами указанного уровня (точки заказа);
- учёт и анализ исполнения условий договоров с фиксированными номенклатурными позициями, объёмами и сроками поставок;
- обеспечение различных схем приёма товаров от поставщиков, в том числе получение давальческого сырья и материалов (применяется в нефтепереработке);

- аналитика потребностей склада и производства в товарах, готовой продукции и материалах;
- планирование закупок с учётом прогнозируемого уровня складских запасов и зарезервированных товарно-материальных ценностей на складах;
- выбор наилучших поставщиков товара с учётом критериев надёжности, истории поставок, срочности исполнения заказов, территориальному и прочим произвольным признакам;
- автоматическое формирование заказов для подобранных поставщиков;
- составление актуализированных графиков поставок и графиков платежей.

Оптимизация запасов – один из способов повысить коммерческую эффективность любого предприятия, поскольку излишки запаса замораживают значительные денежные средства и снижают финансовую независимость, в то же время недостаток запасов приводит к перебоям в работе предприятия.

Одной из проблем, которые с успехом позволяют решить интеллектуальные системы на основе нейронных сетей, является прогнозирование. Для повышения точности прогноза управления запасами конфигурация предоставляет возможность использования искусственного интеллекта.

Для проведения расчётов по прогнозированию используется широкий ряд математических функций: кластерный, регрессивный и факторный анализ, математическая статистика и т. д. Перечисленные методы уступают расчётам, использующим искусственные нейронные сети (ИНС), поскольку последние позволяют работать со значимо большими объёмами информационных данных, находить зависимости между разнообразными факторами. Кроме этого, ИНС, обладая более высокой вычислительной мощностью, работают без соотнесения с определённым прикладным сектором, могут работать с таблицами данных, имеющими пропуски. Главным преимуществом нейронных сетей является их возможность к обучению, а именно возможность переучивать их в случае получения новых объёмов информации. Обучение подразумевает механизм приспособления ИНС с целью получения минимума какого-либо оценивающего функционала, например оценка результата решения поставленной цели. Прогноз уровня запасов проводится с целью экономии средств предприятия, в том числе для уменьшения рисков формирования избыточного запаса, перерасхода, т. е. нахождения оптимального соотношения запасов для выполнения производственных планов в оговорённые сроки.

На данный момент в качестве программного инструмента управления материальными запасами (ресурсами) компания «Роснефть» использует информационную систему SAP, которая является одним из мировых лидеров среди программных продуктов линейки ERP (англ. Enterprise Resource Planning, планирование ресурсов предприятия). Система зарекомендовала себя как достаточно надёжный инструмент управления ресурсами предприятия.

В частности, этап управления материальными запасами разбит на несколько этапов и реализован следующим образом:

1. При возникновении потребности в товарно-материальных ценностях (ТМЦ) специалист проверяет наличие необходимого материала или товара в базе материалов и в случае отсутствия в базе находит документально подтверждённые данные о характеристиках товара, формирует заявку на его включение в перечень материалов. Заявка попадает к ответственному работнику, который на основании полноты приложенных к заявке документов принимает решение и может как согласовать заявку, так и направить её на доработку. В случае успеха новому материалу присваивается уникальный номер, который далее используется при формировании заявки на закупку.

2. Далее необходимо указать стоимость товара для определения возможности финансирования. Для этого необходимо провести анализ, возможно, ранее проводилась закупка аналогичного товара, тогда можно использовать известную стоимость с учётом годовых поправочных коэффициентов. В случае если такой товар ранее не закупался, проводится процедура опроса рынка для получения информации о стоимости от потенциальных поставщиков.

3. После получения стоимости можно переходить к формированию заявки на закупку, которая обычно состоит из нескольких товаров, объединённых по какому-либо признаку. После формирования заявки автоматически проходит этап проверки наличия необходимого финансирования (в случае успеха система переводит заявку на этап согласования со службами).

4. После согласования заявка по соответствующим критериям включается в один из планов закупок и после согласования передаётся на этап закупочных процедур.

5. Закупочная процедура размещается на соответствующей торговой площадке, результаты закупки также передаются в систему.

6. По факту прихода товара на склад предприятия вводятся данные и товар появляется на остатках, система следит за сроками вовлечения товара в производство.

К сожалению, все указанные этапы проходят не совсем в автоматизированном режиме, персонал использует несколько различных программ, на постоянной основе в ручном режиме подгружая необходимую информацию с различных этапов. Огромной проблемой является необходимость формирования отчётов для руководства и кураторов. Пользоваться информацией напрямую из информационной системы почему-то не принято. А поскольку выгружаемая из системы информация слишком громоздкая и перегруженная избыточными данными, то любые отчёты приходится обрабатывать в ручном режиме.

К общим недостаткам системы можно отнести высокую требовательность к мощности компьютера, инженерный интерфейс (неинтуитивный), сложность в овладении и наличие большого количества модулей, связывание которых между собой требует финансовых затрат и привлечения квалифицированных специалистов.

В 2022 г. в наступившей геополитической обстановке возможны риски отказа от обслуживания и технической поддержки SAP от материнской компании. Это грозит привести к параличу управления предприятиями, чьи данные обрабатываются при помощи связанных информационных систем.

Не менее важен вопрос финансовых затрат на программные продукты. В нашем случае, согласно различным экспертным оценкам, средняя стоимость пользовательской лицензии SAP составляет 2000-3000 евро, а 1С – 70 евро. Таким образом, стоимость успешно действующей отечественной разработки в 20-30 раз дешевле – это ли не способ ещё более эффективного управления материальными ресурсами?

Таким образом, предприятие нефтепереработки имеет возможность использовать рассмотренный программный продукт с целью эффективного управления материальными ресурсами организации при решении следующих задач:

- для оптимизации плана производства, формирования актуального плана задач, учитывавшего степень загрузки оборудования и потребности в материалах;
- перехода от отдельных разрозненных и утративших свою эффективность фрагментов системы управления к максимально результативной работе в целом информационном кластере;
- интуитивно понятого управления с возможностью отслеживания необходимых показателей работы организации на всех уровнях ведения бизнеса;
- отлаженной работы всех задействованных подразделений предприятия при планировании, выполнении планов закупок и производства;
- повышения надёжности и скорости получения информации;
- получения достоверных значений деятельности организации с возможностью настройки аналитики под потребности конкретного предприятия.

Актуальная автоматизация процесса управления материальными запасами позволит сократить логистические издержки за счёт повышения точности прогнозируемого состояния запасов, а кроме того, снизить объёмы излишних запасов и в целом будет способствовать повышению качества принимаемых решений в области управления материальными запасами на нефтеперерабатывающих предприятиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – 2-е изд. – М.: Книжный мир, 2007. – 896 с.
2. Дьячков, Н. В. Управление запасами нефтеперерабатывающего комплекса на основе имитационного моделирования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / Дьячков Николай Викторович. – Пермь, 2003. – 160 с.

3. Янчушка, А. П. Управление материальными потоками в условиях давальческой схемы переработки нефтяного сырья: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Янчушка Анна Павловна. – Уфа, 2005. – 145 с.
4. Токманев, С. В. Решение проблем управления запасами в условиях развития логистической инфраструктуры / С. В. Токманев // Российское предпринимательство. – 2008. – Т. 9. – № 2. – С. 92-97.
5. Управление производственным предприятием. Планирование // ООО «1С», 2022. – URL: <http://v8.1c.ru/enterprise/13/134.htm> (дата обращения: 01.04.2022). – Текст: электронный.
6. Методы нейроинформатики: сб. науч. трудов / Под ред. А. Н. Горбаня. – Красноярск: КГТУ, 1998. – 205 с.
7. Гавриловская, С. П. Оптимизация затрат на предприятиях нефтепереработки: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Гавриловская Светлана Петровна. – Белгород, 2010. – 194 с.
8. Горлов, В. В. Оптимизация затрат нефтеперерабатывающих предприятий Российской Федерации / В. В. Горлов, О. И. Новикова // Бизнес и дизайн ревю. – 2018. – № 2 (10). – С. 2.
9. Горлов, В. В. Особенности управления затратами на нефтеперерабатывающих предприятиях / В. В. Горлов, А. А. Синицин // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Современный гуманитарный университет, 2018. – С. 531-537.
10. Экономика предприятий нефтяной и газовой промышленности: учеб. / В. Ф. Дунаев, В. Д. Шпаков, Н. П. Епифанова, В. Н. Лындина; под ред. В.Ф. Дунаева. – М.: ФГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2006. – 352 с.
11. Аносов, В. М. Организация управления эффективностью оборотных средств в современных условиях / В. М. Аносов // Экономика. Финансы. Управление. – 2011. – № 25. – С. 67-72.
12. Ледин, М. И. Управление запасами (экономико-математические методы) / М. И. Ледин. – М.: Знание, 1978. – 64 с.
13. Линдерс, М. Р. Управление снабжением и запасами. Логистика / М. Р. Линдерс, Х. Е. Фирон. – М.: Виктория-плюс, 2007. – 98 с.
14. Лотоцкий, В. А. Методы и модели управления запасами / В. А. Лотоцкий, А. С. Мандель. – М.: Наука, 2005. – 222 с.
15. Лейберт, Т. Б. Современные аспекты управленческого учёта затрат в нефтедобывающих компаниях / Т. Б. Лейберт, Э. А. Халикова // Экономика и управление: научно-практических журнал. – 2013. – № 5. – С. 85-89.

Гусева Ж. И., Шинкорук М. В.
Zh. I. Guseva, M. V. Shinkoruk

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

TIME MANAGEMENT AS A HR MANAGEMENT TOOL

Гусева Жанна Игоревна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент, маркетинг и государственное управление» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: chiclady@mail.ru.

Zhanna I. Guseva – PhD in Economics, Associate Professor, Management, Marketing and Public Administration Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: chiclady@mail.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Психология, педагогика и социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Marina V. Shinkoruk – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Psychology Pedagogy and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы системы управления персоналом в организации. Даётся характеристика существующей методологической базы, актуализируется современный подход к управлению персоналом в зависимости от характера и специфики управления организацией. Выявляется необходимость учёта методов и технологий тайм-менеджмента для организации, рационального использования времени персонала и, как следствие, всей организации. Для этого описываются методология нового направления, авторские разработки, методы и этапы достижения цели организации при правильном планировании времени персонала. Персонал как главный элемент предприятия, часть системы организации через рационализацию своего рабочего времени, новые подходы и направления в тайм-менеджменте совершенствует выполнение своих обязанностей и уровень достижения общих целей организации.

Summary. The current issues of the personnel management system in the organization are considered. The characteristic of the existing methodological base is given, the modern approach to personnel management is updated depending on the nature and specifics of the organization management. The necessity of taking into account methods and technologies of time management for the organization, the rational use of staff time and, as a consequence, the entire organization is revealed. For this purpose, the methodology of the new direction, author's developments, methods and stages of achieving the organization goals are described, with proper planning of staff time. Personnel as the main part of the enterprise, part of the organization system through the rationalization of their working time, new approaches and directions in time management improves the performance of their duties and the level of achievement of the overall goals of the organization.

Ключевые слова: система управления персоналом, концепции, тайм-менеджмент, методологическая база исследования, типы и виды тайм-менеджмента.

Key words: personnel management system, concepts, time management, methodological base of research, types of time management.

УДК 005.95

Современная система управления персоналом – совокупность элементов управления организацией, позволяющая рационально и планомерно управлять человеческими ресурсами в организациях.

Различные концепции управления персоналом позволяют рассмотреть суть (роль) человека, его место в системе организации. Рассмотрим эволюцию концепций в области управления персоналом. Концепция «использования трудовых ресурсов» определяет человека как «винтиком» боль-

шего механизма «организации». Работник нужен для выполнения определённых функций, которые измеряются затратами рабочего времени и зарплатой.

Концепция «управления персоналом» определила формализованный подход к работнику, т. е. через должность, а управление осуществлялось через приказы, распоряжения, указания – административные методы.

Иной взгляд на роль персонала в организации, его неповторимость в управлении организацией раскрывают следующие концепции. Концепция «управления человеческими ресурсами», где персонал рассматривается как элемент – ресурс, в который необходимо вкладывать деньги на развитие потенциала, учитывать индивидуальные способности, при этом контролировать выполнение трудовых функций. Примерно в этом же ракурсе рассматривает роль работника концепция «управления человеком», где персонал – особый объект управления. Стратегия управления персоналом строится с учётом индивидуальных особенностей личности работника.

На сегодняшний момент практика применения концепций разносторонняя. В зависимости от сферы деятельности и внедрения инновационных подходов в организации можно увидеть применение одной или нескольких концепций одновременно.

Эволюция взглядов на место человека в системе организации позволяет определить отношение руководителя к персоналу. В зависимости от квалификации и опыта работника применяют современные методы управления ресурсами организации, позволяющие эффективно разрабатывать тактически верные пути решения управленческих задач.

Стремясь к достижению параметров эффективности деятельности организации, руководство использует новые области знаний. Одним из таких направлений является тайм-менеджмент персонала. Рассмотрим его сущность для определения роли его влияния на систему управления персоналом.

Тайм-менеджмент – научное направление, раскрывающее приёмы и методы, принципы определения и распределения времени (временного ресурса) человеком в повседневной и деловой жизни. Данное понятие можно рассмотреть в контексте личного понимания, управления собственным временем. С другой стороны, это корпоративное восприятие, образование команды единомышленников, управление временем компании. Это позволяет управлять ресурсами организации рационально, используя методики российских и зарубежных авторов в области эффективного распределения времени.

Раскрывая и описывая элементы тайм-менеджмента (ТМ), мы должны обозначить типы ТМ, которые существуют на практике.

Первый тип – «индивидуальный», опирается на парадигму личностного саморазвития. Используемые методы организации собственного времени персоналом основываются на личном самообучении. Информацию для реализации на практике работник черпает из книг, семинаров, тренингов.

Индивидуальный тайм-менеджмент – это увлечение, попытка реализовать себя в новой позиции «рационализатора времени», определив приоритеты в планах на собственную жизнь и внутренностные цели. Применение индивидуального ТМ – в социально-гуманитарной сфере (творчество, изобретения, креативность, инноватика).

«Ролевой ТМ» – второй тип, который ориентирован на решение конкретных (специфических) профессиональных или карьерных задач. Анализ причин дефицита времени и перегруженности рутинной документацией может осуществить профессиональный консультант – человек, умеющий выявить хронофаги (поглотители времени) в работе персонала.

«Социальный ТМ» – третий тип. Акцент делается на новом объекте – группе людей и/или организационной подструктуре (организации в целом). Сложность его осуществления состоит в долгосрочном анализе менеджмента и планирования деятельности, структуры организации, процессов по управлению персоналом организации (адаптации к инновационным внедрениям и последовавшим за ними изменениям).

Обучение проходит в обычном режиме – проведение тренингов, курсов, семинаров. При рассмотрении вопроса сплочённости коллектива и места в нём персонала руководитель (коуч-

тренер, супервизор) должен разработать на основе ТМ адаптационную программу персонала, тренинги по сплочению коллектива и мотивированию.

Целью ТМ являются понимание каждым работником организации необходимости управления временем, обучение методикам и техникам рационализации, хронометрии, делегирования полномочий, расстановки приоритетов. Основная идея работы в этом направлении должна исходить от работника и стимулироваться для осуществления руководителем.

В основе тайм-менеджмента лежат выбор правильной методики по анализу собственных навыков планирования и её реализация. В зарубежной литературе такая расстановка целей носит название «дерево целей» – переход от большого к малому (приоритетов, проблем, планов). Как основа этого подхода – в краткосрочном периоде планирования мероприятий можно доработать детали. В долгосрочном периоде – уметь ставить цели, реалистично оценивая свои преимущества и недостатки в перспективном плане. Главное условие эффективного ТМ – цель должна быть конкретной и достижимой.

Кайдзен – это японская бизнес-философия, которая позволяет выстроить и наладить работу в компании. Сам по себе кайдзен не предлагает готовой пошаговой стратегии, которой можно следовать, чтобы всё было хорошо. Это идеи и принципы, на которые стоит опираться. Базовый постулат – маленькие шаги в нужных направлениях помогают получить многое. Основой являются принципы бережливого производства – это японская система менеджмента, основанная на непрерывном совершенствовании, позволяющая минимизировать потери и сделать работу максимально эффективной. Бережливое производство и его принципы рассматривают все ресурсы предприятия, в частности время, которое также ценно, как и все остальные элементы системы управления.

Японская система Кайдзен основывается на выявлении приоритетов, распределении времени и сил, экономии всего, что можно сэкономить. Результат окажется глобальным и ощутимым, т. к. экономическая выгода будет явной. Залог успеха в применении кайдзен – это стремление человека к качеству без потерь (качеству жизни, работы, событий, результатов своих действий), ведь потери – это также о времени, усилиях, личном потенциале.

Тайм-менеджмент не является решением всех проблем в работе персонала. Можно переоценить свои возможности в расстановке приоритетов и ценностей, не правильно спланировать действия в работе.

Практическое применение новых взглядов на управление персоналом рассматривают руководители, заинтересованные в положительной динамике развития персонала, внедрении инновационных процессов в менеджмент организации, повышении показателей эффективности деятельности. Чтобы внедрять тайм-менеджмент в систему персонала, необходимо настроить работников на решение психологических барьеров, стереотипов мышления – избавиться от лени, нерешительности, страха перед принятием решений или недоверия к людям. Понимание правильной организации времени даёт результаты: исчезает необходимость в вечном беге, появляется время для отдыха, реализации себя.

Персонал, способный правильно спланировать свой рабочий день, при наличии интеллектуальных способностей и творческого потенциала сможет распределить усилия, выполнить во время запланированные рабочие мероприятия и задания, определить приоритетность в деятельности и саморазвитии.

Стивен Кови, основатель ТМ, рассматривает преемственность четырёх поколений ТМ. Кови – один из самых выдающихся бизнес-экспертов мира, автор бестселлера «Семь навыков высокоэффективных людей», который журнал Chief Executive назвал самой влиятельной деловой книгой последних 100 лет, а журнал TIME включил в список 25 ключевых бизнес-книг. Он посвятил свою жизнь обучению людей эффективному лидерству и целостному развитию человека. Автор нескольких книг: «Правила эффективного лидерства», «Великие мысли», «Правила выдающейся карьеры».

Четыре поколения ТМ – эволюционный подход к развитию знаний, персонала и правильно распределения времени в организации.

Первое поколение ТМ описывает основные элементы и правила деятельности с использованием основ эффективного распределения времени. Персонал формально знакомится с перечнем методов и правил, позволяющих повлиять на работу индивидуального и группового характера.

Второе поколение ТМ описывает, помимо формального применения норм по учёту времени от настоящего к перспективе, основы практического внедрения и рационализации работы персонала с помощью инструментария по планированию времени (календари и организаторы).

Третье поколение ТМ, с учётом недостатков первых двух, рассматривает разработку адаптационной программы персонала в условиях изменения внешней и внутренней среды организации для сплочения коллектива и повышения уровня мотивации.

Четвёртый подход является собственной разработкой Кови, в приоритете выполнения должны быть задачи важные, но не срочные, позволяющие без суеты и напряжения решать вопросы по мере поступления. Решение важных и срочных дел, которые многие авторы считают первостепенными, приводят к эмоциональному перегоранию и психологическому напряжению.

Управление рабочим временем персонала – это эффективная организация рабочего пространства, времени, подбор необходимого инструментария для расстановки приоритетов выполняемых функций персонала. Можно определить следующие общие принципы или этапы по осуществлению управления временем:

1. Целеполагание – выбор цели для организации на основе опыта, практики и перспективности реализации проекта. Приоритетные направления разнообразны, иногда можно неверно расставить акценты и потратить много сил и времени на реализацию недостижимой цели.

Целеполагание – это элемент процесса планирования, первая функция управления организацией. Всё начинается с цели организации и с того, как её реализовать. От правильного выбора направления движения организации к намеченным планам зависит экономический, социальный и другие статусы организации.

Несомненно, учёт мнения специалистов в определённых специфических областях деятельности организации поможет составить список задач на ближнюю и дальную перспективу в реализации проектов и управленческих решений. Экспертное мнение специалиста с опытом вносит в работу руководителя и персонала определённость и обоснованность при постановке и рассмотрении путей достижения поставленных целей.

2. Выбор приоритетов по значимости и возможности реализации. Приоритет – это то, что важно руководителю, персоналу, организации. Важно понять, совпадают ли эти приоритеты в целом, т. к. мотивация персонала может кардинально отличаться от того, что хочет руководитель. Для правильной расстановки приоритетов можно воспользоваться методиками ТМ: SMART-цели, пирамида Эйзенхауэра, матрица разделения приоритетности дел и т. д.

3. Функционирование (реализация) – действия в соответствии с планом и приоритетными направлениями, с помощью чего, каких инструментов и методов реализуются приоритеты и цели.

4. Мониторинг (контроль) достижения цели и выполнения планов, анализ дефектов и ошибок – обязательная процедура после реализации проекта, достижения цели.

Контроль, аудит, мониторинг достигнутых результатов, проверка плана и факта выполнения поставленных целей – это итог работы любого предприятия.

Персонал (коллектив организации) и временные ограничители (сроки сдачи проекта или заказа) способны регулировать деятельность личности.

Дефицит времени для человека работает как стимулятор, ускоряет процесс осуществления мероприятий и функций. Решение некоторых задач происходит более эффективно. Эмоциональная напряжённость оказывает мотивирующее воздействие на сотрудников организации. В такие периоды деятельности наблюдаются безошибочные и быстрые решения сложных задач.

Жёсткие временные ограничения вносят свою специфику в организацию такой работы, и коллектив сотрудников к ним не всегда готов. Кто-то интенсивно работает в команде, но при индивидуальной работе теряет темп и чувство времени.

Необходимо настроить командную работу, правильно распределить роли участников совместной деятельности для задач с разными временными условиями. Требуется инновационная

настройка отношения ко времени (с помощью методик тайм-менеджмента) как на индивидуальном уровне, так и на уровне команды – через согласование стилей управления временем.

Временные приоритеты в условиях постоянных внешних и внутренних изменений приобретают принципиальное значение не только как инструмент управления организациями, но и как средство успешного взаимодействия с партнёрами и поставщиками.

Идея системы ТМ заключается в том, что процесс управления временем аналогичен (по своим основным этапам) процессу управления организацией и как бы «параллелен» ему. Система управления персоналом организации принимает все новшества и разработки в области тайм-менеджмента в зависимости от стиля руководства, специфики групповой работы, квалификации специалистов. Результативность от внедрения в систему организации технологий и методик ТМ очевидна – для развития потенциала сотрудников, для рационального решения задач, для саморазвития персонала путём управления рабочим временем.

Направление тайм-менеджмент развивается быстро и завоёвывает свою нишу в научных кругах. Тема психологического комфорта сотрудников, эффективного распределения временных ресурсов первостепенна для большинства организаций различных сфер управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский, Г. Корпоративный тайм-менеджмент: энциклопедия решений / Г. Архангельский. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 211 с.
2. Гений, А. Высокоэффективный тайм-менеджмент по Матрице Эйзенхауэра / А. Гений. – М.: АСТ, 2018. – 928 с.
3. Дональд, Р. Не делай это. Тайм-менеджмент для творческих людей / Р. Дональд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 352 с.
4. Кеннеди, Д. Жёсткий тайм-менеджмент: Возьмите свою жизнь под контроль / Д. Кеннеди. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 199 с.
5. Моргенстерн, Д. Тайм менеджмент. Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью / Д. Моргенстерн. – М.: Добрая книга, 2015. – 256 с.
6. Мороз, А. Планируй по-своему: 14 секретов персонального тайм-менеджмента / А. Мороз. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. – 304 с.
7. Маслова, В. М. Управление персоналом: учебник и практикум для СПО / В. М. Маслова. – М.: Юрайт, 2019. – 432 с.
8. Пичугин, В. Г. Психология влияния в управлении персоналом: учебное пособие / В. Г. Пичугин. – М.: Прометей, 2020. – 144 с.
9. Пугачев, В. П. Управление персоналом организации: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. П. Пугачев. – М.: Юрайт, 2019. – 402 с.
10. Руденко, А. М. Управление персоналом: учеб. пособие / А. М. Руденко, В. В. Котлярова, А. Т. Латышева. – М.: Феникс, 2020. – 320 с.
11. Нетеберг, Ш. Тайм-менеджмент по помидору. Как концентрироваться на одном деле хотя бы 25 минут / Ш. Нетеберг. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 245 с.
12. Стрелкова, Л. В. Тайм-менеджмент: учеб. пособие / Л. В. Стрелкова, Ю. А. Макушева. – М.: Юнити, 2018. – 352 с.
13. Субботина, Е. А. Правда о найденном времени: тайм-менеджмент для родителей и детей / Е. А. Субботина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 272 с.
14. Трейси, Б. Тайм-менеджмент по Брайану Трейси. Как заставить время работать на вас / Б. Трейси. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 302 с.

Кизиль Е. В.
E. V. Kizil

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ БЮДЖЕТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ON STABILITY OF BUDGETS TERRITORIAL FORMATIONS

Кизиль Елена Витальевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учёт» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kisil_ev@mail.ru.

Elena V. Kizil – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kisil_ev@mail.ru.

Аннотация. Разработка критериев финансового состояния бюджетов бюджетной системы РФ имеет важное значение в свете усиливающихся негативных тенденций снижения уровня самодостаточности местных бюджетов. В работе анализируются различные подходы к понятию устойчивости территориальных (местных) бюджетов. Отмечается, что, несмотря на различные толкования понятийного аппарата финансовой устойчивости, инструментарий её оценки достаточно универсален. На примере бюджета субъекта федерации апробирована одна из методик оценки устойчивости территориального бюджета. Проведён анализ устойчивости бюджетов муниципальных образований региона. Приводятся доводы к использованию отдельных элементов указанной модели для оценки финансовой устойчивости местных бюджетов. Акцентировано внимание на необходимости корректировки параметров нормативных значений в случае диагностики финансового состояния бюджетов городских округов и муниципальных районов. Подчёркивается, что обеспечение устойчивости территориальных бюджетов является необходимым условием снижения разбалансированности в бюджетной иерархии и успешного социально-экономического развития не только отдельных регионов, но и страны в целом.

Summary. The development of criteria for the financial condition of the budgets of the budgetary system of the Russian Federation is important in the light of the increasing negative trends in reducing the level of self-sufficiency of local budgets. The paper analyzes various approaches to the concept of sustainability of territorial (local) budgets. It is noted that, despite different interpretations of the conceptual apparatus of financial stability, tools for its assessment are quite universal. On the example of the budget of the subject of the Federation, one of the methods for assessing the sustainability of the territorial budget has been tested. The analysis of sustainability of budgets of regional municipalities is carried out. Arguments are given for the use of individual elements of this model to assess the financial stability of local budgets. Attention is focused on the need to correlate the parameters of normative values in the case of diagnostics of the financial condition of the budgets of urban and municipal districts. It is emphasized that ensuring the sustainability of territorial budgets is a necessary condition for reducing the imbalance in the budget hierarchy and successful socio-economic development not only of individual regions, but also of the country as a whole.

Ключевые слова: бюджет субъекта РФ, местный бюджет, типы устойчивости, методика оценки устойчивости.

Key words: budget of a constituent entity of the Russian Federation, local budget, types of sustainability, methodology for assessing sustainability.

УДК 336.143

Сокращение доходной базы территориальных (местных) бюджетов с одновременным ростом расходных обязательств приводит к недостатку собственных средств муниципальных образований. В этих условиях становится чрезвычайно сложно реализовывать региональные (муниципальные) программы социального и экономического развития, финансировать дефицит местного бюджета [2; 11]. Процесс реформирования территориальных финансов привёл к сокращению доходов местных бюджетов, в основном из-за падения норматива отчислений по налогу на доходы

физических лиц, который является бюджетообразующим собственным доходным источником на местах [1; 2].

Одновременно наблюдаются устойчивые центростремительные тенденции в движении налоговых потоков от периферии к региональным центрам. Уровень централизации в бюджетах субъектов федерации достигает 70 % [2]. Доля налоговых и неналоговых доходов в структуре доходных источников составляет менее 20 % [12]. Из-за этого о сколько-нибудь значимой самодостаточности и самостоятельности территориального (местного) уровня говорить трудно. Такое положение вещей не могло не сказаться на финансовом состоянии местных бюджетов.

С финансовой стабильностью бюджетов связывают понятие устойчивости К. В. Иванова, В. Е. Паникин, Е. В. Вылегжанина, В. А. Гребенникова. По их мнению, формирование модели оптимального бюджета является залогом экономической безопасности территории. Такой бюджет должен отражать социальную направленность расходования средств и включать в критерии оценки показатели бюджетной обеспеченности населения [5; 6].

Большинство авторов видит устойчивость бюджетов в их финансовой сбалансированности, т. е. способности обеспечивать в том числе текущие расходы [16]. Ряд авторов обуславливает высокую степень финансовой устойчивости наличием превалирующей доли собственных источников (налоговых и неналоговых доходов) в общих доходах бюджета [6; 8; 9]. Так, Р. М. Тухбатулин трактует бюджетную устойчивость как возможность со стороны органов местного самоуправления обеспечивать запланированные расходные и долговые обязательства за счёт финансовых ресурсов из собственных источников [14].

В отношении местных бюджетов, в особенности сельских поселений, такой подход утрачивает актуальность, поскольку доля финансовой помощи из вышестоящих бюджетов является доминирующей в структуре доходов. Местная налоговая база значительно сократилась, а поступления от неналоговых доходов по большей части нестабильны.

Анализируя подходы к оценке устойчивости территориальных (местных) бюджетов, отметим единодущие авторов во взглядах на их методическое обеспечение.

Большинство методик, используемых для анализа и аналитической оценки финансового состояния бюджетов, основаны на расчёте групп коэффициентов (или показателей уровня), которые отражают ту или иную сторону бюджетного процесса [5; 8; 10; 14]. Следует подчеркнуть, что подобного рода исследования, как правило, опираются на методический инструментарий, основанный на использовании относительных бюджетных показателей.

В разработках отечественных авторов всю совокупность количественных оценок финансового состояния бюджета можно разделить на несколько групп:

- независимость бюджетов, обусловленная уровнем бюджетной автономии, бюджетной зависимости и бюджетной устойчивости;
- сбалансированность, показателями которой служат уровень покрытия дефицита, уровень налоговых и неналоговых доходов в общей сумме бюджета, индекс бюджетного покрытия;
- эффективность бюджетной политики, определяемая уровнем бюджетных доходов на душу населения и бюджетной обеспеченности населения.

В качестве примера рассмотрим методику О. И. Тищутиной, предлагающей оценивать устойчивость бюджетов субъектов федерации с помощью трёх показателей: уровня бюджетной автономии, степени бюджетной зависимости и степени устойчивости бюджета (см. табл. 1).

Авторская модель рейтинговой оценки базируется на сравнении соответствующих показателей бюджета с пороговыми значениями, сформированными на основе законодательных документов в области бюджетного законодательства, мнений экспертов, обобщения отечественного и зарубежного опыта в сфере анализа и оценки бюджетов. При этом выделяются 4 модели устойчивости консолидированного бюджета: абсолютная устойчивость бюджета, нормальная устойчивость бюджета, неустойчивый бюджет, критическое положение (см. табл. 2).

Апробацию актуальности использования методики проведём на примере бюджета региона. Информационной базой исследования являются данные отчётов об исполнении бюджетов Хаба-

ровского края за период 2018-2020 гг. [15]. Согласно данным табл. 3, бюджет региона имеет нормальную финансовую устойчивость.

Таблица 1

Показатели устойчивости бюджета [13]

Показатель	Формула расчёта
Уровень бюджетной автономии (независимости), %	$Y_{авт} = (\text{Доходы полученные*} / \text{Доходы всего}) \times 100 \%$
Степень бюджетной зависимости, %	$C_{зав} = (\text{Межбюджетные трансферты} / \text{Доходы всего}) \times 100 \%$
Степень устойчивости бюджета, %	$C_{уст} = (\text{Межбюджетные трансферты} / \text{Доходы полученные}) \times 100 \%$

Примечание: * – общий объём доходов бюджета за вычетом межбюджетных трансфертов

Таблица 2

Показатели устойчивости консолидированного бюджета [13]

Показатель	Значение показателя, рассчитанное по бюджету	Балльная оценка	Значение показателя, рассчитанное по бюджету	Балльная оценка
Тип устойчивости	Абсолютная устойчивость бюджета			Нормальная устойчивость
$Y_{авт}, \%$	≥ 80	+2	≥ 70	+1
$C_{зав}, \%$	≤ 20	+2	≤ 30	+1
$C_{уст}, \%$	< 30	+2	30...60	+1
Тип устойчивости	Неустойчивый бюджет			Критическое положение
$Y_{авт}, \%$	≤ 70	0	≤ 40	-1
$C_{зав}, \%$	≥ 30	0	≥ 60	-1
$C_{уст}, \%$	60...100	0	> 100	-1

Таблица 3

Оценка устойчивости бюджета Хабаровского края (составлено авторами на основе [15])

Показатель	2018 г.	Балльная оценка	2019 г.	Балльная оценка	2020 г.	Балльная оценка
$Y_{авт}, \%$	73	+1	73,1	+1	70,5	+1
$C_{зав}, \%$	27	+1	26,9	+1	29,5	+1
$C_{уст}, \%$	37	+1	37	+1	42	+1

Доля внешних источников в структуре доходов краевого бюджета менее 30 %. Это говорит о значительной степени самостоятельности региона. Показатель степени устойчивости бюджета имеет тенденцию к росту и достигает значения 42 % в 2020 г.

Расширим горизонты исследования, проведя анализ устойчивости бюджетов городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» и Комсомольского муниципального района. Формально оценивать местные бюджеты на основе рассмотренной модели некорректно, т. к. методика «работает» в отношении консолидированных региональных бюджетов.

Использование рассматриваемой методики применительно к городскому округу показало, что муниципальное образование соответствует модели «Критическое положение», характеризующейся снижающимся уровнем бюджетной автономии (от 38,4 % в 2017 г. до 30,7 % в 2020 г.) и растущей степенью бюджетной зависимости (см. табл. 4).

Таблица 4

Показатели устойчивости бюджета города Комсомольска-на-Амуре (составлено авторами на основе [3])

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Уровень бюджетной автономии (независимости), %	38,4	36,8	34,1	30,7
Степень бюджетной зависимости, %	61,6	63,2	65,9	69,3
Степень устойчивости бюджета, %	160,7	171,4	148,6	149,2

Доля финансовой помощи в структуре доходных источников колеблется в пределах от 61,6 % в 2017 г. до 69,3 % в 2020 г. Соотношение межбюджетных трансфертов и собственных доходов бюджета города варьируется от 171,4 % в 2018 г. до 148,6 % в 2019 г.

Анализ динамики данных табл. 5 показывает, что бюджет Комсомольского муниципального района в 2020 г. имеет неустойчивое финансовое положение. В этот период уровень бюджетной автономии повышается до 50,5 %, соответственно, снижается степень бюджетной зависимости до 49,5 %. В 2017-2019 гг. по показателю «Степень устойчивости бюджета» положение бюджета района тяготеет к критической ситуации (коэффициент более 100 %). Это означает, что финансовая помощь из вышестоящих бюджетов превышает уровень собственных доходов.

Таблица 5

Показатели устойчивости консолидированного бюджета Комсомольского муниципального района
(Составлено авторами на основе [4])

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Уровень бюджетной автономии (независимости), %	45,4	45,7	45,5	50,5
Степень бюджетной зависимости, %	54,6	54,3	54,5	49,5
Степень устойчивости бюджета, %	120	119	120	98,4

Таким образом, анализ устойчивости бюджетов муниципального уровня с применением методики О. И. Тишутиной показал актуальность её использования на местном уровне с необходимостью корректировки пороговых значений, по крайней мере для показателя «Степень устойчивости бюджета». Для местных бюджетов характерным является, как правило, превалирование уровня межбюджетных трансфертов в структуре доходных источников. По этой причине пороговое значение «>100» является свидетельством «перманентного кризиса» местных бюджетов.

В этой связи мы ещё раз хотим акцентировать внимание на неэффективной политике межбюджетных отношений, которая «узаконивает» низкую самодостаточность местных бюджетов.

В исследованиях поведения социально-экономических систем, подобных административно-территориальным образованиям и структурам, входящим в них, отмечается нестабильное влияние нижестоящих уровней на закономерности макроуровня. Причём амплитуда колебаний поведения системы возрастает при переходе от более высокого иерархического уровня к более низкому, для муниципального района это усиление дисбаланса поведения муниципальных образований как социально-экономических систем в его составе [7]. С учётом приведённых доводов полученные результаты могут свидетельствовать о негативной тенденции роста рассогласования в подсистеме муниципального уровня.

Способы повышения финансовой автономии на местах известны. Это расширение собственного доходного потенциала за счёт закрепления за муниципальными территориями новых налогов и дополнительных поступлений от налогов в вышестоящие бюджеты, создание реестра муниципального имущества и размещение его в открытом доступе и т. д. [2].

Стимулирование тенденций к укреплению устойчивости местных бюджетов, на практике означающее снижение муниципальной дотационности, является залогом успешного участия насе-

ления в формировании точек роста и включения местного уровня в процессы стратегического планирования развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арланова, О. И. Местные бюджеты: проблемы формирования / О. И. Арланова, Н. З. Зотиков, М. В. Львова // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 5. – URL: <https://esj.today/PDF/15ECVN519.pdf> (дата обращения: 17.01.2022). – Текст: электронный.
2. Бухвальд, Е. М. Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов / Е. М. Бухвальд, М. А. Печенская // Проблемы развития территории. – 2017. – Вып. 4 (90). – С. 37-50.
3. Бюджет для граждан. Отчёт об исполнении местного бюджета // Комсомольск-на-Амуре. Официальный сайт органов местного самоуправления. – Раздел сайта «Деятельность», подраздел «Финансовая деятельность». – URL: <https://www.kmscity.ru/activity/city/finance/budget-citizen> (дата обращения: 30.11.2021). – Текст: электронный.
4. Бюджет Комсомольского муниципального района // Официальный сайт администрации Комсомольского муниципального района. – Раздел сайта «Финансы района», подраздел «Бюджет». – URL: <https://raion-kms.khabkrai.ru/Finansy-rajona-/Byudzhet-/> (дата обращения: 30.11.2021). – Текст: электронный.
5. Вылегжанина, Е. В. Актуальные подходы к оценке финансовой устойчивости муниципальных бюджетов / Е. В. Вылегжанина, В. А. Гребенникова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 5-2. – С. 255-262.
6. Иванова, К. В. Устойчивость бюджетов муниципальных образований: понятие, факторы формирования / К. В. Иванова // Экономика и социум. – 2016. – № 5. – С. 20-26.
7. Кизиль, Е. В. Амплитудно-частотный динамический анализ как инструмент диагностики социально-экономической устойчивости территорий / Е. В. Кизиль // Экономическая безопасность: стратегические риски и угрозы: материалы III Межвузовской науч.-практ. конф. с международным участием. – СПб.: Издательство СПБГЭУ, 2016. – С. 202-206.
8. Коротина, Н. Ю. Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований / Н. Ю. Коротина // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2014. – № 217 (353). – С. 17-27.
9. Макейкина, С. М. Проблемы обеспечения сбалансированности муниципальных бюджетов в современных условиях и пути их решения / С. М. Макейкина, Ю. Н. Чинаева // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – 2019. – № 2 (32). – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/2/financeandcredit/Makeykina_Chinaeva.pdf (дата обращения: 21.01.2022). – Текст: электронный.
10. Паникин, В. Е. Финансовая устойчивость и безопасность местных бюджетов / В. Е. Паникин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. – 2009. – № 1 (14). – С. 133-137.
11. Петрова, О. А. Бюджетная роспись как основа исполнения муниципального бюджета / О. А. Петрова, Н. С. Порвина, Т. А. Яковлева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № I-2 (33). – С. 102-105.
12. Сумская, Т. В. Оценка основных направлений бюджетной политики на субфедеральном уровне / Т. В. Сумская // НГУЭУ. – 2015. – № 2. – С. 83-105.
13. Тишутина, О. И. Методология анализа бюджета приграничного региона (на примере субъектов РФ Дальневосточного федерального округа) / О. И. Тишутина // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 2. – С. 462-470.
14. Тухбатуллин, Р. М. Финансовая устойчивость муниципальных образований: факторы обеспечения и методика оценки: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Тухбатуллин Рустем Марсилевич. – Казань, 2018. – 191 с.
15. Управление общественными финансами. Хабаровский край // Официальный сайт министерства финансов. – Раздел сайта «Текущая деятельность», подраздел «Исполнение бюджета». – URL: <https://minfin.khabkrai.ru/portal>Show/Content/3937?ParentItemId=1180> (дата обращения: 14.01.2022). – Текст: электронный.
16. Шаш, Н. Н. Обеспечение сбалансированности муниципальных бюджетов: финансовые инструменты и факторы влияния / Н. Н. Шаш // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. – 2015. – № 4 (23). – С. 99-103.

Усанов И. Г., Усанов Г. И.
I. G. Usanov, G. I. Usanov

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ФОРМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БИЗНЕСА

TRANSFORMATIONAL MANAGEMENT: FORM OF BUSINESS TRANSFORMATION

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Менеджмент, маркетинг и государственное управление» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Usanov Ilya Gennadich – PhD in Economics, Associate Professor, Head of Management, Marketing and Government Administration Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Усанов Геннадий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент, маркетинг и государственное управление» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Usanov Gennadii Ivanovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Management, Marketing and Government Administration Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Аннотация. На современном этапе развития человечества в результате интенсификации процессов глобализации усиливаются взаимосвязи между экономическими системами глобального, национального, территориального, муниципального и нижележащих уровней управления. Любые изменения в экономической системе вышестоящего уровня, будь то пандемия или другие, неизбежно влекут за собой необходимость адекватных преобразований в экономических системах нижестоящего уровня, определяя вектор и содержание их собственных трансформационных программ и проектов. На обсуждение выносятся разработанные авторами методологические основы «трансформационного менеджмента» как самостоятельного направления в науке управления в части формирования альтернативных форм преобразования бизнеса.

Summary. At the present stage of human development, as a result of the intensification of globalization processes, the interconnections between the economic systems of the global, national, territorial, municipal, and lower levels of government are intensifying. Any changes in the economic system of a higher level, whether it is a pandemic or others, inevitably entail the need for adequate transformations in economic systems of a lower level, determining the vector and content of their own transformational programs and projects. The methodological foundations of "transformational management" developed by the authors as an independent direction in the science of management, in terms of the formation of alternative forms of business transformation, are submitted for discussion.

Ключевые слова: концепция «трансформационного менеджмента», стратегические альтернативы, формы преобразования бизнеса.

Key words: concept of «transformational management», strategic alternative, form of business transformation.

УДК 005.1

На современном этапе развития человечества отчётливо проявляются глобальные тенденции трансформации мировых экономических отношений. В результате интенсификации процессов глобализации и информационно-коммуникативных технологий усиливаются взаимосвязи между экономическими системами глобального, национального, территориального, муниципального и нижележащих уровней управления [15].

Любые изменения в экономической системе вышестоящего уровня, будь то, например, пандемия, социализация общественных отношений или борьба с загрязнением окружающей среды, неизбежно влекут за собой необходимость адекватных преобразований в экономических системах

нижестоящего уровня, определяя вектор и содержание их собственных трансформационных программ и проектов.

В стратегическом менеджменте до сих пор общепринято при анализе изменений внешней среды бизнеса выделять и идентифицировать влияние в первую очередь среды прямого действия, а затем косвенного воздействия [2]. Среда прямого действия, по сути, это ближнее окружение бизнеса, состоящее из потребителей продукции, поставщиков всех необходимых ресурсов и конкурентов. Среда же косвенного воздействия – это дальнее окружение бизнеса, состоящее из иерархически упорядоченных экономических систем вышестоящего уровня: муниципальной, территориальной, национальной и глобальной. Таково устоявшееся мнение учёных и практиков со времён И. Ансоффа, которое доминирует в управлеченческих науках и по сей день.

Отличие современных условий хозяйствования состоит в том, что факторы, казалось бы, дальнего окружения бизнеса, косвенно определяющие эффективность его функционирования, сегодня выдвигаются на первый план, занимая доминирующие позиции и изменения принципы, методы и инструментарий принятия управлеченческих решений на уровне первичного хозяйствующего субъекта.

С середины XIX и вплоть до середины XX века доминирующее положение в науке управления занимала рационалистическая парадигма управления, основоположниками которой являлись ещё Ф. Тейлор, А. Файоль, А. Маслоу и др. Суть её заключалась в том, что хозяйствующий субъект рассматривался как первичная экономическая система, цели и задачи которой считались заданными и стабильными в течение длительного времени [3].

При этом основными факторами успешного функционирования микроэкономической системы предприятия считались непрерывный рост масштабов деятельности на основе углубления специализации, рациональная организация снабженческих, производственных, сбытовых, трудовых и управлеченческих процессов, снижение всевозможных издержек за счёт выявления внутренних резервов и повышения эффективности использования всех ресурсов. Внешняя среда бизнеса в этот период была достаточно стабильной. Спрос повсеместно многократно превышал предложение, а государственные органы управления всех уровней, всячески поощряя предпринимательство, предпочитали не вмешиваться во внутренние дела бизнеса.

Со второй половины XX века, благодаря накопленным знаниям и появлению интеллектуальных технологий, в науке управления обособилось самостоятельное направление, получившее название «стратегический менеджмент». Концептуальная идея этого направления в менеджменте базируется не только на системном, но и большей частью на ситуационном подходе, при котором многочисленные факторы макро-, мезо- и микроокружения бизнеса выходят на первый план, изначально определяя дальнейшую судьбу бизнеса.

Всё возрастающая конкуренция как результат развития производительных сил общества начала выходить за границы отраслей, затем территории и, наконец, стран. Необходимость её регулирования привела к тому, что ключевые факторы успеха в бизнесе переместились с уровня первичного хозяйствующего субъекта на уровень вышестоящих экономических систем, обусловив возрастание динамичности и значимости среды, казалось бы, косвенного воздействия. Таким образом, факторы дальнего окружения бизнеса в современных условиях становятся доминирующими, открывая для любого бизнеса либо новые перспективы, либо неся фатальные угрозы. Их изменения формируют для первичного хозяйствующего субъекта собственные трансформационные потребности.

Экономическое положение отдельного хозяйствующего субъекта в современных условиях возрастания динамичности внешней среды в конечном итоге определяется, во-первых, ранее накопленным потенциалом организации (генетическая составляющая), во-вторых, умением распорядиться им, т. е. способностью управляющей подсистемы так организовать основные, вспомогательные, обслуживающие и управлеченческие процессы, чтобы в максимальной степени реализовать возможности накопленного потенциала в новой изменяющейся внешней среде, обеспечив рационально необходимую трансформацию всех составляющих компонентов и элементов внутренней среды.

Директор школы менеджмента Саутгемптонского университета Б. Райан, иллюстрируя масштабность и значимость наличия трансформационных потребностей и способностей у первичного хозяйствующего субъекта бизнеса, приводит следующую статистику: «На каждые сто фирм, созданных после второй мировой войны, приходится менее одной фирмы, продолжающей функционировать в наши дни. Из всех вновь создаваемых фирм через 5 лет выживает менее чем шестая их часть» [5, 7].

Действительно, одни предприятия терпят неудачу, поскольку не могут противостоять давлению конкурентов, других подкашивают изменившиеся предпочтения потребителей или агрессивная политика поставщиков производственных и финансовых ресурсов, третьих выдавливают с рынка международные события или регулятивные воздействия органов государственного управления глобального, национального, территориального или муниципального уровней.

Вместе с тем все они уходят с рынка вследствие возрастания внутренних деформаций, падения эффективности деятельности в новых условиях функционирования и неспособности системы управления обеспечить своевременную и системную трансформацию элементов внутренней среды, адекватную изменениям условий хозяйствования. Всё перечисленное явилось побудительным мотивом выдвижения авторами концепции трансформационного менеджмента как самостоятельного направления в науке управления [6].

В природе эволюционные процессы идут по пути адаптации любых популяций к изменяющимся внешним условиям среды обитания посредством их адекватных преобразований и превращений, или трансформаций. Каждый этап в эволюции флоры и фауны даёт начало новым видовым ветвям. Право на жизнь сохраняют только те особи, которые выработали в себе необходимые качества для жизнедеятельности в изменившихся условиях существования. Таким образом осуществляется естественный эволюционный отбор всего многообразия животного и растительного мира.

Подобно природе, в экономике, особенно в её предпринимательском секторе как наиболее динамичной экономической системе, происходят аналогичные процессы. Приведённая аналогия позволяет отчётливо и явно представить эволюцию предпринимательской структуры в современных условиях, выживание и последующее развитие которой целиком и полностью зависят от степени её соответствия трансформациям (изменениям) среды функционирования посредством осуществления своевременных системных и адекватных внутренних трансформаций (преобразований), целью которых является повышение эффективности функционирования в новых условиях хозяйствования. Классификация альтернативных вариантов платформ преобразования бизнеса в сфере отраслевой и вне отраслевой специализации приведены на рис. 1 и 2.

Разработанная авторами классификация возможных форм преобразования бизнеса охватывает без малого три десятка альтернативных платформ формирования трансформационных программ и проектов.

Как известно, платформа – это совокупность основных компонентов, набор комплектующих и возможные технологические вариации решений [4]. Поэтому каждая из приведённых платформ трансформации бизнеса является, с одной стороны, базисом для первоначального принятия решения, а с другой стороны, даёт возможность реализации выбранного направления преобразования со множеством самостоятельных вариантов.

В сфере отраслевой специализации трансформация бизнеса может осуществляться отдельно или одновременно по следующим основным направлениям: изменение масштабов деятельности; повышение конкурентоспособности бизнеса; освоение отраслевого рынка; внедрение современных достижений науки, техники и передового опыта реализации деятельности.

Платформа масштабирования в рамках отраслевой специализации при соответствующих условиях может реализовываться на базе одной или нескольких из четырёх субплатформ: на базе эволюционного роста с темпами до 10 % прироста объёмных показателей; интенсивного роста с темпами выше 10 % прироста; сокращения деятельности вплоть до ликвидации бизнеса и комбинирования использования первых трёх направлений.

Рис. 1. Трансформационный менеджмент: платформы преобразования бизнеса
в сфере отраслевой специализации

В свою очередь платформа повышения конкурентоспособности бизнеса состоит из четырёх самостоятельных направлений, каждое из которых отдельно или одновременно в комплексе может стать основой трансформационных программ и проектов преобразования бизнеса, а именно: совершенствование продукта или услуги; внедрение ресурсосберегающих технологий; формирование ключевых факторов успеха в реализации отраслевой деятельности и конкурентных преимуществ собственного бизнеса; повышение эффективности функционирования всех подсистем управления бизнесом, в первую очередь на базе цифровизации и автоматизации управления.

Платформы преобразования бизнеса: развитие деятельности вне отраслевой специализации

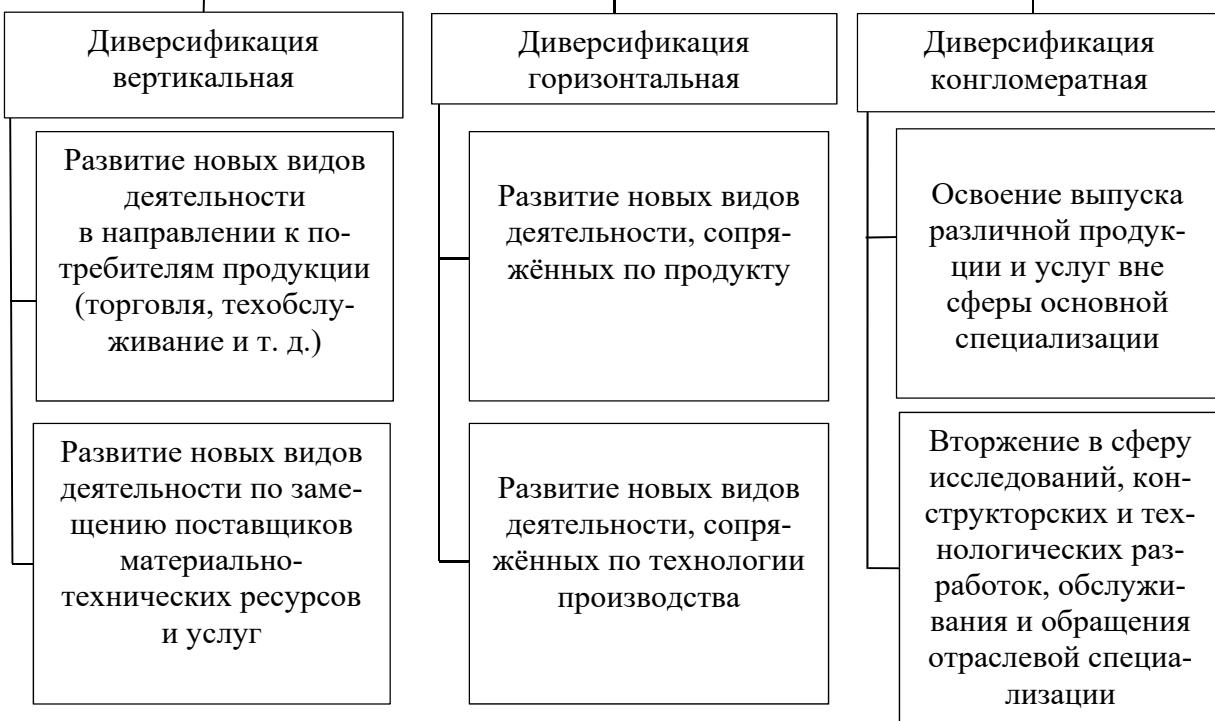

Рис. 2. Трансформационный менеджмент: платформы преобразования бизнеса
вне отраслевой специализации

Платформа расширения географии деятельности включает в себя четыре основные альтернативы трансформации бизнеса от первоначального освоения локального отраслевого рынка с последующим захватом территориального, национального и выходом на глобальный рынок в сфере своей отраслевой специализации.

Трансформационная платформа внедрения достижений науки, техники и передового опыта, наряду с повышением конкурентоспособности, является ключевой для всех сфер специализации и масштабов деятельности бизнеса. Она состоит из трёх основных компонентов: внедрение продуктовых инноваций; переход на прогрессивные технологии производства и оказания услуг; внедрение управлеченческих нововведений, прежде всего в области автоматизации выполнения управлеченческих функций.

Трансформационные платформы преобразования бизнеса с выходом за пределы отраслевой специализации (см. рис. 2) охватывают три основных направления трансформации, получивших название «диверсификация» деятельности: вертикальная, горизонтальная и конгломератная диверсификации. Диверсификация (от *diversus* – разный и *facere* – делать) означает расширение номенклатуры и ассортимента выпускаемой продукции или видов деятельности с выходом за границы основной отраслевой специализации бизнеса.

Вертикальная диверсификация подразумевает развитие новых видов деятельности для удовлетворения дополнительных потребностей прежнего сегмента потребителей (внедрение в сферу, например, оптовой и розничной торговли, технического обслуживания продукции и т. д.) или замещение поставщиков материально-технических ресурсов и комплектующих с созданием собственных производств и организационных структур.

Горизонтальная диверсификация ориентирует бизнес на разработку трансформационных программ и проектов, связанных с созданием новых видов деятельности, сопряжённых либо по основному продукту, либо по технологии его изготовления.

Конгломератная диверсификация бизнеса предполагает разработку и реализацию таких трансформационных программ и проектов, которые никак не связаны с прежней отраслевой специализацией бизнеса, но являются привлекательными для него сферами деятельности. Это и освоение выпуска различной продукции и услуг других отраслей, и вторжение в сферу, например, исследований, конструкторских и технологических разработок, обслуживания и обращения.

Выбор той или иной трансформационной платформы определяется сложностью и первоочерёдностью поставленных задач, сроками реализации проекта, в пределах которых требуется осуществить замысел, а также величиной необходимых материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Просчитывая варианты из этих переменных, можно определить наиболее эффективный путь реализации проекта трансформации в заданных условиях. Так, рост масштабов деятельности может быть осуществлён посредством аренды, строительства или покупки производственных мощностей, или продажи франшизы и т. д.

В заключение. Ведущие капиталистические страны начиная с 30-х годов прошлого века вели поиск путей предотвращения кризисных явлений, свойственных рыночной модели хозяйствования. Для нейтрализации стихии рынка с его взлётами и падениями эти страны постепенно усиливали роль государственного регулирования, доведя соотношение рыночных и централизованных начал управления национальной экономикой до уровня приблизительно 50:50 в наши дни с небольшими отклонениями в ту или иную сторону в разных странах.

В мире также усиливается роль транснациональных корпораций и нарастают темпы глобализации мировой экономики. Сегодня уже отчётливо проявляется необходимость корректировки современной управленческой парадигмы в сторону учёта всё возрастающего доминирования изменений факторов внешней среды бизнеса и его трансформационных компетенций. По существу, эффективность функционирования первичного хозяйствующего субъекта уже сегодня определяется большей частью состоянием экономических систем вышестоящего уровня и решениями, принимаемыми на этих уровнях управления.

Менеджменту же любой предпринимательской структуры сегодня уготована роль внутренних реформаторов, основная задача которых состоит в постоянном мониторинге внешней среды, идентификации внешних изменений и организации преобразования внутренней среды бизнеса для сохранения его жизнедеятельности и поддержания эффективности функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 218 с.
2. Маршев, В. И. Размышления об истории управленческой мысли / В. И. Маршев // Управленческие науки. – 2016. – Т. 6. – № 1. – С. 6-16.
3. Минцберг, Г. Школы стратегий / Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Дж. Лэмпел; пер. с англ. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 336 с.
4. Моазед, А. Платформа. Практическое применение революционной бизнес-модели / А. Моазед, Н. Джонсон. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 370 с.
5. Райан, Б. Стратегический учёт для руководителя / Б. Райан; пер. с англ. – М.: Аудит; ЮНИТИ, 1998. – 616 с.
6. Усанов, Г. И. Управление трансформацией предприятий и организаций: стратегия и тактика: моногр. / Г. И. Усанов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 184 с.
7. Усанов, И. Г. Трансформация предпринимательских структур методом реинжиниринга бизнес-процессов / И. Г. Усанов // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: Экономика. – 2007. – № 2 (15). – С. 328-332.
8. Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.
9. Информационный сайт Правительства России. – URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

10. Большой экономический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 13.01.2022). – Текст: электронный.
11. Адельбаева, А. К. Транснациональные корпорации в мировом хозяйстве / А. К. Адельбаева // Вестник КазНПУ. – 2016. – URL: <https://articlekz.com/article/19016> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.
12. Кузнецов, А. В. Транснациональные корпорации в мире / А. В. Кузнецов // Мировое и национальное хозяйство. – 2014. – № 2 (29). – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire> (дата обращения: 20.02.2022). – Текст: электронный.
13. Счётчик населения Земли // Население Земли. – URL: <https://countryometers.info/ru/World> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.
14. Как изменится жизнь человека через 20 лет: специальный проект // Ведомости. – URL: <https://future.vedomosti.ru/> (дата обращения: 02.02.2022). – Текст: электронный.
15. Тренды // РБК. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends> (дата обращения: 02.02.2022). – Текст: электронный.

Содержание

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Буденис О. Г.

БИЛИНГВИЗМ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО

РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА 4

Квашенко О. Л.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ КАРИКАТУРЕ 9

Лай Фэй, Чжай Хайбинь

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧЕСКИХ

МЕНЬШИНСТВ В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ПРОВИНЦИИ

ЮНЬАНЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.) 15

Мусалитина Е. А., Пустовит Н. Е.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ

ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В КОНТЕКСТЕ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА 22

Мяо Цзяньчжун

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИИ КНИЖНОЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ 27

Непочатова В. М.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ

КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ 36

Николаева Е. Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ:

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬХОНСКОГО

РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ) 41

Петрунина Ж. В., Шушарина Г. А., Чебанюк Т. А.

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

РУССКИХ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ 46

Петрунина Ж. В., Чэнь Ци, Абаков Д. Р.

ЖИЗНЬ КИТАЙЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИАМУРЬЯ В 1860-Х ГОДАХ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ) 50

Плохотнюк М. А.

НЕОШАМАНИЗМ: ЕЩЁ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ 55

Саблин Д. А.

УТИЛИТАРНЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОРУЖИЯ

В КОНТЕКСТЕ ПРЕДМЕТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРЫ 63

Фёдоров Ю. В., Сапрыкина М. Ю., Элькан О. Б.

ПРОБЛЕМНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

И СТОЛИЧНОЙ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

НАЧАЛА XXI ВЕКА 67

Чжай Хайбинь

КИТАЙСКИЙ НЕОРЕАЛИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ:

ЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) 75

ИСТОРИЯ

Лю Синтао, Виноградов И. С.

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

И ЕГО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 80

Платонова Н. М.

БУРЯТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧИТИНСКОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ

ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КОЧЕВОГО К ОСЕДЛОМУ

ОБРАЗУ ЖИЗНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ 1920-Х ГОДОВ) 89

Шуляева А. В., Ярославцева Т. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ПЕРВИЧНОЙ

МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

(1970-Е – 2020 ГГ.): СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 99

ЭКОНОМИКА

Бережной С. А., Кудрякова Н. В.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ

НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НЕФТЕПЕРЕРАБОТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ 108

Гусева Ж. И., Шинкорук М. В.

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ 114

Кизиль Е. В.

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ БЮДЖЕТОВ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ 119

Усанов И. Г., Усанов Г. И.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ:

ФОРМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БИЗНЕСА 124

Учёные записки КнАГТУ
2022 № VI (62)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 26.09.2022
Дата выхода в свет 29.09.2022

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 30666

Отпечатано в типографии
КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

